

ΙΝΣΤΙΤΟΥΤΟ ΠΑΓΚΟΣΜΙΑΣ ΙΣΤΟΡΙΑΣ
ΑΚΑΔΗΜΙΑ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ ΤΗΣ ΡΩΣΙΑΣ

ΑΡ.Α. ΟΥΛΟΥΝΙΑΝ

ΣΥΝΤΟΜΗ
ΝΕΟΕΛΛΗΝΙΚΗ
ΠΟΛΙΤΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ

ΜΟΣΧΑ 1998

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АР. А. УЛУНЯН

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
ГРЕЦИИ**

конец XVIII в. — 90-е гг. XX в.

(КУРС ЛЕКЦИЙ)

МОСКВА 1998

ББК 63.3 (4Гр)
У49

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент Т. В. Никитина
кандидат исторических наук С. А. Романенко

У 49 **Улуния Ар. А.** Политическая история современной Греции.
Конец XVIII в. — 90-е гг. XX в. Курс лекций. —
М: ИВИ РАН, 1998. — 331с.

Книга представляет собой систематическое изложение новогреческой политической истории с конца XVIII в. и до середины 90-х гг. нашего столетия. Основное внимание уделяется общественно-политическим процессам в греческом обществе накануне образования независимого национального греческого государства и основным этапам его развития. В работе определена взаимосвязанность внутривосточных и внешнеполитических проблем истории Греции и выявлены основные характерные этапы её развития.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, историков, студентов гуманитарных вузов, специализирующихся по проблемам неоеллинистики, а также преподавателей общеобразовательных школ с углубленным изучением греческой истории, культуры и языка.

ISBN 5-201-00501-2

ББК 63.3

© Улуния А.А., 1998
© Институт всеобщей истории РАН, 1998
© А.И. Саплин. оформление, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА.....	7
I. ГРЕЧЕСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ГОСПОДСТВОМ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ГРЕКОВ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГРЕЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА (конец XVIII в. – 1864 г.)	
1. <i>Общественно-политическое и экономическое положение греков в Османской Империи к концу XVIII – началу XIX вв.</i>	9
2. <i>Национально-освободительное движение греков в начале XIX в. и восстание 1821 г. в Дунайских княжествах и Греции.</i>	24
3. <i>Государственное строительство в Греции.</i>	49
II. ПРЕВРАЩЕНИЕ ГРЕЦИИ В БАЛКАНСКУЮ ДЕРЖАВУ (1860-е гг. – 1922 г.)	
1. <i>Внутриполитическое развитие Греческого Королевства и его внешняя политика (1860-е гг. – 1897 гг.)</i>	70
2. <i>Общественно-политическое развитие Греции в начале XX в. Участие Греции в Балканских и Первой мировой войнах.</i>	86
3. <i>Греция после Первой мировой войны.</i>	105
III. РЕСПУБЛИКА И МОНАРХИЯ: ГРЕЧЕСКИЙ ПАРАДОКС (1923 – 1939 гг.)	
1. <i>От монархии к республике.</i>	117
2. <i>Кризис республики, реставрация монархии и установление военного режима.</i>	144
IV. ГРЕЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И РЕКОНСТРУКЦИИ (1940 г. – 1960-е гг.)	
1. <i>Греция во Второй мировой войне.</i>	158

2. <i>Гражданская война в Греции (1946– 1949 гг.)</i>	189
3. <i>Греция в годы реконструкции и модернизации</i>	213
V. “НЕСТАБИЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ”, ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА (1960-е гг. – 1996 г.)	
1. <i>В поисках собственной идентичности</i>	241
2. <i>Военный режим и его ликвидация (1967 – 1974 гг.)</i>	262
3. <i>Переход от военного режима к гражданскому управлению и основные итоги общественно-политического развитие Греции в 80-е – 90-е гг.</i>	288
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	317
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН	319
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	327

ОТ АВТОРА

На протяжении долгого времени новая и новейшая история Греции — небольшого средиземноморского, европейского и балканского государства, — продолжает оставаться малознакомой для широкого круга российской общественности. Отсутствие в отечественной историографии работ, в которых рассматриваются основные проблемы истории этой страны с момента создания новогреческого государства и до наших дней, существенно затрудняет процесс подготовки кадров историков, журналистов, филологов, переводчиков, выбирающих своей специализацией неоэллинистику. Многие профессионалы-историки, занимающиеся научными исследованиями политических проблем соседних с Грецией балканских стран, испытывают, в силу тесной взаимосвязанности исторических судеб народов и государств региона, потребности в научной литературе, посвященной историческим проблемам политического развития Греции в XIX — XX вв. Перед лицом серьезных трудностей оказались и общеобразовательные заведения России, в которых обучаются представители греческой диаспоры. В тоже время, большинство общих работ, изданных за рубежом по данной тематике, рассчитано прежде всего на аудиторию соответствующих стран и может использоваться отечественными читателями с определенными ограничениями так как требуют расширенного комментарием и объяснений, несмотря на то, что многие из них представляют существенный интерес в силу своей информативности.

Как первый шаг, направленный на заполнение существующей пробела в отечественной российской историографии, стала попытка создания книги, позволяющей дать общие представления об основных проблемах истории Греции XIX — XX вв. Структура работы и лекционная форма изложения материала рассчитаны в первую очередь на предоставление возможности интересующимся историей Греции самим ознакомиться с ее общественно-политическим развитием с конца XVIII в. и до начала 90-х гг. нашего столетия.

До сих пор в научных дискуссиях о хронологических рамках и самом понятии новогреческой истории высказываются несколько концепций. Сторонники каждой из них используют аргументацию, способную в той или иной степени доказать их правоту. Так, в частности, делаются утверждения о том, что новогреческая история берет свое начало с момента падения Византии под ударами турок-сельджуков. Не менее часто как точка отсчета выступает середина или вторая половина XVIII в., известные в истории греческого народа как время “новогреческого Просвещения”. Сторонники третьей точки зрения выступают в поддержку тезиса совпадения активной вооруженной борьбы против османского господства и восстания 1821 с началом новогреческой истории. Немногочисленная группа историков считает, что точкой отсчета может считаться создание независимого государства. Однако, как бы то ни было, греческий термин νεοελληνική ιστορία – новогреческая история, получил право на существование и начал использоваться еще в XIX в. Поэтому была предпринята попытка учесть существующие концепции и предоставить читателям возможность ознакомиться с историческим материалом, относящемуся к более раннему периоду чем начало греческого восстания 1821 г. В тоже время, принимая во внимание сложность и незаконченность многих общественно-политических процессов в Греции новейшего времени, трудности адекватного исторического анализа последних семи лет, которые еще “не превратились в историю”, автор счел необходимым определить хронологическим рубежом представленного в книге материала начало 90-х гг. XX в., обусловив это и окончанием соответствующего этапа общественно-политического развития страны.

I. ГРЕЧЕСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ГОСПОДСТВОМ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ГРЕКОВ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГРЕЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА (конец XVIII в. – 1864 г.)

1. Общественно-политическое и экономическое положение греков в Османской Империи к концу XVIII — началу XIX вв.

29 мая 1453 г. после двухмесячной осады, проводившейся османскими войсками под командованием султана Мехмеда II и насчитывавшими 200 тыс. человек с большим количеством артиллерии, пал Константинополь — столица Византийской империи. Это стало финальным актом в продолжавшемся уже долгое время процессе распада могущественного государства Средиземноморья. Последующее подчинение турками автономных государственных и административных образований, некогда отколовшихся от Византии, было делом достаточно легким и недолгим. Прорыв турок на Балканский полуостров, получившим от завоевателей за свои природные особенности такое название, переводимое как “темные горы”, ознаменовал новую эпоху для народов региона и существовавших там некогда государств. В конце XV — начале XVI вв. при султани Баязиде произошло окончательное завоевание Юго-восточной Европы Османской империей. Среди народов, попавших под иноземный гнет, оказались и греки.

К концу XVIII - началу XIX вв. Оттоманская Порта являлась полиэтническим государством-монархией, в состав которой входили народы, лишенные независимости. Империя охватывала территорию собственно Турции, Ближнего Востока, Северной Африки и Балкан. Последние составляли приблизи-

тельно 1/4 всех владений. Первые территориальные потери этого, раскинувшегося на трех континентах государства, относятся к 1718 г., когда в результате войны с Австрией (1716–1718 гг.) Османская империя потеряла Малую Валахию, часть Боснии и г. Белград. В конце XVIII в. Россия в ходе русско-турецких войн отстояла Крым и добилась присоединения ряда земель. Но наиболее чувствительный урон османским владениям был нанесен в начале XIX в. в результате национально-освободительных восстаний завоеванных балканских народов и образования ими своих государств.

В демографическом отношении Османская империя отличалась крайней неоднородностью. Из всего ее населения, насчитывавшем по приблизительным подсчетам 38 млн. 504 тыс. человек, около 14 млн., то есть 1/3, проживали в балканских провинциях. Мусульманское и христианское население в Дунайском эйялете составляло соответственно 33,33% и 64,15%, Адрианопольском — 37,53% и 58,73%, Салоникском — 41,70% и 52,91% и в Битольском — 39,25% и 57,91%. Если учесть, что ислам исповедовало не только этнически турецкое (тюркское) население, то можно отметить сравнительно небольшой процент турок в соотношении с коренным населением провинций. Во всех балканских землях империи отмечались особенности как этнического, так и социального характера.

В системе этно-конфессиональных отношений существовало явление, характерное лишь для Оттоманской Порты и носившее название *миллет*. Со второй половины XV в., то есть в годы правления султана Мехмеда II Баязида, этот институт был легализован до уровня правовой категории, став синонимом так называемых конфессиональных сословий в общей теократической системе Оттоманской Порты, что отвечало религиозным кораническим представлениям завоевателей. В соответствии с господствовавшей исламской доктриной было необходимо проявлять терпимость к “народам книги”, то есть тем, кто исповедует веру, догматы которой письменно оформлены.

К их числу относились христиане, иудаисты и зороастрийцы. Являясь одним из институтов Порты, миллет объединял людей одной и той же религии, нередко языка и территории, перед лицом османской администрации. Его существование было связано не только с желанием завоевателей оградить себя от ассимиляции, но и в большей степени с отношением правителей Османской империи к своим инонациональным и иноконфессиональным подданным. Сами мусульмане составляли миллет, определявшийся как *миллет-и хаккиме* или “правлящий миллет”. Главы конфессий являлись руководителями миллетов — греко-православного, армяно-григорианского и иудейского.

Исторически сложилось так, что главой греко-православного миллета, известного как *миллет-и рум*, стал Константинопольский патриарх-грек, имевший звание этнарха или по-турецки миллет баши. В соответствии с османской иерархией по своему положению в обществе он приравнивался к *трёхбунчуйному паше*. У тюркских народов бунчук (лошадиный хвост, помещенный на длинном шесте) использовался для обозначения звания или должности гражданских и военных сановников высшего ранга. Количество хвостов соответствовало месту обладателя подобного “штандарта” в османской иерархии.

Положение патриарха было определено сразу же после падения Константинополя. Существовавшая устная традиция ссылалась на некий султанский *берат* — указ, подписанный султаном Мехметом в середине XV в., в соответствии с которым патриархия пользовалась особыми имущественными привилегиями. Попытки найти данный документ, предпринятые в 20-е гг. XVI в. в связи с решением султана Сулеймана I ограничить имущественные привилегии, а также его резко агрессивной политикой в отношении христиан, не принесли успеха. Есть основания полагать, что существовала некая устная договоренность между султаном Мехметом и патриархом Геннадиясом, заключенная в середине XV в.

Греческая аристократия поздневизантийского периода, сконцентрированная в Царьграде и компактно проживавшая в привилегированном городском районе *Фанар*, была принята на государственную службу в Османской империи. Фанариоты, как называли эту прослойку оттоманского общества (по месту жительства основных ее представителей), занимали высшие посты в дипломатическом ведомстве Оттоманской Порты, являясь *драгоманами* (переводчиками), функции которых были намного шире обязанностей обычного толмача. Часть этой аристократии привлекалась к управлению подвластных Османской империи Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, чьи господа были выходцами из старинных византийских родов. Подобная практика начала складываться с 1709 г., когда представители местной знати потеряли доверие центральных оттоманских властей. Резиденции в Яссах и Бухаресте превратились в центры греческой политической жизни и культуры. Особую роль играли, как уже об этом говорилось выше, константинопольские патриархи, так же являвшиеся фанариотами. Православная церковь фактически находилась в руках греческого клира, а греческий язык был средством общения между представителями различных балканских народностей, выступая в роли *lingua franca*. Во многом господствующее положение греков в церковных делах начало восприниматься во второй половине XVIII в. отдельными христианскими народами полуострова, в частности болгарами, как ущемление их собственных прав. Одновременно положение самих греков в Османской империи было сходным с положением других завоеванных турками народов полуострова. Разбросанность греков в пределах Оттоманской Порты, главными очагами эллинства в которой являлась территория собственно Греции, Малая Азия и Понт, выявила много региональных особенностей греческого населения. Главные из них были связаны в той или иной степени с серьезными различиями в языке и культурными традициями. Часть из них говорила на *димотике* (так называемом народном

языке), часть на понтийских диалектах, трудно понимаемых жителями Греции, а отдельная группа (*караманлиды*) использовала как родной язык турецкий, а на письме — вместо арабского греческий алфавит.

Несмотря на стремление завоевателей получить полный контроль над захваченной территорией Греции, в ряде ее труднодоступных районов, прежде всего в горных массивах, продолжали оставаться автономные самоуправяемые общины. Таковыми были деревни *Аграфы* (дословно — не вошедшие в фискальный реестр и фактически не платившие налогов Османской империи) в районе Пинда, *Элефтерохори* (буквально — свободные деревни) в районе полуострова Халкида и *Загорохории* в Эпире. Более того, жители Пелопоннеса получили право иметь своих представителей в Константинополе. В ряде районов Греции вспыхивали восстания. Их причинами как правило были социальный, национальный и религиозный гнет со стороны завоевателей. Вооруженная борьба приобретала характер затяжной партизанской войны. Участники многочисленных отрядов, называвшиеся *клефтами* (по-гречески, дословно — воры) за свои действия, носившие нередко характер разбойных нападений, наводили ужас на турецких завоевателей. В целях борьбы с ними османские власти начали создавать из самих греков подразделения *арматолов* (дословно — вооруженные), которые впервые появились в Северной Греции в 1627 г. Однако эта мера оказалась малоэффективной, так как антипартизанские отряды переходили на сторону тех, против кого были призваны бороться, а последние иногда сами выступали в роли арматолов. Все эти действия вели в конечном счете к созданию ядра будущих греческих повстанческих отрядов, главной целью которых становилось сопротивление османским завоевателям.

Жизнь в Оттоманской империи строилась на основании введенных завоевателями правил и установлений, основу которых составляли коранические шариатские нормы. Так, в частности, в соответствии с османскими законами христиане и представи-

тели других немусульманских конфессий не имели права носить оружие или служить в армии. При рассмотрении дел, христианин не мог выступать в роли свидетеля или заявителя в мусульманском суде, где ответчиком выступал мусульманин. Представителю христианской конфессии отказывалось в праве женитьбы на мусульманках. В соответствии с принятым законом мужчины-христиане были обязаны платить специальный налог, называвшийся *харадж*, выступавший как своего рода откуп от военной службы. Но наиболее жестоким установлением османских властей было введение так называемого “налога кровью”, известного как *девширме*¹, а в греческой традиции называвшегося *пезомазом* (похищение детей). В соответствии с ним из семей христиан отбирались наиболее способные, физически здоровые и привлекательно выглядевшие подростки и насильственно обращались в ислам. После прохождения курса обучения они зачислялись на военную или гражданскую службу. Отборные и наиболее привилегированные войска Османской империи — *янычары* также рекрутировались из них. Процесс исламизации как насильственной, так и “добровольной” (принадлежность к этой конфессии открывала для способных, но исповедовавших другие религии граждан империи, дорогу к карьере) проходил в Оттоманской Порте постепенно, но неуклонно. Он коснулся и греков, в частности, на о. Крит и в Малой Азии. Однако в повседневной жизни были нередки случаи, когда новообращенные в мусульманство христиане продолжали тайно исповедовать свои прежние религиозные убеждения. Эта группа (и при том не малочисленная) вошла в историю Османской империи как *криптохристиане*. Правящий класс Оттоманской Порты, таким образом, формировался не только из тюркских этнических элементов, но и исламизированных представителей других балканских (и не только балканских) народов.

¹ От глагола турецкого языка *devşirmek* — собирать, рвать (цветы).

В хозяйственной жизни греческих земель в конце XVIII — начале XIX вв. наметились существенные изменения. Это нашла свое отражение в переходе всё большего количества земель в частное владение, дробление крупных держаний, в частности *тимаров*², присвоении *мирийских земель*³ и создании *чифтлик*ов — крупных помещичьих хозяйств. Прекращение военных успехов Османской державы; вхождение её в товарно-денежные отношения с другими странами, нуждавшимися в сельскохозяйственном сырье; резкое обесценивание османских денег по отношению к валютам других стран — таковы были причины новых социально-экономических процессов.

Появление чифтлик

ов в Греции было зафиксировано с середины XVIII в. в областях Эпира и Фессалии, а в следующем столетии их распространение приобрело уже широкие масштабы. Пример Али-паши Янинского показывает, какими путями шла концентрация земли в одних руках. Этот могущественный феодал, во владения которого входили Эпир и Фессалия, обладал $1/3$, а по некоторым данным — $1/2$ всех используемых земель, большая часть которых была ранее мирийскими. Чифтлики становятся весьма распространенными в этот период во всех областях Греции, где основной производственной отраслью было сельское хозяйство. На Пелопоннесе к началу 20-х годов XIX в. 58,3% обрабатываемой земли являлось частной собственностью, а 41,7% — оставались мирийскими. При этом 40 тыс. турок владели миллионом *стреммов*⁴ в то время как 360 тыс. греков — полутора миллионами.

В сельском хозяйстве греческих земель существовало три основных вида экономических отношений при аренде и пользо-

² Тимар — военно-ленное земельное владение, передававшееся по наследству. Часть из них пользовалась налоговым иммунитетом (так называемые свободные тимары), часть была лишена такой привилегии (несвободные тимары).

³ Мирийские земли — земельные владения, принадлежавшие религиозным учреждениям.

⁴ 1 стремм приблизительно равен 1 тыс. метров².

вании земель. Их история уходила своими корнями в период существования Византийской империи. Первым из них был *синдрофикон*, который представлял собой такую форму отношений между арендатором и владельцем, при которой чистый доход, после выплаты всех налогов и расходов, делился пополам. При втором виде — *тритариконе*, работник должен был выплачивать все налоги и другие расходы. Что же касается его доли чистой продукции, то она составляла около $7/10$, а остальные $3/10$ оставались собственнику данного надела. Особую форму представлял *геоморон*. При ней арендатор заранее договаривался с владельцем земли относительно конкретных цифр получаемой прибыли (суммы или объеме продукции), которая будет передана ему.

Появление в XVII и особенно в XVIII вв. в греческих землях нового класса *чифтликчиев*, владевших земельными наделами на правах частной собственности и сдававших её в аренду, стало новым явлением в хозяйственно-экономической жизни как Балканского региона в целом, так и греческих земель, в частности. В греческой деревне появляется новая прослойка *котзабасов* или “капиталистских крестьян”. Однако этот факт не означал автоматической отмены османской феодальной системы, а скорее свидетельствовал о приспособление её к новым тенденциям. Реформаторская деятельность Селима III, Мустафы-паши Байрактара, а затем эпоха Танзимата со всей очевидностью показали основные направления предпринимавшихся попыток такой адаптации и не только в области экономики. В лице кодзабасов османская администрация увидела силу, способную принести определенную пользу при сельскохозяйственных поставках для армии и уплаты налогов. Этот зажиточный класс постепенно сосредоточивал в своих руках местное самоуправление. Однако османские власти проводили в отношении его двоякую политику.” с одной стороны, они поддерживали эту зажиточную группу, с другой — ограничивали, так как боялись ее усиления и превращения в слишком независимую силу. Во-

влеченность котзабасов в активный товарооборот и сосредоточение у них определенных финансов, например, в виде ренты, лишь способствовала укреплению их позиций в социально-политической системе османского общества.

Достаточно серьезные изменения, происходившие в XVIII в. в социальной системе Османской империи, имели большое значение для её развития как полиэтнического государства, включавшего в свой состав территории трёх континентов и страдавшего от постоянных проявлений регионализма. Появление в социально-экономической структуре Оттоманской Порты новой социальной группы — *аянов* — правителей городов или отдельных округов, избиравшихся местной знатью, серьезно повлияло на характер взаимоотношений между центром и периферией империи. Будучи хорошо знакомы с местными условиями, обладая значительной земельной собственностью, а также и материально-финансовыми ресурсами аяны занимали высокое место в военной олигархии, или имели авторитет богословов и ученых. Одной из главных опор султанской власти в провинции становится *аянлык*. Фактически внутри господствующего класса возникает новый социальный слой. В городе появляется столичная бюрократия, являющаяся переходной социальной группой от элиты военной бюрократии XV-XVI вв. к профессиональной бюрократии XIX в. и оттесняющая все остальные слои правящего класса на второе место.

Особое место в греческих землях занимали ремесла и первые предприятия мануфактурного типа. Начало процесса их образования не являлось единоактным и поэтому датировать его можно весьма условно. Необходимо отметить, что уровни развития мануфактур и специализация этих предприятий были разными. Особенностью балканских мануфактур являлась национальная разнородность, соседствовавшая с патриархально-общинным укладом. В греческих землях ремесло и объединения мануфактурного типа специализировались на производстве текстиля, металлических изделий, резьбе по металлу, готовых

табачных изделий. Как правило владелец мануфактуры или её организатор занимался в той или иной степени каким-либо ещё подсобным “делом”. Для греков им являлось занятие посреднической торговлей и производством сельскохозяйственной продукции, пользовавшейся большим спросом на мировом рынке. К числу наиболее известных греческих мануфактур относилась фирма, находившаяся в фессалийском местечке Амбелакья и специализировавшаяся на производстве тканей. Другое предприятие, располагавшееся в Матемохорье и занимавшееся производством и выделкой металла, объединяло в общей сложности 12 больших и 36 малых деревень и использовало разделение труда.

На хозяйственную жизнь греческих земель серьёзно влияла и “производственная” миграция, способствовавшая созданию общевалканского рынка, переселение, в частности, определенных профессиональных групп из одних районов полуострова в другие. Так, в конце XVIII в. Али-паша Янинский привез из Болгарии в Янину болгарских угольщиков, которые в течении нескольких лет смогли решить сложившийся в Янине во второй половине XVIII в. кризис с каменным углем.

Особое место в экономическом, политическом и социальном развитии Балкан играла торговля. Участие в ней греков было значительным. К 1764 г. в руках греческих торговцев, занимавшихся челночными операциями на море, находилось около 600 судов. Среди греческих торговцев-судовладельцев, специализировавшихся и на внутренней торговле, выделялись семьи Галаксиотов, Миолодисов, Миконьянцев. Одной из основных функций Эгейского флота было перемещение импорта и экспорта в более мелкие порты Черного моря. После русско-турецкой войны 1768-1772 гг. стала ещё более очевидна протекционистская политика Российской империи по отношению к своим единоверцам на Балканах. Чисто стратегические цели сочетались с общеполитической концепцией царской внешней политики. 19 апреля 1759 г. российская императрица Екатерина

II утвердила предложение де Рибаса относительно иностранных поселенцев “с Эгейских островов и отовсюду”, которых предполагалось привлечь в Одессу. Этот указ был сразу переведен на греческий язык и распространен в Стамбуле через российского посла графа В. Кочубея. Указ состоял из двух частей, одна из которых давала гарантии предоставления места жительства в пригороде Одессы для тех, кто уже переселился в южнороссийские земли после службы в русской армии во время русско-турецкой войны, а другая — обеспечивала права тем, кто хотел бы переселиться с Эгейских островов в этот черноморский российский город. Ввиду многих благоприятных факторов колонии выходцев с Балкан росли. В 1814 г. в Одессе была основана греческая торговая школа, где к 1818 г. училось около 250 греков. В городе существовало четыре торговых объединения: “Объединенные греки”, “Новые греки”, “Греки”, “Греко-русские”.

Внешняя торговля, которую вели греки, была весьма интенсивна. Европа начала регулярно знакомиться с балканскими торговцами уже с XV в. Во многих городах Восточной, Западной и даже Северной Европы существовали колонии балканских эмигрантов (Лондон, Мадрид, Рим, Амстердам, Стокгольм, Будапешт, Яссы, на юге России — Одесса, на севере — Санкт-Петербург). Широкое представительство греков в Европе нередко способствовало тому, что многие выходцы с Балканского полуострова именовались “греками”, а торговцы и купцы из этого региона практически автоматически превращались в официальных документах в “греков”.

К этому времени сложилось два “торговых региона” — Европа и Россия. Поляризация объяснялась характером их взаимоотношений с Османской империей. Из-за запрета, который налагался на мусульман в отношении торговли, долгое время ею занимались подвластные народы, что привело к такому положению, при котором в поздние периоды развития Оттоманской Порты одна треть османской торговой палаты представля-

ла интересы греческих торговых фирм и организаций. Ввиду того, что Россия добилась права для греческих торговых судов использовать российский флаг и предоставила режим наибольшего благоприятствования грекам, возросла иммиграция в южные губернии Российской империи определенной части греков, среди которых преобладал так называемый средний класс. Из 282 глав семейств, просивших и получивших поддержку и покровительство в 1823–1825 гг. на территории Молдавии и Валахии, 106 были греками, 26 — болгарами. Большая часть этих переселенцев была торговцами и ремесленниками.

Особое значение в развитии общественно-политической и духовной жизни греков играло образование и книгопечатание. До середины XVIII в. они концентрировались вокруг религиозных учреждений — церквей и монастырей. Однако с развитием новых тенденций в социальной и экономической жизни греков ситуация начинает меняться. В определенной степени конфессиональные центры становятся элементами политической культуры греков, а религиозная составляющая уступает место секулярной в восприятии действительности. Процессы, известные в истории народов Западной Европы как Возрождение и Просвещение, в условиях Османской империи и применительно к положению в ней греков имели свои отличительные черты. Главными из них были резко политизированные подходы к вопросам национального самосознания, соотношению исторического прошлого и настоящего, развитию языка и образования. Интерес к естественнонаучным и секуляризированным историческим дисциплинам наглядно иллюстрируется статистикой, выпускавшейся для нужд начального образования литературы.

вид литературы	Г О Д Ы							
	1725		1750		1775		1800	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
духовная	80	75	163	78	318	70	395	53
грамматики	10	9	13	6	46	10	104	14
другие	17	16	34	16	91	20	250	33

Два центра экономической и культурно-политической жизни греческих колоний, *парикий*, — Россия и Западная Европа — определили во многом идейно-политические и культурно-исторические ориентиры просвещенной части греков-купцов, литераторов, врачей и деятелей церкви. В последней четверти XVIII в. в греческом обществе начало происходить переосмысление национальной истории. На смену общехристианскому средневековому единству пришло самобытное понимание “рода”, “народа”, иными словами, то, что сейчас назвали бы первыми ростками национального самосознания. Процесс секуляризации образования выразился в создании школ светского типа, где помимо традиционных предметов, носивших печать средневекового образования, появились новые: физика, география, история, математика и т.д.

Программными документами греческого Просвещения на первом этапе стали не столько литературные и философско-этические произведения, сколько исторические работы, посвященные прошлому и настоящему греческому народу, его месту и роли в мировой истории. Обращение греческого просветителя Спиридона Пападопулоса к истории Византии в изданном в 1767 г. им переводе книги Монтескье “Наблюдение о причинах упадка Римской империи”, к которой он добавил специальные “Примечания”, было весьма симптоматично. Греческий интерпретатор достаточно остро критиковал социально-политический строй Византийской империи, являвшейся в постулатах фана-

риотских идеологов идеалом. Другой греческий просветитель — К. Депонтас в своих многочисленных произведениях, главным из которых являлась “История событий во время царствования султана Мехмеда”, ставил на повестку дня вопрос о континуитете греческой истории, делая при этом акцент на роль в ней просвещенного монарха, дарующего своему народу славу и процветание. Подобной точки зрения придерживался его сторонник и последователь Петрос Депастас, поддерживавший теорию “общественного договора” и “естественного права”. В этой связи представляет интерес многотомная “Церковная и политическая история от Юлия Цезаря до 1789 г.”, написанная Аф. Ипсилантисом. В ней превалировало описание различных событий мировой истории, в русле которой происходило поступательное развитие греческого народа. Характерный для средневековья моноцентризм изложения был заменен греческим просветителем синтезной картиной мирового развития.

Со всей очевидностью философско-политические идеи Просвещения проявились в греческом обществе в 80-е — 90-е гг. XVIII в., когда большая часть мыслителей, оказавшись под воздействием западно-европейской философии Гоббса, Ньютона, Локка и Лейбница, а также трудов французских энциклопедистов, соединила её с национальными принципами греческой культуры. Если в 60-е гг. основу Просвещения, в определенной степени составляло “критическое направление” во главе с Э. Вулгарисом, то десятилетия спустя появляется оформленный манифест греческого национального Просвещения. Им стала вышедшая в свет в 1780 г. работа И. Мисиодакиса “Апология”. Автор провозглашал гуманистические принципы человеческого бытия и выдвигал на первый план рационализм как основу политической и социальной деятельности человека в обществе. При этом, в соответствии с его точкой зрения, существовала настоятельная необходимость отделения философии от истории. Как он, так и его сторонники, придерживались концепции просвещенного абсолютизма и необходимости достижения Грецией

независимости. Многое в учении Ф. Мандакасиса было заимствовано у Д. Дидро и, в частности, понимание им сути “общественного договора”.

Особую значимость для политической культуры греческого Просвещения приобрел спор о смысле дефиниции само-названия греков (эллинкос, ромис и грэкос). В соответствии с пропагандировавшейся фанариотами доктриной, обслуживавшей их социально-политические интересы, лексические определения названия греков несли вполне конкретную идеологическую нагрузку. В этой связи, принимая во внимание главенствующее положение греческого духовенства в православном миллете, фанариоты использовали термин *эллиникос* (т. е. греческий) для обозначения всех верующих православного вероисповедования, тем самым перенося этническое понятие на религиозную общность. Одновременно, для выделения греков как народа они использовали византийское *ромеос* — “род ромеев”. Обращение к реалиям Византийской империи должно было символизировать преемственность Константинопольской патриархией духовных и политических ценностей Восточной империи и тем самым узаконить подчинение ей христианских народов Балканского полуострова. Таким образом, фанариотское учение, сочетавшее в себе элементы народного и религиозного сознания, вступало в резкое противоречие с реальностью. Греческие просветители отмежевались от фанариотской теории. Наиболее последовательно против неё выступал Д. Фотиадис (Катардзис), несмотря на то, что сам принадлежал к числу выходцев из Фанара и имел знатное происхождение. Пропаганда народной культуры, демократизация языковых норм — максимальное приближение к разговорной речи и очищение языка от древнегреческих искусственных наслоений и чужеродных заимствований — таковы были составляющие его программных установок. Отказавшись от фанариотских дефиниций, Д.Катардзис предложил своё понимание истории развития греческого народа. В соответствии с ним, древние греки — это *эллины*.

Для обозначения греков-подданных Византийской империи он использовал понятие *ромэос*. Историзм его рационалистического подхода существенно отличался от религиозно-этнического, выдвинутого фанариотством.

Революция во Франции и реакция на неё в Европе имела отзвук в Османской империи среди угнетенных народов. Интенсивность проникновения её идей повлияла на их борьбу за свое национальное освобождение, превратив Просвещение в его важный элемент. Новый этап ознаменовался усилением политических аспектов балканского Просвещения. На смену обращению к истории пришла пора открытых политических памфлетов, в которых звучали призывы к национальному и духовному освобождению.

2. Национально-освободительное движение греков в начале XIX в. и восстание 1821 г. в Дунайских княжествах и греческих землях.

Социально-экономические и политические условия развития греческих земель в составе Османской Империи в конце XVIII - начале XIX в. оказали сильное воздействие на формирование идеологии национального освобождения греков. Появление в балканских провинциях Порты собственного класса буржуазии, стремившегося иметь политические права и гарантии внутри Османской империи, ознаменовало новый этап как социально-экономического, так и политико-идеологического развития балканского общества. Национальное положение, определяемое отношением официальных властей к тому или иному миллету, перестало соответствовать социально-экономическим реалиям. Внутри греко-православного миллета развернулась борьба входивших в него народов за самостоятельность, с одной стороны, и, с другой, — стремление фанариотского духовенства сохранить

свой контроль над данным институтом. В этой борьбе отразились противоречия и между различными социальными группами включенных в его состав народов. Немаловажное значение имели внешнеполитические события, среди которых особо следует выделить русско-турецкие войны, а также Великую французскую революцию. Они оказали большое идеологическое воздействие на судьбы национальных движений греков, болгар, сербов, румын, и в значительно меньшей степени — турок и албанцев. К началу XIX в. начинают вызревать и программно оформляться национально-освободительная идеология сопротивления османскому гнету. К числу наиболее известных представителей греческого национально-освободительного движения этого периода относятся Адамантиос Кораис (1748–1833) и Ригас Фереос (Велестинлис) (1757–1798).

Знакомство с Европой, состоявшееся у А. Кораиса в 1771 г. во время поездки в Амстердам, послужило во многом отправной точкой для его идеологических и политических воззрений. Знание 15 иностранных языков снимало барьеры перед выходцем с Балкан. Прибытие в Париж незадолго до Великой Французской революции позволило Кораису проследить череду событий в их логической последовательности. Вероятно, это повлияло и на его политические воззрения — он крайне негативно оценивал революцию как способ решения социальных и политических проблем. Со всей наглядностью этот подход был продемонстрирован им в такой фразе: “Я являюсь поклонником свободы, но люблю, друзья мои, и законность. Свобода без законности является настоящим бандитизмом”.

Эволюционизм А. Кораиса выражался в неприятии им революционных способов борьбы. Он отдавал предпочтение поднятию интеллектуального уровня греков и лишь после полного “просвещения” были, по его мнению, возможны какие-либо действия, направленные на освобождение Греции. Французская революция отождествлялась в представлениях Кораиса со спонтанным восстанием образованных и просвещенных людей против

невежества и деспотизма. В то же время, он возненавидел якобинскую диктатуру, а правление Робеспьера характеризовал не иначе как “тирания Робеспьера”. Приход к власти Наполеона был встречен А. Кораисом восторженно. Он писал о нем как о человеке, “который возбудил уважение в сердцах тех, кто любит порядок и ужас в сердцах тех, кто нарушает его”. Однако он вовсе не одобрял бонапартизма: “Обожаю, — писал он, — свободу, но хотел бы, чтобы она существовала на основе закона и человечности”. К этому времени у Кораиса формируется план освобождения Греции с помощью Франции.

Программными в идеологии А. Кораиса является несколько произведений: “Асма полемистирион” (Боевая песня) и “Сальпизма полемистирион” (Звук боевой трубы), написанные соответственно в 1800 и 1801 гг., а так же издание басен, авторство которых, якобы, принадлежало Эзопу. Кораис поставил на повестку дня четыре главных для греческой общественно-политической мысли вопроса: связь между древними и современными автору греками; создание нового языка; просвещение (в широком смысле этого слова) и образование греческого государства.

Первая из перечисленных проблем имела большое значение для понимания сущности греческой действительности. Официально провозглашенная фанариотским духовенством доктрина сочетала в себе элементы народного и религиозного сознания и была направлена на подчинение христианских народов Балканского полуострова Константинопольской патриархии. Концепция континуитета, выражавшаяся в утверждении, что история греческого народа начиналась с “православной” Византии, была доминантой этой доктрины. Фанариоты не признавали классической Греции, её традиций. Языческая культура древней Греции привлекалась лишь постольку, поскольку это было необходимо. В свою очередь отношение Кораиса к Византии было крайне отрицательным и основывалось на его представлениях о ней как воплощении всех негативных черт монархизма, теокра-

тизма и социального неравенства. Государству византийского типа он противопоставлял идеалы античной Греции, сочетавшиеся у него с идеалами эпохи Просвещения. Выдвинутая фанариотами теория государства “рода ромеев” была противопоставлена Адамантиосом Кораисом идее “государства-нации”. Он укорял Византию за забвение названия “эллин”. Для обозначения современных ему греков, Кораис использует заимствованное из европейских языков слово “грек” (ο γραικός). Отказываясь от фанариотской доктрины, А. Кораис стремился показать континуитет в развитии греков как нации, начиная с древнейших времен и до современного ему периода. При этом, однако, выявилась определенная идеализация истории и роли в мировой и греческой национальной истории древнего периода страны.

Немаловажное значение для Кораиса имел так называемый языковой вопрос. Архаический язык, навязываемый со стороны фанариотского духовенства, был непонятен и чужд большинству греков. Однако многие представители нарождающегося среднего слоя, связанного в той или иной степени с развитием новых социально-экономических отношений, стремились “не отставать” от традиционной знати и выступали за сохранение архаического письменного языка. В свою очередь А. Кораис стремился, во-первых, максимально шире использовать язык, понятный всему греческому народу, а, во-вторых, он выступал как против ирредентистов (радикально настроенных представителей защитников димотики — народного языка), так и против архаистов (то есть тех, кто выступал за максимальное использование форм и правил древнегреческого языка). Предложенный им язык, синтетический в своей основе, названный впоследствии кафаревусой, т.е. чистым, должен был символизировать единство греческой нации в этническом и социальном плане. Это было связано с тем, что в случае безграничного распространения “народного” языка (димотики), являвшегося неприемлемым для определенной части национальной буржуазии,

фанариотов, некоторой части интеллигенции, жившей в диаспоре и подверженной идеям европейского Просвещения и классицизма, нарушение социального мира было бы очевидно. Кафаревуса, ставшая впоследствии государственным языком независимого греческого государства, была во многом обязана своим появлением и внедрением в жизнь А. Кораису. История, однако, в дальнейшем показала, что искусственный язык “национального единства”, столь необходимого в период создания греческой государственности, не только не способствовал объединению, но и ещё больше разъединял классы и социальные слои общества в силу своей элитарности.

Особое место в идейно-политических построениях А. Кораиса занимала программа освобождения Греции и строительства национального государства. Её основы были изложены в ряде его литературных произведений. Так, в “Боевой песне”, написанной в 1800 г., звучал призыв к свержению “гнёта мусульман”, “жестоких мамелюков”. Как припев к песне после каждого куплета ставился вопрос с восклицанием: “Сколько будет длиться рабство? Да здравствует свобода!” Большие надежды Кораис возлагал на помощь грекам со стороны Франции в деле их освобождения от турецкого гнета. В другом своем произведении — “Звуках боевой трубы”, он писал об освобождённой Греции как о части Франко-Греческого государства, основанного на принципах равенства, свободы и законности. Возможно, что на позицию Кораиса повлияли события франко-турецкой войны, в результате которой было создано по Константинопольскому договору 1800 г. фактически первое греческое полу автономное государство под патронажем Франции — Республика Семи островов, объединившего несколько Ионических островов. Позже она находилась под контролем турок, которых сменили российские военные власти. В 1807 г. она вновь стала контролироваться Францией, а в 1807 г. попала во власть Великобритании. В 1815 г. по Парижскому мирному договору это государство было возвращено в британский протекторат.

Приверженцами идей Кораиса стали представители зарождающейся торговой буржуазии, интеллигенции, воспринявшей идеи Французской революции, патриотически настроенной молодежи. Против греческого просветителя выступали представители традиционной аристократии, фанариоты, представители местного патриархального самоуправления, связанного с османской администрацией. Особенно активно осуждала “крамолу с Запада” Константинопольская патриархия, оберегавшая свою паству от “опасных вольнодумных идей”. Патриарх Григорий III, известный своим резко отрицательным отношением к Французской революции, вообще требовал прекратить преподавание наук в греческих школах, видя в подобных знаниях революционную угрозу. Одним из первых шагов, направленных на борьбу с подобной опасностью, было обвинение Кораиса в атеизме со всеми вытекающими из такого приговора Константинопольской патриархии последствиями. Уже в 20-е годы, в период национально-освободительного восстания, А. Кораис проявил себя как теоретик новогреческой государственности.

Другим представителем и идеологом греческого национально-освободительного движения являлся Ригас Фереос (Велестинлис). Жизненный путь этого человека был отмечен постоянной борьбой за освобождение Греции. В Стамбуле он познакомился с Александром Ипсиланти — одним из вождей будущего восстания 1821 г.; в Валахии и Молдавии Ригас служил при государях Ипсиланти, а затем при боярине Бранковяну и, наконец, при государе Маврогенесе. В Австрии Велестинлис печатал свои труды и скрывался от преследователей.

Идейно-политическая программа действий Фереоса существенно отличалась от концепций Кораиса. Он принадлежала к практикам революционно-заговорщического типа. В то же время Велестинлис не мог не касаться общих для греков вопросов. Являясь учеником Д. Катардзиса, Ригас выступил и в “языковом вопросе” по-своему. Он, в частности, заявил: “Друзья мои, до тех пор, пока Хасан и Осман бьют железной палкой по

головам греков, мы не можем высказаться ни за старогреческий (древнегреческий — *Αρ.Υ.*) язык, ни за реформу современного языка (предложенную Кораисом — *Αρ.Υ.*). Только тогда, когда говорим на том диалекте, который народ знает с пеленок, мы можем быть поняты всеми”.

Влияние идей французского Просвещения, Французской революции и освободительных русско-турецких войн на Ригаса Фереоса было достаточно сильным и во многом способствовало формулированию им конкретной программы национального освобождения. Её теоретическая часть была изложена в нескольких произведениях: “Новом гражданском управлении для жителей Румелии и Малой Азии, средиземноморских островов и Влахо-Молдавии”, “Боевом гимне” и ряде песен.

Исходя из исторического опыта он вёл свою деятельность по трём основным направлениям: основание тайной повстанческой организации среди порабощенных народов, пробуждение их национального самосознания через просветительскую работу и, наконец, подготовка вооруженного восстания. Такая программа была впервые выдвинута на Балканах. Её появление свидетельствовало о качественно новом сдвиге в национально-освободительной идеологии.

Тайная организация, названная этерией (обществом), была создана Р. Велестинлисом в начале 90-х гг. XVIII в. Она распространила свою деятельность на большую территорию от Молдавии до Австрии, от Венгрии до Средиземноморских островов и включала в свои ряды представителей разных балканских народов: греков, албанцев, сербов и румын. Есть основания полагать, что один из её филиалов находился и в Стамбуле. Столь пёстрый этнический состав был во многом обусловлен общесоциальной направленностью программных установок, выработанных Р. Фереосом. Так, в частности, он писал в своем “Боевом марше”(Ο Θούριος):

Болгары, албанцы, армяне и греки.

Черные и белые, общим духом восстаньте,

За свободу поднимите саблю.

Нажмите на курок, чтоб уничтожить рабство,

Которое одинаково жестко угнетает христиан и турок”.

Идеи Французской революции, основополагающими из которых были свобода–равенство–братство, стали определяющими в программе Р. Велестинлиса. Написанные на титульном листе “Нового гражданского управления...”, они символизировали верность демократическим принципам. “Повстанческая прокламация”, отпечатанная в 3 тысячах экземпляров в венской типографии братьев Пулисов в октябре 1797 г., стала наравне с “Бовым маршем” и Конституцией программным документом.

Особый интерес представляет содержание “Нового гражданского управления”. По замыслу Фереоса новое государство должно было бы называться “Греческая Республика” и представлять собой единое целое, “хотя охватывает своими границами различные племена и религии...” (ст. 1). В следующей статье уже заявлялось о “греческом народе, который населяет это государство, без различия религии и языка...” (ст. 2). Суверенный народ Греческой Республики, по замыслу Г. Велестинлиса, образовывался из всех населяющих это государство народов, без различия в религии и языке: греков, албанцев, валахов, армян, турок и др. Таким образом в конституции Р. Фереоса, формально признающей право других народов жить в демократическом государстве, всё-таки присутствует один весьма своеобразный момент, а именно: утверждение (хотя и косвенно) о главенстве “греческого” фундамента нового государства.

В июне 1797 г. перед самым вступлением французских войск на Ионические острова под командованием генерала Жантили, Р. Велестинлис вошёл в контакт с французским консулом в Триесте. Это было сделано для того, чтобы привлечь внимание Наполеона к Балканам. Последний обещал оказать необходимую помощь.

Для успешного ведения борьбы против османских завоевателей Велестинлис составил план, о существовании которого ста-

до известно лишь на допросе в австрийской тюрьме после его ареста. План включал: 1) Поднятие восстания на Пелопоннесе среди общин маниотов; 2) После освобождения Пелопоннеса провести наступление в Эпире, с целью объединения сил маниотов с остальной частью греков, живущих на Адриатическом побережье; 3) Наступление объединенными силами в провинциях Османской империи в Македонии, Албании и Центральной Греции.

В отличие от А. Кораиса, абсолютизовавшего действия Франции на Балканах, Р. Велестинлис большое значение придавал совместной борьбе самих балканских народов.

Серьезное влияние на положение подвластных Османской империи народов, включая греков оказывали международные условия. В начале XIX в. на Балканах соперничали, в основном, две державы — Россия и Франция, каждая из которых хотела найти поддержку у народов полуострова. Франция оказывала содействие мятежным пашам, которые стремились отделиться от Оттоманской Порты. Понимая, что помимо поддержки местных царьков необходимо заручиться помощью как можно более широких групп населения, французская миссия в Константинополе приступила к напечатанию и распространению воззваний в Болгарии и Румелии на болгарском и других языках. Первое сербское восстание (1804–1813 гг.) и русско-турецкая война (1806–1812 гг.) оказали существенное воздействие на национально-освободительное движение греков, переведя его из плоскости отдельных вооруженных выступлений и написания программ освобождения в конкретное русло. Первые попытки использования греческих добровольцев в боевых действиях русской армии были сделаны уже в начале русско-турецкой войны. Через посредничество господаря Валахии К. Ипсиланти и при его поддержке с ведома русского командования было послано свыше 200 человек греческого легиона (известного более как Греческое земское войско), сформиро-

ванного в Южной России под командованием Н. Пангалоса, в Сербию.

Важной вехой в национально-освободительном движении греков стало создание тайной организации политического характера — “Филики Этерии” (Дружеского общества) в Одессе в 1814 г, Три его основателя: Н. Скуфас, выходец из Западной Греции, торговец, А. Цакалов, сын торговца кожами в Москве, Э. Ксаитос, также занимавшийся мелкой торговлей, посредничавший при сделках торговых домов Европы и Османской империи, поставили задачу подготовки и осуществления антиосманского восстания. Подобно организации Р. Фереоса, “Филики Этерия” была единственной в своем роде для народов Балканского полуострова политической структурой, оформленной уставными рамками в отличие от объединений “Греческо-дакского литературного общества” (созданного в Бухаресте в 1811 г.) и “Филомузос Этерии” (“Общества любителей муз”). Инициатором создания последней из перечисленных организаций являлась Англия, пытавшаяся превратить её в проводницу своих планов в Греции. Ввиду непопулярности организации, насчитывавшей не более 200 человек, в основном ученых, купцов и служивших в администрации Порты чиновников, настроенных крайне консервативно, она не смогла стать “вождем нации”. Более развитая в политическом отношении греческая эмиграция, обладавшая разветвленной сетью диаспор и занимавшая сильные экономические позиции, создав политическую организацию, целью которой было освобождение Греции, да и не только Греции, но и всего Балканского полуострова, способствовала централизации усилий в борьбе с османским игмом других балканских народов. Существование культурно-просветительских организаций в Париже, Афинах и Бухаресте, куда входили помимо греков болгары и валахи, свидетельство о потенциальных возможностях в реализации этого направления. Однако часть интеллигенции, крупная буржуазия (правда, в меньшей степени) видели путь освобождения из-под османского

ига в просветительской деятельности, “пробуждении” греков. Им были чужды революционные способы борьбы, хотя, в принципе, они не отказывались от использования насилия в политических целях. Идеи А. Кораиса накладывали отпечаток на их деятельность. По существу, эти организации были практическим воплощением его идей.

События международной жизни 1814 г., наиболее важным из которых являлось заседание Венского конгресса, начавшееся в сентябре, имели большое значение для национально-освободительной борьбы поработанных народов. “Танцующий конгресс”, как его назвал из-за постоянных балов и приемов австрийский фельдмаршал князь де Линь, выработал отнюдь не веселую программу. Основопологающим моментом в принятых документах было подавление какого бы-то ни было революционного движения, обязательность приверженности идее легитимизма.

Однако, как это ни парадоксально, революционное движение греческого народов выбрало Россию, участницу и вдохновительницу “Венского судилища”, как место пребывания своих руководящих органов.

Планы “Филики Этерии” по созданию на Балканах нечто похожего на федерацию народов данного региона, как хотел того Р. Велестинлис, вели к необходимости сотрудничать с другими балканскими народами. Будучи сначала чисто национальной греческой организацией, “Филики Этерия” набирала до 1817 г. в свои ряды только греков. Состав её членов отражал глубокие различия внутри греческого общества, которые в дальнейшем привели к вооруженной борьбе во время войны за независимость. В мае 1817 г. в “Филики Этерию” был принят вождь Первого сербского восстания Карагеоргий. В том же году, служащий драгоманом русского консульства в Яссах, грек по происхождению Г. Л. Левендис по поручению организации, членом которой он являлся, начал переговоры с болгарским представителем хаджи Михаилом о поднятии восстания в

Болгарии. Со всей очевидностью проявился общевалканский характер созданной греками для освобождения своей родины тайной организации. К тому времени в ней существовало уже несколько течений.

Первое из них, условно называемое радикально-революционным, идеологическим и политическим символом которого был Р. Велестинлис, состояло из представителей части буржуазии, интеллигенции, служащих и крестьян. Наиболее выдающимися его деятелями являлись Скуфас, Анагностопулос, Папафлессас (Г. Дикеас), Т. Колокотронис, Никитарас, Анагностарас, Андруцос.

Второе, так называемое консервативно-компромиссное, состояло из представителей крупной греческой буржуазии, которые выступали за национальное освобождение из-под османской власти, но в то же время стремились придать революционному процессу “верхушечный” характер, так как опасались перерастания восстания в социальный бунт. Они достаточно осторожно относились и к участию соседних балканских народов в греческом национально-освободительном движении. Главными представителями этого направления были А. Маврокордатос, Негрис, Карадзас, а также судовладельцы из семейств Кундуриотисов и Орландосов.

Третье направление, состоявшее из феодальных элементов, вовлеченных в организацию ходом событий (котзабасы Заимис, Хараламбис, Ландос, Нотарас), ориентировалось как и предыдущее на Англию, отрицательно относилось к идее участия соседних народов в национально-освободительной борьбе греков и особенно резко реагировало на любые планы общевалканского антиосманского восстания, в котором приняли бы участие нижние и средние слои балканского общества. Во многом они рассчитывали на изолированные действия при поддержке Лондона, рассматривавшегося ими как гарант соблюдения возможных греко-османских договоренностей.

В январе 1821 г. началось народное восстание, которое вошло в историю как восстание Тудора Владимиреску, выходца из средних слоев валашского общества, предводителя восстания. Во многом оно было результатом тяжелого социально-экономического положения основной части населения Валахии — крестьян. “Частой пищей крестьян, — писал современник событий, — были дикие овощи и хлеб из ячменя. Только два или три раза в год они ели мясо”. Находясь под управлением фанариотских господарей, коренное население испытывало и национальный гнёт, выражавшийся в эллинизаторской политике верхушки валашского и молдавского общества, проводившейся этническими греками или эллинизированными валашскими и молдавскими боярами. Грабительская политика большей части господарей (сменяемость которых зависела от отношений Порты с Россией) по отношению к коренному населению была очевидна. Так государственные доходы Молдавского княжества равнялись в начале XIX в. приблизительно 2 400 тыс. лей, из которых 600 тыс. составляла дань турецкому султану, 930 тыс. тратилось на содержание господаря, 550 тыс. находилось в распоряжении сановников-бояр, а 320 тыс. направлялось на покрытие различных государственных расходов и нередко тратились по личному усмотрению господаря.

Восстание всколыхнуло дунайские провинции Османской империи. В начале марта того же года руководитель “Филики Этерии”, бывший генерал русской службы А. Ипсиланти с небольшим отрядом переправился через р. Прут. План действий, как он его определил, заключался в том, чтобы: 1) начать восстание в Молдавии и Валахии; 2) перейти оттуда на Балканы, с тем чтобы соединиться с организованным восстанием болгар; 3) содействовать восстанию сербов и координировать с ними свои действия; 4) захватить или уничтожить турецкий флота и провести серию диверсионных вылазок в Константинополе; 5) перейти к восстанию в самой Греции, которое считалось главным пунктом плана.

Понимая необходимость сотрудничества с восставшим населением Валахии и Молдавии, А. Ипсиланти выпустил специальное воззвание, объяснявшее местным жителям цели борьбы греков. 24 февраля 1821 г. глава “Филики Этерии” распространил известное воззвание — прокламацию “Борцам за веру и отечество”. Она начиналась следующими словами: “Пришёл час, греки! Для всех народов Европы, борющихся за справедливость и свободу. Нас призывают последовать их примеру... Просвещенные народы Европы... отдают дань уважения нашим предкам и искренне желают свободы для Греции. Родина взывает к вам!”

Повстанческие войска Т. Владимиреску (а они насчитывали уже свыше 10 тыс. человек) шли на Бухарест. С другой стороны к Фокшанам приближались отряды А. Ипсиланти. Повстанческое движение внутри Валахии начинало группироваться вокруг Т. Владимиреску, возглавившего антибоярское и антиосманское выступление, и А. Ипсиланти, стремившегося поднять восстание на всей территории полуострова с целью освобождения Греции. Уже на этом этапе выразилась определенная поляризация интересов двух восстаний.

Политические линии поведения Владимиреску и Ипсиланти наложили отпечаток на активность других балканских народов. Непримируемость, с которой выступал лидер “Филики Этерии”, была привлекательна для многих представителей балканских народов. В то же время попытки Т. Владимиреску сгладить антиосманскую борьбу выступлениями против “частичных” несправедливостей, а затем прямое сотрудничество с частью бояр оттолкнули от него крестьян, ремесленников, торговцев как валахов, так и представителей других народов. После заявления Александра I о том, что он не поддерживает движения Т. Владимиреску и А. Ипсиланти, вождь Валашского восстания решил отказаться по политическим причинам от союза с лидером “Филики Этерии”, как от неудобного союзника. На встрече с руководителем австрийского представительства в Бухаресте

Удрицким Т. Владимиреску заявил о своем “нежелании, чтобы румыны проливали кровь за дело Греции”.

Войско А. Ипсиланти, когда он подходил к Торговиште, насчитывало приблизительно 6500 человек, из которых только 2 тыс. были греки, а остальные — албанцы, болгары, сербы. Греческие участники восстания были представлены в большинстве (38%) торговцами, на втором месте были служащие (24%), арнауты (охрана господарей) и ремесленники составляли соответственно 6,3% и 10%. Отношения между Ипсиланти и Владимиреску качали резко ухудшаться после того, как последний вошёл фактически в сговор с турками. Узнав об этом, лидер “Филики Этерии” арестовал его и казнил.

Непродолжительная борьба повстанческой армии А. Ипсиланти закончилась в июне 1821 г., когда в сражении при Драгачанах был разбит “Священный батальон”, состоявший из студентов — ударная сила восставших. После случившегося А. Ипсиланти пересек границу и попытался скрыться на территории Австро-Венгрии. Однако там он был схвачен и заключен в тюрьму в замке Мугац, где находился вплоть до своей смерти в 1828 г. Судьба его сподвижников также была трагической. Один из его воевод И. Олимпиос вместе со своими соратниками предпочёл взорвать себя в одном из молдавских монастырей, но не сдаваться туркам.

Вслед за сербскими восстаниями и восстанием Т. Владимиреску, походом А. Ипсиланти, борьба поработенных народов Балканского полуострова против Османской империи расширилась.

Восстание в Греции, задуманное тайной организацией “Филики Этерией” как общебалканское, не смогло стать таковым в силу неравномерности политического и социально-экономического развития балканских земель, военной мощи Османской империи, отношения западно-европейских стран к освободительному движению народов полуострова. Восстание на Пелопоннесе, начавшееся 25 марта (6 апреля) 1821 г. означало перенесе-

ние освободительной борьбы греческого народа на территорию самой Греции. Эта дата во многом является условной и связывается в основном с действиями митрополита Патр Германоса, который поднял национальное греческое знамя в знак борьбы с турками в монастыре Агья Лавра, что недалеко от Калавриты. Однако уже накануне этого дня по всей территории Греции шли бои между греческими повстанцами и турецкой армией. К составившим присоединились и жители греческих островов — Гидры, Псары и Спецы. Это было тем более валево, что судовладельцы этих островов обладали большим торговым флотом, который в условиях разгоравшегося восстания превращался в военно-морские силы повстанцев. Если в Салониках и их окрестностях силы инсургентов были достаточно быстро подавлены, то на Пелопоннесе боевые действия разворачивались в пользу греков. К началу лета туда прибыл брат А. Ипсиланти Димитрис. Вскоре из Италии прибыл один из известных греческих предпринимателей — А. Маврокордатос. В тоже время Греческое восстание совпало по времени с военной конфронтацией между центральными османскими властями и правителем Янины Али-пашой.

События на Балканском полуострове имели и более широкое измерение. Учитывая, что в этом регионе сталкивались интересы большинства европейских держав, включая Россию, судьба греческого освободительного движения зависела от позиции Санкт-Петербурга, Вены, Лондона и Парижа. У кормила внешней политики Российской империи в период 1815–1822 гг. стояли два государственных деятеля: граф К. Нессельроде и граф И. Каподистрия. Сочетание консерватизма одного, с умеренным либерализмом другого порождало определенную двойственность российской позиции в отношении национально-освободительных движений. Примером отношения И. Каподистрии к революционной форме борьбы может служить его “Записка о средствах улучшения участи греков”, написанная в апреле 1819 г. и широко распространенная в Греции до восста-

ния 1821 г. В ней, в частности, говорилось: “Нравственное воспитание и образование — вот единственно чем и только этим должны заниматься греки. Всякое другое намерение напрасно, всякая другая деятельность опасна”. Такую же точку зрения, отчасти, разделял и известный греческий политический деятель и просветитель А. Кораис, считавший, что просвещение и образование греков должны предварять всякие революционные выступления. Однако уже в ходе восстания он безоговорочно стал поддерживать действия, направленные на освобождение Греции от османского владычества. Благодаря стараниям А. Кораиса “парижский центр” эмиграции выходцев с Балкан стал промежуточным звеном в связях между греческими повстанцами и европейскими державами, в поддержке которых нуждались восставшие.

Позиция большинства европейских государств в период 1821-1823 гг. отличалась крайней неприязнью в отношении революционных (а именно так трактовалась борьба греков за независимость) действий. Священный союз, участником которой являлась и Россия, созданный для борьбы против революций на континенте, не мог позволить нарушения *status quo* в международных отношениях того периода. Наиболее жесткую позицию занял Меттерних — австрийский канцлер. Он видел в действиях греков потенциальный источник для продвижения России в балканско-средиземноморский регион. Официальная политика Санкт-Петербурга, направленная на покровительство христиан в Османской империи, внушала опасения во многих европейских столицах. В свою очередь Россия была вынуждена как считаться с политикой держав Европы, так и учитывать борьбу греков за независимость. Накануне казни османскими властями константинопольского патриарха Григория V (который, кстати, осудил действия А. Ипсиланти, предав его анафеме), русский посол граф Строганов покинул Стамбул. Более того, в русско-турецких отношениях наметилась явная конфронтация, чреватая перерасти в войну. Султан надеялся, что

в сложившихся условиях европейские страны поддержат Турцию в её борьбе против России, а заодно и против разраставшегося греческого восстания. В то же время борьба греков всколыхнула общественное мнение Европы и России. Во многих государствах континента, а так же в Соединенных Штатах Америки, развернулось движение филэллинов. Десятки добровольцев поспешили на помощь грекам.

Тем временем ситуация в Греции развивалась довольно противоречиво. С одной стороны, повстанцы добились серьезных успехов в борьбе с турками. Но с другой, — само греческое национально-освободительное движение выявило свою неоднородность как в социальном, так и региональном плане. Повстанцы создали фактически три местных правительства. Первое, базировавшееся на Пелопоннесе, состоявшее из старейшин и называвшееся сенат, фактически было продолжением существовавшей ещё до восстания 1821 г. традиции местного самоуправления. Между его членами и лидерами военных партизанских отрядов, капитанами, возникли серьезные противоречия из-за желания последних получить свою долю власти в этом органе. В районах континентальной Западной Греции существовало второе правительство, называвшееся так же сенатом и возглавлявшееся фанариотом А. Маврокордатосом. Третье правительство — ареопаг (Ἀρειος Πάγος), — функционировало в Восточной континентальной Греции и официально возглавлялось фанариотом Т. Негрисом. Как в нем, так и в правительстве Маврокордатоса, большую роль играли капитаны, которым, фактически, принадлежала власть на подконтрольных территориях. Несмотря на серьезные взаимные распри и противодействие отдельных лидеров, стремившихся к концентрации власти на всей освобожденной территории Греции в своих руках, Д. Ипсиланти смог убедить представителей трёх правительств в необходимости создания единого представительного властного органа. В декабре 1821 г. в Аргосе было создано Национальное собрание, которое позже переместилось в местечко Пиаду, по-

близости от Эпидавра. В соответствии с его решением была составлена временная конституция — Эпидаврский органический статут, авторами которой являлись А. Маврокордатос, Т. Негрис и итальянский филэллин В. Таллина. Этот документ был принят 13 января 1822 г. и стал первой конституцией Греции. Дух и принципы статута были созвучны Конституции 1797 г., составленной Р. Фереесом, а многие из статей являлись заимствованием из французских конституций 1793 и 1795 гг. Исполнительная и законодательная власть не были разделены. Однако наиболее важными пунктами Эпидаврского статута были те, которые касались провозглашения независимости Греции как государства, обуславливали создание республики, во главе которой стоял президент. Однако декларация о равенстве всех перед законом не затрагивала вопроса об избирательном праве. Решение этого вопроса оставлялось на будущее. Не рассматривалась в документе и другая проблема судьба отобранных у турецких переселенцев (фактически колонистов) земля. Этот вопрос имел принципиальное значение для большинства участников восстания, крестьян по своему социальному происхождению. Несмотря на декларативное заявление о создании единого правительства, в действительности продолжал существовать полицентризм в управлении освобожденными районами страны.

30 марта 1823 г. в Астросе собралось второе заседание Национального собрания, целью которого было внесение изменений в Эпидаврский органический статут и решение вопроса централизации управления освобожденных областей Греции. В соответствии с новыми поправками председатель собрания лишился права единолично выносить вето по законодательным вопросам и мог лишь воспользоваться правом отложить на время вступление в силу того или иного закона. Одновременно ликвидировался пост министра военных дел, который занимал Т. Колокотронис — один из самых известных военных лидеров повстанцев, и создавался комитет, состоящий из трёх членов,

представлявших интересы соответствующих трёх областей, имевших свои мини-правительства. Очевидное стремление ряда гражданских политиков ограничить власть достаточно жёсткого и бескомпромиссного вождя клефтов, однако, оказалось нереализованным: Т. Колокотронис зарезервировал за собой пост вице-президента Национального собрания. Президентом был выбран Петрос Бей Мавромихалис, а генеральным секретарем — А. Маврокордатос. В результате действий Колокотрониса, руководство Национального собрания было вынуждено переехать в Навплион. Мавромихалис в конечном счёте вошёл в союз с Колокотронисом, что фактически означало объединение руководителей партизанских отрядов — капитанов со старейшинами пелопоннеского сената. После этого Т. Колокотронис постарался подчинить себе и законодательную власть. Однако её высшие представители скрылись в местечке Краниди, находящемся недалеко от острова Спеца. Там они постарались, и не безуспешно, получить поддержку местных авторитетов с островов Спеца и Гидра — крупных судовладельцев. Складывавшаяся ситуация привела к тому, что местный совет Краниди признал власть представителей этих двух островов. Более того, крупный судовладелец с острова Идра Г. Кундуриотис был избран президентом исполнительного органа, который объявил себя греческим правительством. К концу 1823 г. ситуация в Греции отличалась крайней запутанностью. Помимо борьбы с турками, которую вели партизанские греческие отряды, назревал уже и внутригражданский конфликт. Двоевластие лишь усиливало ощущение полной анархии в стране. Это, в свою очередь, влияло и на отношение внешнего мира, прежде всего правительств и общественности европейских стран, и России к греческому повстанческому движению. В конце 1823 г. конфликт между различными региональными и политическими силами греческих повстанцев достиг своего апогея и вылился в полномасштабную гражданскую войну, длившуюся до мая 1824 г. и проходившую в момент антитурецкой борьбы. Главными противоборствующими

щими силами в ней стали сплотившиеся вокруг Т. Колокотрониса командиры партизанских отрядов, с одной стороны, и объединившиеся с котзабасами Морей судовладельцы о. Идры, с другой. Фактически выявилось резкое противоречие между военным сословием чьим лидером являлся Колокотронис, образовавшимся в ходе вооруженной борьбы с турками и гражданскими политиками, обладавшими политическим опытом и финансовыми средствами. К их числу принадлежали Ипсилантис, Негрис и Маврокордатос. Этот конфликт, вошедший в историю как I гражданская война, так и последовавший за ним, длившийся с ноября 1824 г. по начало 1825 г. и названный II гражданской войной (Колокотронис на этот раз объединился с котзабасами против судовладельцев о. Идры) привели к усилению последних.

В то же время борьба против османского владычества приобретала драматические черты. В 1823 г. греки были признаны европейскими странами и Россией воюющей стороной со всеми вытекающими для них правами. Разрастание греческого выступления заставило султана Махмуда II обратиться к номинально находящемуся под его властью правителю Египта Мех-мет Али паше за помощью. В обмен на обещание предоставить ему в управление остров Крит, а его сыну Ибрагиму Пелопоннес, турецкий султан сумел получить поддержку в виде военно-морских сил и десанта. Действия египетских войск, высадившихся в феврале 1825 г., носили погромно-варварский характер, к тому же силы греческих повстанцев были несопоставимо малы по сравнению с отборными частями Мехмет Али паша. Пелопоннес оказался перед угрозой полного захвата турецко-египетскими силами. В декабре 1825 г., после захвата Морей объединенные войска египтян и турок подошли к важному стратегическому пункту Мессолонги, который после длительной осады пал в апреле 1826 г., а его защитники, попытавшиеся прорваться через превосходящие силы противника, были истреблены.

1825–1826 гг. стали переломными для освободительной борьбы греческого народа. Особое значение в складывавшейся ситуации приобретала роль отдельных европейских держав и России. Ещё в 1824 г. Санкт-Петербург выдвинул проект решения “греческого вопроса”. Его суть заключалась в создании трёх полуавтономных княжеств по типу существовавших Молдавии и Валахии, признающих себя вассалами Османской империи. Однако как греческая, так и турецкая сторона отвергли это предложение по противоположным причинам. Следующим стало выдвижение плана о преимущественном праве защиты Греции Англией. Этот проект был плодом совместных усилий английских филэллинов и представителей так называемой английской партии, главой которой являлся А. Маврокордатос. Официальный Лондон не согласился с таким предложением. Внутри греческого национально-освободительного движения стали оформляться и другие филльские “партии” — так называемая французская (во главе с И. Коллетисом) и русская, вождём которой был Т. Колокотронис. В апреле 1826 г. между Великобританией и Россией был подписан Санкт-петербургский протокол, в соответствии с которым предусматривалось создание греческого государственного образования, наподобие Дунайских княжеств. При этом границы будущего государства не определялись. Обе стороны договаривались выступать в роли посредников между греками и турками и предлагали присоединиться к ним Франции, Австрии и Пруссии.

В самой Греции в 1827 г. начал происходить перелом в пользу греческих повстанцев. В апреле того же года состоялось заседание Национального собрания в г. Трезене на котором правителем (президентом) Греции на предстоящий семилетний срок был выбран бывший министр иностранных дел России Иоаннис Каподистрия. В преддверии его прибытия страной должен был управлять временный комитет. Одновременно началась работа по очередной редакции конституции. В соответствии с новой версией её отдельных положений происходило

чёткое деление на исполнительную, законодательную и судебную. Национальное собрание так же назначило британских военных генерала сэра Р. Чёрча и адмирала лорда Кохрана командующими соответственно сухопутными и военно-морскими силами страны. Однако данные назначения не спасли греков от серьезного поражения в июне 1827 г., когда турки при поддержке египетских войск вновь захватили Акрополис. Это событие во многом повлияло на согласие греков принять предложение держав о посредничестве. 6 июля 1827 г. Англия, Россия и Франция подписали Лондонскую конвенцию. В соответствии с этим документом, Великие державы обязывались пойти на коллективные действия в отношении Оттоманской Порты в целях добиться предоставления автономии Греции. Одновременно предусматривалась ежегодная выплата дани центральному султанскому правительству. Российской дипломатии удалось включить в текст конвенции секретное приложение. Его суть сводилась к тому, чтобы в случае отказа Османской империи принять предложения держав, учредить на территории Греции консульства подписавших конвенцию стран. Более того, предусматривалось использование вооруженных сил коалиции с тем, чтобы заставить и греков и турок сесть за стол переговоров. Однако султан отказался от какого-либо посредничества, надеясь на возможность окончательного подавления греческого восстания собственными силами. Более того, не ограничиваясь чисто “греческими делами” он призвал к священной войне против России. Ситуация складывалась так, что государства, подписавшие Лондонскую конвенцию, прибегли к жестким действиям в отношении Оттоманской Порты и совместная русско-англо-французская эскадра разгромила 20 октября 1827 г. в битве при Наварино объединенный турецко-египетский флот. Однако несмотря на полную утерю Османской империей своих военно-морских сил, она продолжала курс на подавление греческого восстания. В знак протеста в декабре 1827 г. Россия, Франция и Великобритания отозвали своих послов из Стамбула.

В январе 1828 г. в Грецию прибыл И. Каподистрия, который надеялся не только на успехи повстанцев, но и внешнеполитическое давление на Османскую империю по “греческому вопросу”. В то же время, новоизбранный президент постарался сконцентрировать в своих руках всю полноту власти и прибег к ряду радикальных мер. Прежде всего он распустил третье Национальное собрание и создал вместо него так называемое Всегреческое собрание (Πανελληνιον), состоящий из двадцати семи членов и находящийся, фактически, под его непосредственным контролем. Столь жёсткие действия Каподистрии объяснялись его пониманием необходимости централизации управления страной, а точнее той её частью, которая была освобождена повстанцами, в военно-политических интересах национально-освободительной борьбы греческого народа. Следующим шагом на этом пути была трансформация Всегреческого собрания в Сенат (*σενάτο*), произошедшая 11 июля 1829 г. Основное внимание Каподистрия уделял трём главным с его точки зрения вопросам: централизации власти и укреплению её структур на местах; организации регулярной армии и флота с общепринятой структурой управления вооружёнными силами и, наконец, созданию собственной финансовой системы, способной функционировать в рамках новосоздаваемого государства. Попытки президента предпринять шаги, нацеленные на реформирование системы землевладения и землепользования, однако, наталкивались на жёсткое противодействие крупных землевладельцев. Стремление Каподистрии опереться на средние слои крестьянства (которые должны были усилиться после проведения аграрных преобразований) также не было реализовано в виду их слабости. К тому же весьма настойчиво о себе заявляли командиры партизанских отрядов — капитаны, которые не желали терять приобретенную власть или делить её с кем бы то ни было. Обвинения Каподистрии в диктаторских замашках, доносившиеся с разных сторон, выявили нарастающие противоречия внутри греческого общества. В условиях, когда основ-

ные боевые действия против османских завоевателей ещё не закончились, всякий внутривосточный конфликт был чреват поражением Греции. В свою очередь Турция продолжала рассчитывать на то, чтобы “погасить” греческое восстание.

Стремясь вернуть себе утраченное и “наказать” Россию, Турция начала военные приготовления как на Дунайском театре, так и в районе Кавказа. Общая численность турецких войск в этих регионах достигла 200 тыс. человек, что составляло по тем временам грозную силу. В ответ на подобные действия Россия объявила 14 апреля 1828 г. войну Османской империи, противопоставив турецкой армии 120 тыс. человек. Боевые действия, продолжавшиеся с переменным успехом на протяжении 1828 г., в 1829 г. выявили силу российского оружия. 8 августа после длительной осады капитулировал последний серьёзный форпост турецкой армии – город-крепость Адрианополь. Путь к Константинополю был свободен. Испугавшись занятия русскими войсками столицы своей империи, султан был вынужден подписать мирный договор, вошедший в историю как Адрианопольский. В соответствии с ним России передавался Ахалцикский пашалык (в Грузии), побережье Черного моря от порта Святого Николая до устья реки Кубань. Важное значение результаты русско-турецкой войны имели для балканских народов – Сербия, Молдова и Валахия получали автономию. Греция в соответствии с Адрианопольским договором получала статус автономии и должна была выплатить Турции дань. Территория страны, во многом усеченная и отрезанная от исконно греческих земель ограничивалась линией от залива Арта до залива Волос и включала группу островов Киклады. Граница будущего государства постоянно обсуждалась на конференциях послов России, Франции и Великобритании, но любое расширение территории страны рассматривалось с подозрением двумя последними державами и оценивалось не иначе как расширение российского влияния в средиземноморско-черноморском бассейне и в целом на Балканах.

Приход к власти И. Каподистрии — бывшего в своё время министром иностранных дел Российской империи, воспринимался однозначно в Лондоне и Париже как “российская экспансия” в традиционном британском домене и французской сфере интересов. Поэтому, несмотря на принятое самими греками решение об учреждении поста президента, вопрос о власти в ново-созданном государстве не был окончательно решён. Существенную роль в нём предстояло сыграть “иностранному фактору”.

3. Государственное строительство в Греции.

На состоявшемся 3 февраля 1830 г. заседании Лондонской конференции, в котором участвовали представители трёх держав — России, Англии и Франции, был принят ряд имевших принципиальное значение для будущих судеб Греции решений. Прежде всего в первом, итоговом протоколе, Греция объявлялась независимым государством и отменялось её обязательство выплачивать контрибуцию в пользу Турции. В состав ново-созданного государства вошли Пелопоннес, южная Румелия и часть островов около материка. Несмотря на то, что границы страны расширились по сравнению с ранее обусловленными теми же державами-посредниками, многие земли, заселенные греками, оказались за пределами ново-созданной страны. Не обошли своим вниманием державы-посредницы и вопроса государственного устройства Греции. Она объявлялась монархией, которая должна была заменить избранную самими греками в период национально-освободительной войны президентскую систему правления. При этом три державы-покровительницы — Россия, Франция и Великобритания сошлись во мнении, что на роль греческого монарха предстояло назначить члена европейской правящей династии, прямо не связанной ни с одной из стран “тройки”. Во втором, подписанном на конференции протоколе, уточнялось и название монаршего титула — “Высший

правитель Греции” (Νυμφων Αρχων της Ελλάδος). Поступило предложение занять греческий трон Леопольду Саксен-Кобургскому, известному своим филэллинскими настроениями. Однако из-за противодействия Великобритании, увидевшего в нём слишком преданного делу греческого освободительного движения политического деятеля, а так же из-за крайне ревнивого отношения амбициозного И. Каподистрии, полагавшего, что монарх должен был выполнять лишь представительские функции при нём, последовала отставка Сакс-Кобургского. Жёсткая позиция президента Каподистрии в отношении политических оппонентов внутри страны в конечном счёте привела к падению его популярности среди различных слоев населения. Более того, наиболее влиятельные военные и политические фигуры греческой политики оказались в той или иной степени вообще враждебно настроенными к личности главы государства. Арест и заключение в тюрьму членов могущественного регионального горного клана Мани имел трагические последствия для Каподистрии. 9 октября 1831 г. Георгиос и Константинос Мавромихалисы, принадлежавшие к этому клану, расправились с президентом Греции буквально на пороге церкви в городе Навплион.

Убийство И. Каподистрии существенно изменило расстановку политических сил в стране и сделало необходимым скорейшее разрешение вопроса о власти. Временно она сконцентрировалась в руках “комитета трёх”, в состав которого вошли Т. Колокотронис (известный военачальник периода национально-освободительной борьбы с Турцией, пользовавшийся непререкаемым авторитетом у военных), И. Коллетис — влиятельный гражданский политик и брат убитого президента Агостино (Августос) Каподистрия. Однако спустя некоторое время внутри комитета вновь разгорелась борьба за власть результатом которой стало смещение А. Каподистрии по настоянию И. Коллетиса. Внутриполитическая ситуация в стране также характеризовалась обострением межрегиональных и межклановых конфликтов. Греция вновь сползала к очередной гражданской вой-

не. Всё это способствовало усилению вовлеченности в греческие дела держав-покровительниц — России, Англии и Франции. В соответствии с заключенной между этими государствами, а также Баварией в мае 1832 г. конвенцией было решено предоставить греческий трон второму сыну короля Баварии Людвигу семнадцатилетнему принцу Фредерику Отто Виттельбахскому. В соответствии с этим решением вплоть до совершеннолетия короля Отона I (его коронация прошла 27 июля 1832 г.), как теперь звали греческого монарха, страной должен был управлять регентский совет, состоящий из трёх баварцев. Помимо этого в страну прибывали баварские войска (около 3500 человек).

Три державы-покровительницы гарантировали предоставление Греции займа в 60 млн. франков в рассрочку. В свою очередь Греция должна была выплатить компенсацию Османской империи. Вопрос о границах предстояло разрешить через переговоры держав-покровительниц и Оттоманской Порты. При этом сами греки не принимали участия в них.

В начале 1833 г. Отон в сопровождении многочисленной свиты из баварцев и военного контингента высадился в Навплион, который являлся временной столицей Греции. Начало правление нового “Короля всех греков” (а именно так звучал отныне его титул) было отмечено прежде всего деятельностью регентского совета. До наступления совершеннолетия короля именно он должен был руководить страной. Его председателем был Иоган фон Армансперг, а членами — К. Абель и Маурер. Греки фактически оказались вне властных структур в собственной стране, так как греческие министры, входившие в совет министров (или Государственный совет), не обладали необходимой полнотой полномочий. Национальное собрание, которое должно было заниматься разработкой новой конституции, не собиралось. Все органы власти оказались сконцентрированы в руках баварцев. Централизация системы управления страны подавляла традиционные формы местного греческого

самоуправления. Греция была разделена на десять областей или округов (*νομαρχία*), которые в свою очередь делились на районы (*επαρχία*). Финансовая система страны, расстроена внутренней неразберихой, последствиями войны за независимость и иностранными займами, которые нередко просто разворовывались, требовала серьезной реформы. Однако единственное, что стали предпринимать новые власти для изменения положения, — это увеличивать налоги. Нередко они составляли до 30% доходов граждан страны. По Греции прокатились крестьянские волнения. Более того, многие из сельских жителей ушли в горы, где сформировались многочисленные разбойничьи отряды. Чтобы не допустить расширения недовольства, правительство, функции которого выполнял регентский совет, ввело жёсткую цензуру прессы.

Не лучше обстояло дело и с военной реформой. Она заключалась в переходе армии на профессиональную основу. Существовавшие ранее вооруженные силы Греции, созданные в ходе национально-освободительной войны, распускались. Подготовка и обучение новой армии велись в Баварии или в самой Греции, но германскими офицерами. Даже в вооруженных силах своей собственной страны греки не чувствовали себя хозяевами, так как чуть более 1 тыс. человек были переведены в создаваемую армию из прежней. Ко всему этому добавились ещё и разногласия между членами регентского совета, переросшие во внутренний конфликт правящей в Греции баварской бюрократии.

Приход к власти новых правителей ознаменовался также и рядом изменений в общественной и духовной жизни. Система образования была организована по французскому и германскому образцу. В соответствии с указом от 25 февраля 1835 г. было введено так называемое византийское право, но по сути уголовное и гражданское уложения базировались на принципах римского канонического права по примеру германских земель. Вообще судебная система представляла собой жёстко централизованную структуру: местные суды (на уровне районов эпар-

хий), три военных суда и Верховный суд. В 1833 г. греческая церковь была объявлена независимой от Константинопольской патриархии, с которой вплоть 1850 г. были разорваны всякие отношения. Этот акт носил политический характер, так как преследовалась цель не допустить влияния Вселенского патриархата на внутренние дела Греции. В 1837 г. в Афинах, ставших столицей страны в 1834 г., был основан национальный университет. Преподавание в нём вели как местные греки, так и греки зарубежных диаспор, а так же иностранцы.

В 1835 г. король Отон I достиг совершеннолетия и деятельность регентского совета прекратилась. Монарх решил сам приступить к управлению своей страной и руководить лично кабинетом министров. В то же время он настойчиво отвергал любые попытки создания новой конституции несмотря на то, что предложения на этот счёт поступали и от представителей держав-покровительниц, в частности, Англии. В 1836 г. на смену фон Арманспергу, занимавшему пост главного секретаря Государственного совета, пришёл крайне консервативно настроенный Игнаций фон Рудхарг. Этот политический деятель занимал одновременно министерский пост в Баварии и был рьяным сторонником Священного союза. Парадокс складывавшейся ситуации заключался в том, что для решения внутривластных вопросов Греции Отон склонялся в сторону Австрии и России, отдаляясь от настаивавшей на введении конституции Англии. Естественно, что такое положение не могло сохраняться долго, так как Лондон выступал одним из гарантов греческого суверенитета. Для того, чтобы “снять раздражение”, Отон отправил Рудхарта обратно в Баварию и сократил количество баварских советников. В 1838 г. из страны были эвакуированы все баварские войска.

Негативное отношение Армансперга к России и Франции в своё время серьёзно осложнило финансовое положение Греции, так как Санкт-Петербург и Париж заблокировали получение очередной части предоставленного ранее 60-ти миллионного

займа. Однако внутривосточная ситуация в самой Греции характеризовалась резким неприятием как местной политической гражданской и военной элитой, так и широкими социальными слоями баварского засилья. Политический мир страны был представлен тремя основными группами, условно называемыми партиями, сформированными не столько в соответствии с политическими программами, сколько по принципу “фильства” в отношении той или иной державы-гаранта — России, Великобритании и Франции. Так, “русская партия”, лидером которой выступал Т. Колокотронис, имевший огромное влияние на ветеранов-военных, ориентировалась на Россию. “Французская партия” (ее вождём был И. Коллетис), объединяла в своих рядах представителей интеллигенции, средних слоев, коммерсантов. Так называемая английская партия, лидером которой был А. Маврокордатос, представляла собой группу крупных финансовых магнатов и судовладельцев, тесно связанных с английским капиталом. Таким образом каждая из фильских партий имела своё социальное и профессиональное лицо.

Политические программы этих объединений содержали *minimum minimumum* принципов и установок. “Французская партия” И. Коллетиса выступала за проведение конституционной реформы и более активный внешнеполитический курс, направленный на окончательное освобождение находящихся всё еще под властью Османской империи греческих земель. Англофилы под руководством А. Маврокордатоса требовали ограничения абсолютной власти Отона I и принятия конституции. “Русская партия” Т. Колокотрониса активно выступала за укрепление позиций православия в стране и тесные связи с Константинопольской патриархией. Попытки Отона I достигнуть компромисса на выгодных для него условиях с вождями партий не удалось. Последовательная замена срочно вызванных из-за рубежа, где они выполняли обязанности послов Греции, лидеров “английской” и “французской” партий на посту заместителя совета министров (сам король занимал пост председателя)

не привела к желаемому результату. К тому же в 1839 г. был раскрыт заговор “филоправославных” (Φιλορθοξων) — сторонников перехода Отона I из католицизма в православие или, в случае его отказа, отречения короля от греческого престола. Отсутствие у Отона детей рано или поздно должно было поставить вопрос о престолонаследии.

Проводившаяся реформа вооруженных сил Греции способствовала обострению противоречий между так называемыми новоприезжими греками (ετεροθων — дословно: чужеземный), начавшими занимать в силу своего образования и опыта командные посты и местными, ветеранами освободительной антитурецкой войны.

Потенциал конфликтности в греческом обществе постепенно увеличивался. Внутриполитические противоречия, составляющими которых были как чисто политические, так и экономические, региональные и социальные причины дополнялись внешнеполитическим нажимом государств-гарантов на Отона с тем, чтобы добиться стабильности в Греции. В начале 1843 г. ряд политических деятелей вошёл в контакт с высшим офицерством афинского военного гарнизона. После недолгих консультаций было принято решение о подготовке и проведении военного переворота, приурочив его к национальному празднику страны — 25 марта 1844 г. Политическая программа заговорщиков включала ряд принципиальных для развития Греции вопросов. Прежде всего выдвигалось требование разработки и принятия конституции, ограничивающей полномочия монарха, созыв парламента страны, смещение с постов и выдворение из Греции так называемой баварской клики. Однако развитие событий не совпало с планами организаторов вооруженного выступления, которое скорее можно было бы назвать устрашающим короля и принуждающим его к действию, нежели полномасштабным военным государственным переворотом. Сведения о готовившемся восстании начали доходить и до Отона. Стремясь опередить возможную реакцию монарха, его организаторы провели

свою операцию 14 сентября 1843 г. Эти события, вошедшие в историю как “переворот 1843 г.” и как “революция 1843 г.”, оказались совершенно бескровными, но эффективными по своим результатам.

Прежде всего, наконец, при совместном участии короля Отона I и Национального собрания была выработана конституция, закреплявшая во многом авторитарные принципы управления страной. Она была торжественно обнародована в марте 1844 г. В соответствии с ней в Греции создавался двухпалатный представительный орган. Его нижняя палата — парламент (Βουλή) выбиралась всеобщим тайным голосованием⁵, а верхняя — сенат (Γερουσία), должна была состоять из сенаторов, назначаемых королем. Она просуществовала недолго и вскоре была отменена. Законодательная власть распределялась между монархом и двумя палатами представительного органа. Отон получал право назначать и увольнять министров, а так же распускать парламент. Судьи назначались монархом. За парламентом и сенатом оставалось право определять суммы налогов. Законодательно оформлялся конфессиональный принцип исповедования православия наследником Отона.

Принятые нормативные акты и проведенные реформаторские (насколько их вообще можно так охарактеризовать) мероприятия использовались греческим монархом для усиления своего влияния в политике. Отон умело комбинировал сочетания внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов, пытаясь заручиться для себя поддержкой в самой Греции и среди держав-покровительниц. Первым греческим премьер-министром после принятия конституции стал один из руководителей “русской партии” А. Метаксас. Вскоре его место занял глава англофилов А. Маврокордатос. На смену ему был привлечен лидер “французской партии” И. Коллетис, который занимал это место вплоть до своей смерти в 1847 г. и умело использовал

⁵ В голосовании не принимали участия женщины. Такое право им было предоставлено в XX в.

новую государственно-правовую систему в интересах укрепления центральной власти и монарха, в частности. Во многом благодаря его стараниям был создан так называемый режим диктата парламента, сочетавший в себе как элементы абсолютизма, так и парламентской представительной демократии. Этот противоречивый симбиоз отражал особенности развитие института монархии в Греции, где существование представительного органа в лице парламента было камуфляжем для греческого короля Отона I, умело использовавшего “дарованную” конституцию в целях легитимизации и укрепления собственной власти. Достаточно быстро стал развиваться русфетизм — система неформальных кланово-клиенталистских отношений, позволявших мобилизовывать тем или иным политическим лидерам для своей поддержки региональные, межличностные и родственные связи. В определенной степени это способствовало культивированию коррупции, nepотизма и иных разрушительных для государственной системы явлений.

Особое значение для новогреческого государства имели внешнеполитические условия, в которых оно находилось. Добившись государственной независимости, Греция, тем не менее, уже в начале своего пути как страны столкнулась с рядом факторов, определившим её геополитическое положение в мировой системе координат и заложившим исторические основы внешнеполитических ориентиров.

Избрание баварского принца греческим монархом, принятое тремя державами-покровительницами, было изначально рассчитано ими как соблюдение status quo между Францией, Великобританией и Россией, для которых район Средиземноморья, Балкан и Черного моря представлял сферу интересов. Экономические отношения Греции с европейскими странами складывались так же не самым лучшим образом. Система займов, предоставляемых начиная с 1824 г. Великобританией, Францией и др. всё сильнее привязывала Грецию к тому или другому государству-кредитору (а иногда и к их группе) как

во внешнеполитическом отношении, так и в смысле влияния на внутренние процессы. Так, в частности, только благодаря англо-французскому займу в 64 млн. драхм страна смогла выкупить часть Этолии и Акарнании у Турции. При этом, Великобритания была именно той стороной, благодаря стараниям которой Греция не получила (хотя имела на то все основания и пользовалась поддержкой России) исконно греческие земли Фессалии, острова Крит и Самос. Объявление в 1843 г. греческим правительством о банкротстве государства было одним из эпизодов в длинной череде экономических неурядиц, преследовавших Грецию на протяжении всего XIX в. Финансовая слабость страны и несостоятельность управлявших её экономикой правителей использовалась внешними силами в политических целях. Одним из наиболее характерных примеров экономического давления был ультиматум Англии в 1847 г. с требованием выплаты процентов по займу, гарантами которого выступали в свое время вместе с ней Россия и Франция. Только благодаря позиции двух последних, воздержавшихся от подобных требований, вопрос был снят с повестки дня, а действия Лондона были расценены в Афинах как недружественные.

Внешнеполитические ориентиры Греции определялись в ходе её становления как независимого государства. Отношения с державами-покровительницами, представлявшими особое направление во внешней политике Афин, использовались греками как гарантия безопасности страны в её постоянных спорах с Турцией. В то же время фактически на протяжении первых четырнадцати лет существования независимого греческого государства у его правящих кругов отсутствовала чётко сформулированная концепция приоритетных направлений во внешней политике страны, оформленная в виде доктрины. “Турецкое направление” было главным для Греции как в территориальном, так и этно-политическом смысле. Провозглашенный 3 ноября 1839 г. при султানে Абдул-Меджиде хатт-и шериф формально узаконивал равенство всех граждан Османской империи

перед лицом султанской власти, лишая (на словах) миллет-и хаккиме (правлящий миллет) господствовавшего положения в общей системе иерархии миллетов. Этот шаг османских правящих кругов был рассчитан на то, чтобы “успокоить” многочисленных христианских подданных и лишить европейские страны, включая Россию, оснований для вмешательства в дела Турции. Однако предпринятые меры не повлияли на процесс выработки внешнеполитической доктрины Греции, большая часть территории которой продолжала оставаться под турецкой оккупацией, а значительное число греков проживать вне границ страны.

В чёткой форме внешнеполитические идеалы, были сформулированы лидером “французской партии” Иоаннисом Коллетисом в его речи в парламенте в 1844 г. и определялись им самим как “Великая идея” (Μεγάλη ιδέα). Её содержание определялось следующим образом: “Королевство Греция не является Грецией. Оно представляет собой лишь одну часть, наименьшую и наибеднейшую. Грек — это не только тот, кто живёт в пределах этого королевства, но и тот, кто проживает в Янине, Салониках, Трапезунде, на Крите, Самосе и любой территории, связанной с греческой историей или греческой нацией (родом).

Существует два основных центра эллинизма: Афины, столица греческого королевства и Город⁶, — мечта и надежда всех греков”. Сочетание политических, этнических, исторических и конфессиональных элементов давало в целом законченную в идеологическом отношении доктрину. Реализация её на практике означала для Греции решения широкого комплекса военно-стратегических, внешнеполитических и экономических проблем и не могла быть единовременным актом. К тому же заинтересованность Великих держав в средиземноморско-черноморской зоне являлась серьёзным препятствием для Греции в деле проведения внешнеполитического курса, отвечающего её

⁶ В греческой политической традиции Городом (с заглавной буквы, по-гречески: Η Πόλη) называется Константинополь (Стамбул).

национальным интересам. Франция и Англия заняли откровенно враждебную позицию в отношении Греции, так как имели собственное видение складывавшейся ситуации в данном регионе и стремились к выдавливанию из него России. Используя всевозможные предлоги, Париж и Лондон не остановились перед тем, чтобы оказать военное давление на Афины. В 1850 г. британская эскадра блокировала Пирей и лишь при “посредничестве” французов англичане и греки смогли избежать серьёзного конфликта.

Следующими немаловажным для положения Греции событием стало резкое охлаждение, доходящее до уровня откровенной враждебности, между державами-покровительницами. Англия и Франция к середине XIX в. вытеснили Россию с Ближнего Востока и вели политику откровенной поддержки Османской империи против её северного соседа. На повестке дня стоял уже вопрос геополитического ослабления России в наиболее чувствительных для неё со стратегической точки зрения южных “узлах” — Крыму и на Кавказе, путем отторжения этих российских территорий. Прошедшие в Европе, включая её восточную часть, революции 1848–1849 гг. лишь усиливали агрессивный потенциал всей системы международных отношений, доводя его до всплесков открытой военно-политической конфронтации. Так, обострившийся к 1852 г. конфессиональный спор между католической и православной церковью за право обладания Святыми местами в Палестине перерос в межгосударственные противоречия. Наполеон III, французский император, выступил в поддержку католиков. В свою очередь, российский император Николай I поддержал православный клир в этом споре. В феврале 1853 г. российское правительство потребовало на основании пунктов Кучук-кайнарджийского договора 1774 г. соблюдения обязательств Турции в той их части, которая касалась исключительных прав российского монарха по защите христианских жителей Османской империи. При этом Санкт-Петербург надеялся на поддержку своей позиции Австрией и

Пруссией. В расчёт брались так же натянутые отношения между Лондоном и Парижем, которые вели между собой ожесточенную борьбу за влияние в Леванте. Однако эти расчеты оказались ошибочными — Франция и Англия сумели договориться на общей антироссийской платформе. Это обнадежило султанское правительство, отвергнувшее в мае 1853 г. российское требование. В ответ на действия османских властей Россия разорвала дипломатические отношения с Оттоманской Портой. В свою очередь Франция и Великобритания получили согласие Турции на введение в Дарданеллы своей объединенной эскадры. В ответ на все эти действия российская сторона ввела 21 июня 1853 г. войска в Дунайские княжества — Валахию и Молдавию, являвшиеся формально зависимыми от Османской империи государственными образованиями. 27 сентября, заручившись поддержкой Лондона и Парижа, турецкое правительство потребовало вывода российских войск из княжеств, а 4 октября объявило России войну.

В Греции, как на уровне официальных правительственных кругов, так и в масштабах всего греческого общества, симпатии были на стороне России. Общность геостратегических интересов, выражавшаяся как во внешнеполитическом, так и конфессиональном отношениях, лишь усиливали надежды греков на реализацию планов освобождения своих национальных территорий из-под власти Османской империи и воссоединение населявших их греков с матерью-родиной. Крымская война, как вошёл в историю военно-политический конфликт, в котором Россия, отстаивая свои национальные интересы и территориальную целостность, противостояла Англии, Франции и Турции, дала надежду Отону I и королеве Амалии на воплощение внешнеполитической программы Греции в жизнь. В глазах большинства греков королевская чета приобрела черты последовательных проводников национальной идеи. В стране развертывалось движение за освобождение Фессалии и Македонии из-под османской оккупации. В Греции формировались отряды

добровольцев из числа студентов и молодежи, которые нелегально переходили в эти области и вели антитурецкую партизанскую борьбу. В январе 1854 г. греческая армия вошла в Эпир, а затем поставила под свой контроль Фессалию. 19 марта 1854 г. султан выдвинул ультиматум с требованием вывести греческие войска из занятых областей. Англия и Франция предприняли решительные шаги с тем, чтобы не допустить вовлечения Греции в войну на стороне России. В мае 1854 г. объединенные англо-французские силы оккупировали Пирей и принудили Отона занять позицию строгого нейтралитета в отношении разгоравшегося конфликта. Более того, под давлением союзных держав король был вынужден назначить на пост премьер-министра А. Маврокордатоса, известного своими англофильскими взглядами. Новый премьер приказал вывести греческие войска из освобождённых из-под турецкого владычества областей. Именно совместные действия Англии и Франции привели к тому, что Греция восстановила свои отношения с Турцией в мае 1855 г. Не удовлетворившись военно-политическими мерами “воздействия” на Грецию, Англия и Франция созвали так называемую Международную финансовую комиссию и в соответствии с её решением потребовали, чтобы Афины приступили к выплате 36 тыс. фунтов стерлингов ежегодно в счёт уплаты процентов по предоставленным займам.

Война, длившаяся вплоть до конца 1855 г., обернулась поражением для России. Исчерпав свой мобилизационный и материально-технический потенциал, серьезно подорвав собственную финансовую систему, она была вынуждена пойти на подписание в 1856 г. Парижского мирного договора. По его условиям Россия отказывалась от права покровительствовать христианскому населению Османской империи и признавала новый “нейтральный” статус Черного моря, выражавшийся в лишении её права иметь там флот и военно-морские базы. В территориальном отношении она теряла южную часть Бесарабии. Более того, признавался коллективный протекторат Великих держав

над Дунайскими княжествами и Сербией, которые продолжали оставаться под османским владычеством. В итоге со всей очевидностью выявилась роль Великобритании, Франции, а так же Австрии, Пруссии и Швеции (не говоря уже о Турции, исторически настроенной враждебно в отношении России) в деле сохранения порабощенных народов Балканского полуострова под турецким господством. Интерпретация ими своих национальных интересов входила в противоречие с национально-освободительными устремлениями народов региона, естественным союзником которых выступала Россия. Для новогреческого государства это так же означало удаление перспективы реализации его внешнеполитической доктрины.

Конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в. были для Греции временем серьёзных социально-экономических изменений. Происходила реструктуризация хозяйственной жизни страны. Впервые в её истории стал очевидным экономический рост. Увеличился объём торговли с другими странами, прежде всего сельскохозяйственными товарами. Велись работы по налаживанию инфраструктуры Греции и прежде всего осуществлялось строительство железных дорог, телеграфных линий. Предпринимались усилия, чтобы наладить работу почты. Экономические изменения влекли за собой и демографические изменения. Увеличение населения страны было во многом обязано притоку греков-жителей Османской империи и других балканских земель в Грецию. Так, если в 1840 г. население недавно обретшей независимость страны составляло едва лишь 850 246 жителей, то в 1853 г. их было уже свыше 1 035 527 человек, а в 1861 г. — 1 096 810 человек.

Однако процесс реструктуризации экономической и хозяйственной жизни затрагивал также политическую сферу. Обострялись политические противоречия внутри греческого общества. Социальные противоречия, ухудшение экономического положения одних слоев и резкое улучшение положения других лишь усиливали несовершенство политической системы, базовым ин-

ститутом которой являлся институт монархии, обладавший абсолютистскими чертами, которые невозможно было скрыть за конституцией 1844 г. В армии проявлялось серьёзное недовольство как материальным положением, так и социальным статусом кадрового офицерства. Популярность королевской четы, достигнутая ею накануне и в годы Крымской войны на волне патриотизма, постепенно падала. Сформировавшаяся государственно-политическая система, в которой институт монархии обладал прерогативами абсолютной власти, замаскированными в конституции 1844 г. в некий симбиоз “коллективной власти” короля, парламента и сената, вызывала резкие протесты в обществе в виду явной неэффективности и непредставительности интересов разных политических сил и слоев страны.

Прошедшие в 1859 г. выборы, хотя и во многом сфальсифицированные, показали особенность политической жизни Греции: партийно-политическая структура страны резко менялась в зависимости от персонального состава руководства той или иной партии. Отношения “клиент-патрон”, определявшие формирование партий в Греции, делали эту систему зависимой от личных амбиций их руководителей. Подобная схема объективно требовала серьезной корректировки. Выборы предоставили возможность противникам династии из числа либерально настроенной молодежи во главе которой встал Э. Делигиоргис войти в парламент и вести там агитацию.

Создание правительства А. Мьяулуса, находившегося у власти с мая 1861 г. по май 1862 г. и вошедшего в историю под названием “кровавого” из-за частых заговоров, подавления всевозможных волнений и бунтов, окончательно дескредитировало Отона I. Оппозиция начала объединяться вокруг героя национально-освободительной войны К. Канариса. Попытки короля найти компромисс с этой многочисленной группой не привела к каким-либо результатам.

В сентябре 1861 г. произошло покушение на жизнь королевы Амалии. Всё чаще на повестке дня вставал вопрос о воз-

можном отречении Отона от трона и выбор его приемника. Король специально посетил Карлсбад для того, чтобы решить вопрос о возможном наследнике из числа германских принцев. Тем временем ситуация в стране продолжала обостряться. В феврале 1862 г. гарнизон города Навплиона поднял восстание, во главе которого стояли переведенные туда “подозрительные” для режима офицеры. В апреле того же года Отону удалось подавить это выступление. Его зачинщики, среди которых находились Э. Делигиоргис и ряд гражданских политиков в Афинах, были арестованы. В свою очередь лидеры оппозиции — К. Канарис и Д. Вулгарис отказались от участия в этом выступлении, видя в нём слишком революционные черты, так как восставшие приступили к образованию собственных органов власти и самоуправления. Несмотря на подавление этого бунта ситуация в стране не улучшилась. Беспорядки начали вспыхивать по всей территории Греции. К концу лета 1862 г. их волна охватила Акарнанию. Попытки Отона прибегнуть к национально-ориентированным пропагандистским лозунгам не дали ожидавшегося результата. В то же время усилилось влияние и “иностранного фактора” на греческие дела. Лондон, давно недовольный слишком тесными отношениями греческого короля с Россией, постарался опереться на отдельных лидеров оппозиции и прежде всего тех из них, кто симпатизировал Англии и был связан с ней тесными финансово-экономическими узами. Среди них особое место занимал Д. Вулгарис — крупный магнат с островов, член англофильской партии ещё со времени национально-освободительной войны. Именно он и встал во главе антикоролевского движения. Основу требований составил “конституционный вопрос”, решение которого должно было ослабить власть монарха. 22 октября 1862 г., когда королевская чета путешествовала по Пелопоннесу, гарнизон Афин и жители города подняли восстание, вошедшее в новогреческую историю как революция. Отон I был свергнут с трона и покинул страну.

Вопрос о преемнике греческого престола стал одной из важных не только внутригреческих, но и международных проблем, затрагивающих интересы Великих держав — Англии, Франции и России в силу важности геостратегического положения Греции в средиземноморско-балканском секторе. В свою очередь греческое общественное мнение склонялось в пользу второго сына английской королевы Виктории принца Альфреда, герцога Эдинбургского. Однако в соответствии с ранее достигнутыми между державами-покровительницами договором 1830 г. монарх Греции не должен был являться членом правящих династий этих стран. Несмотря на этот факт, плебисцит показал популярность личности принца Альфреда, когда из 240 тыс. голосовавших 230 тыс. поддержало его кандидатуру. Ввиду невозможности реализации таких планов, державы-покровительницы прибегли к выбору приемлемой кандидатуры. При этом Великобритания взяла инициативу в свои руки и тем самым подчеркнула свою «ответственность за судьбу Греции». Выбор пал на представителя датской королевской династии Христиана Вильгельма Фердинанда Адольфа Георга Глюксбурга. Через свою сестру принцессу Александру, вышедшую замуж за принца Уэльского, он был связан с английским правящим домом, а через Великую княгиню Ольгу, дочь Великого князя Константина, ставшую вскоре после восшествия Георгиоса I Глюксбурга (как отныне именовался датский принц, основоположник греческой династии Глюксбургов) его женой, с Россией. Кандидатура нового монарха пользовалась поддержкой Великобритании, которая обещала в случае его избрания державами-покровительницами, передать Ионические острова, находившиеся под британским управлением, Греции, что и было сделано в соответствии с Парижским мирным договором от 29 марта 1864 г.

Прошедшие в декабре 1862 г. выборы в Великое Народное собрание имели большое значение для развития конституционной системы Греции. Работа над новым основным законом страны в новом представительном органе сопровождалась резкой

конфронтацией между различными политическими и социальными силами, представленными в нём. Существенную роль играли депутаты от Ионических островов, находившиеся под сильным влиянием гарибальдийского движения в Италии в силу исторически сложившихся связей между этой исконно греческой территорией и её населением с итальянской политикой.

30 октября 1863 г. принц прибыл в Афины и стал вторым после свергнутого Отона королем Греции. Его восшествие на трон состоялось 28 ноября 1864 г. после того, как Национальное собрание завершило работу над новой конституцией страны. Этот документ существенно отличался от принятого в 1844 г. основного закона и мог быть изменен только по прошествии десяти лет при повторном голосовании по данному вопросу в представительном органе страны и только в случае, если за это высказается не менее чем три четверти депутатов.

В соответствии с положениями основного закона упразднен сенат, существовавший со времени отоновской конституцией и являвшийся назначаемым королём органом. Узаконивался однопалатный парламент (η Βουλή), становившийся высшим представительным органом в стране. Его члены избирались на основе прямого, тайного, всеобщего голосования, в котором могло участвовать только мужское население Греции. В конституции заявлялось (что было важно для греческой общественно-политической действительности) о членах парламента как о представителях греческого народа, а не отдельных областей, в которых их выбрали. Число депутатов определялось пропорционально числу жителей конкретного региона. Более того вводился ценз оседлости, равный двум годам. Определялось и возрастное ограничение для депутатов парламента, составлявшее 30 лет.

На основании положений новой конституции резко ограничивались права монарха и особенно в той их части, которые касались его вмешательства в политические и юридические вопросы. Фактически на смену так называемой парламентарской

диктатуры, когда предыдущий король Греции использовал представительный орган как прикрытие для абсолютизма, пришло время “монархической демократии” или, в соответствии с общепринятой терминологией, конституционной монархии, но пока ещё с достаточно широкими правами суверена. В соответствии с новой концепцией монархизма в Греции, закреплённой в конституции 1864 г., король являлся главой государства “по воле народа”, которому он служит, а не по божественному праву монарха. Обладая как законодательной, так и исполнительной властью, греческий король мог осуществлять их только через своих министров. Более того, объявлялось, что воля народа — единственный источник власти в Греции, — выражается через его избранных в представительном органе страны.

Существенные изменения коснулись и территориально-административной системы власти, так как были расширены права местного самоуправления, действовавшего на основе Кодекса Наполеона. Отчетливо декларировалась свобода прессы. В профессиональных вопросах новая конституция повторяла соответствующие принципы предыдущего основного закона страны 1844 г. Так, в частности, вновь объявлялась независимость греческой церкви. И хотя о религиозной принадлежности правящего монарха не говорилось ничего, отдельная статья конституции 1864 г. определяла, что будущий наследник престола должен был исповедовать православие.

Принятие конституции 1864 г. означало окончание целого периода новогреческой истории, главными этапами которого была национально-освободительная война за независимость страны; становление политической структуры нового государства, пережившего дрейф от президентской республики к абсолютистской, а затем к конституционной монархии. Постепенное расширение территории Греции, связанное с освобождением греческих земель и приток в страну всё большего числа соотечественников способствовали её оформлению в самостоятельную державу средиземноморско-балканского региона. В то же время

влияние “иностранного фактора”, выразившееся во вмешательстве Великих держав во внутригреческие дела, стало исторически сложившейся реальностью, сопровождающей существование Греции на протяжении всего XIX и большей половины XX вв. В начале 60-х годов прошлого века страна вступала в новый этап своего развития, основным содержанием которого должно было стать превращение Греции в региональную державу.

II. ПРЕВРАЩЕНИЕ ГРЕЦИИ В БАЛКАНСКУЮ ДЕРЖАВУ

(1860-е гг. – 1922 г.)

1. Внутриполитическое развитие Греческого Королевства и его внешняя политика (1860-е гг. – 1897 г.).

Произошедшие в начале 60-х гг. XIX в. внутриполитические изменения в Греции имели серьезные последствия для становления ее государственности и развития греческого общества целом. В то же время ситуация в стране продолжала характеризоваться острой борьбой между различными кланами и региональными группами, а во внешней политике сохранялись нерешенные вопросы, главным из которых являлось освобождение оставшихся под владычеством Османской империи греков и национальных греческих территорий. Во многом симптоматичным на этом фоне выглядело провозглашение Георгиоса I не “Королем Греции”, а “Королём Греков”, дававшее основание предполагать, что число подданных греческого монарха не ограничивается жителями страны, а включает и тех греков, которые находятся за пределами королевства, являясь гражданами других (прежде всего Османской империи) государств.

Характерной особенностью развития страны на протяжении последней трети XIX в. стала политическая нестабильность и частая смена правительств, главы которых выступали нередко с противоположных и взаимоисключающих позиций. На протяжении этого периода сменилось около 30-ти премьер-министров, порой пребывавших на своем посту менее месяца.

Хозяйственно-экономическое развитие Греции после 1864 г. так же отличалось крайней противоречивостью. С одной стороны, отмечались положительные сдвиги. Так, в частности, если к 1869 г. было построено 11 км железнодорожных линий, то к 1890 г. было положено свыше 767 км, а к 1900 г. — 902 км.

Строительство дорог приобрело широкий размах, так как имело принципиальное значение для развития инфраструктуры страны. К 1893 г. было осуществлено строительство Коринфского канала. Серьезные сдвиги произошли и в торговле, объемы которой увеличивались быстрыми темпами. В 1861–1870 гг. она составляла 69,94 золотых драхмы на душу населения, в 1871–1880 гг. уже 93,57; в последующие два десятилетия соответственно 97,89 и 80,23.

В сельском хозяйстве также были очевидны качественные изменения. Значительно расширилась площадь обрабатываемых земель (с 70 тыс. гектаров в 1860 г. до 111 тыс. в 1911 г.). Однако Греция продолжала оставаться аграрной страной, мировым поставщиком табака, коринки и других сельскохозяйственных продуктов. Существенные изменения претерпела социальная структура общества. К 1879 г. 28% населения, составлявшего в общей сложности свыше 1,6 млн. человек, уже проживало в городах, по сравнению с 8% в 1853 г. Социальные изменения затронули сельские районы. В ходе раздачи государственных земель (265 тыс. гектаров) в греческой деревне стали появляться мелкие и средние собственники, превращавшиеся в отдельный социальный слой. Однако в распоряжении крупных землевладельцев продолжало находиться 50% земельных угодий, составлявших 75% обрабатываемой земли.

Развитие промышленности проходило замедленными темпами, что было связано с дефицитом экономических ресурсов и профессионально подготовленных кадров. Основными отраслями нарождающейся промышленности были текстильная и табачная. Количество фабрик в 1867 г. не превышало 168, к 1874 г. их насчитывалось 199, в 1889 г. – 145. При этом уровень механизации оставлял желать лучшего и был несопоставим с европейским.

Одной из наиболее активно развивающихся областей греческой национальной экономики являлось банковское дело. В период с 1882 г. по 1907 г. в стране были созданы крупнейшие

банки, серьезно повлиявшие на положение финансов в Греции: Эпиро-Фессалийский Банк, Критский Банк, Афинский Банк, Народный Банк, Банк торговли.

Противоречивость социально-экономического развития Греции в последней трети XIX в. серьезно влияла и на политический климат в стране. Прежде всего, четко выявилась двуполосность греческого политического мира. На фоне многочисленных партий, нередко не имевших серьезных политических программ и ориентированных на исключительно клиенталистские связи своих вождей, произошло структурирование двух основных сил, каждая из которых имела серьезную социальную базу в обществе. Первая из них, возглавлявшаяся А. Кумундуром, объединяла крупных и средних землевладельцев, представителей старых социальных слоев, имевших корни в патриархальном греческом обществе и выступавших с консервативных позиций. После смерти вождя этой партии в 1883 г., которая нередко называлась “партией националистов” за ее курс, направленный на реализацию внешнеполитических интересов Греции, его место занял Т. Делияннис. Вторая, сопоставимая с ней по влиянию и значимости партия, была известна как “партия прогрессистов” и возглавлялась Х. Трикуписом. В ее рядах объединялись представители новых предпринимательских слоев, интеллигенции и городского населения, а также тех, кто был связан с производственно-фабричными отраслями промышленности. Во многом программные установки прогрессистов были ориентированы на расширение интеграции Греции в международную экономическую систему и увеличение присутствия иностранного капитала в стране. Зарубежные инвестиции рассматривались как финансовый источник развития промышленности и в целом греческой экономики. Катализатором активизации внутривнутриполитической жизни в последней трети XIX в. выступили внешнеполитические неудачи Греции. Прежде всего это касалось так называемого критского вопроса. Восстание 1858 г., поднятое греками на этом острове против турец-

кого владычества, было подавлено османскими властями, которые помимо карательных мер использовали и обещания расширить полномочия самоуправления жителей Крита. В 1866 г. движение за воссоединение острова с Грецией усилилось, чему в немалой степени способствовали надежды на активную позицию нового короля Георгиоса I, а также политика правительства А. Кумундуроса, выступавшего за решение “критского вопроса”. Существенная помощь в виде финансовой поддержки восставшим и добровольцами оказывалась со стороны греков диаспоры. Греческая община в Великобритании купила судно “Аркадия”, использовавшееся как транспортное средство для прорыва турецкой блокады Крита. Одновременно Греция попыталась усилить свои позиции на Балканах, подписав в 1867 г. союзный договор с Сербией о совместной борьбе против Османской империи.

События тем временем развивались достаточно стремительно. На заседании Собрания Крита было принято решение о провозглашении независимости острова и о его объединении с Грецией. Однако король Георгиос I и премьер-министр Вулгарис осознавали опасность открытой конфронтации с Турцией, превосходившей в военном отношении Грецию. Поэтому они рассчитывали на поддержку держав-покровительниц, которые должны были оказать давление на Оттоманскую Порту. Несмотря на отчаянные попытки критян освободить остров собственными силами и их успех на начальном этапе восстания, все-таки превосходящие силы турецких и египетских войск, выступивших в очередной раз совместно, оказались решающим фактором. Общественное мнение России и Европы было на стороне сражавшихся греков. Париж и Санкт-Петербург выступили с планом проведения плебисцита, в ходе которого жители Крита должны были решить свою судьбу: быть ли острову в составе Греции или Османской империи. Против этого резко возражала Британия, занявшая протурецкую позицию с тем, чтобы не допустить расширения французского и российского влияния в

районе Средиземноморья. Подавление выступления критян имело, однако, не только военные последствия. На остров прибыл Великий Визирь Османской империи, который получил приказ султана провести реорганизацию администрации на острове. В соответствии с принятым “Органическим статутом 1868 г.” христиане получали более широкие права в системе управления Крита, а также уменьшалось налоговое бремя. Однако сопротивление жителей острова не ослабевало. В самой Греции всё настойчивее высказывались требования “окончательно решить критский вопрос”. На совместном заседании представителей европейских стран, включая Россию, а также представителей Греции и Османской Порты, в конце концов были достигнуты договоренности о том, что Турция откажется от рестрикционных мер в отношении проживающих в ней греков, а греческое правительство не допустит впредь поддержку вооруженных повстанцев или помощь им в любой форме со своей стороны. Фактически Греция не добилась решения “критского вопроса”, а престиж ее отдельных политиков внутри страны резко упал.

Следующей серьезной для общественно-политического развития страны проблемой оказался церковный вопрос. Разраставшееся в 60-е гг. XIX в. движение болгар за независимость от греческого константинопольского патриарха привело в начале 70-х гг. к открытому конфликту из-за нежелания Вселенского Патриарха даже рассматривать болгарскую просьбу о создании болгарской национальной церкви. В феврале 1870 г. султан подписал фирман, легализующий существование независимой болгарской церкви и положивший основу для создания болгарского экзархата, глава которого должен размещаться так же как и греческий вселенский патриарх в Константинополе. Сфера влияния болгарской экзархии распространялась не только на территорию дунайского, но и адрианопольского, а также салоникского вилайетов, районы Монастир и Косово. Создание болгарской национальной церкви было, с одной стороны, объектив-

ным процессом борьбы болгарского духовенства против доминирующего греческого влияния в греко-православном миллете, а с другой, — стремлением османской администрации противопоставить национальных представителей православного клира друг другу и манипулировать ими в интересах сохранения своего господства на завоеванных землях. Однако этот план оказался изначально ошибочным. Уже в 1875–76 гг. в славянских провинциях одно за другим вспыхнули восстания в Герцеговине и Болгарии, которые были с трудом подавлены турками.

Начало очередного этапа Восточного кризиса 1875–1878 гг. усилило внутривосточную борьбу в Греции. В июле 1874 г. Х. Трикупис опубликовал в одной из влиятельных газет страны анонимную статью “Кто виноват?”, суть которой сводилась к обвинениям короля в неспособности достигнуть внутривосточной стабильности, его амбициях возродить институт абсолютизма. При этом автор материала выдвинул свою программу выхода из кризиса. Ее главной идеей стали создание “правительства большинства” и назначение на пост премьер-министра лидера крупной партии, пользующейся поддержкой широких слоев общества. Выступление Трикуписа было обусловлено реальной ситуацией, сложившейся в политической жизни Греции. Многочисленные мелкие партии и их вожди использовались королем в интересах укрепления собственной власти, так как постоянное противоборство этих группировок не могло быть разрешено без посреднической роли Дворца. Скандал, разразившийся в Греции после публикации статьи, показал невозможность для короля единолично управлять страной вопреки действующей конституции. Вскоре после ареста Трикуписа, обвиненного в подрывной деятельности, он был освобожден под нажимом общественного мнения. Более того, Георгиос обратился к нему с просьбой сформировать в мае 1875 г. правительство, а в августе 1875 г. официально провозгласил принцип формирования правительства только лидерами “партии большинства”.

Однако как и прежде ситуация в Греции начинала испытывать на себе воздействие внешнеполитических факторов. К их числу в 1877-1878 гг. относилась русско-турецкая война, серьезно повлиявшая на положение дел в балканском регионе и в Средиземноморье. Летом 1877 г. в результате договоренностей между ведущими греческими политиками было заключено соглашение о создании коалиционного правительства, во главе которого король поставил престарелого адмирала Канариса — легендарного героя национально-освободительной войны 1821–1829 гг. Министром иностранных дел был назначен Х. Трикупис. Последний обратился к британскому правительству с заверениями о том, что будут предприняты все меры по недопущению вовлечения греков Османской империи в боевые действия, но при условии учета греческих территориальных интересов во время решения проблем полуострова. Именно на этом основании Афины отказались от союза с Санкт-Петербургом во время русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. Однако общественное мнение страны было настроено явно в пользу совместной борьбы с Россией против Османской империи, что привело в конечном счете к падению кабинета Канариса. Новое правительство, во главе которого встал лидер “националистов” (в данном случае этот термин не соответствует русскому аналогу) М. Кумундурос, принялось активно поддерживать освободительное движение греков в Фессалии, Эпире и на Крите. Более того, фактически произошёл отказ от прежней позиции нейтралитета, занятой при правительстве Х. Трикуписа и было объявлено о посылке греческой армии в те районы Греции, которые продолжали оставаться под турецкой оккупацией. К февралю 1878 г. русские войска уже угрожали Константинополю и разгром Османской империи был неизбежен. Однако “озабоченность” европейских держав успехами России, на стороне которой были симпатии всех балканских народов, видевших в ней свою освободительницу, заставила Санкт-Петербург пойти на мирный переговоры с турецким правительством. В свою очередь

греческая сторона также была вынуждена дать приказ вывести войска из Фессалии. Британия выступила гарантом соблюдения греческих интересов и оказала посреднические услуги по “критской проблеме”.

3 марта 1878 г. в местечке Сан-Стефано, недалеко от Царьграда было заключено временное (прелиминарное) мирное соглашение между Россией и Османской империей. В соответствии с ним Болгария получала провинции Восточная Румелия, Македония, за исключением Салоник и Халкидики, но с включением озер Охрид и Преспа. Подписанный договор насторожил Афины и серьёзно повлиял на общественное мнение Греции. Причинами тому стало включение Македонии в состав новообразуемого болгарского государства. В исторических и национальных традициях, внешнеполитических устремлениях Греции эта область отождествлялась с греческим государством, неотъемлемой частью которого она должна была стать после освобождения от османского ига. К тому же Салоники, а так же Эпир и Фессалия в соответствии с Сан-Стефанским протоколом оставались за Оттоманской Портой.

Преиминарный русско-турецкий договор не мог устроить как многие европейские державы, так и отдельные балканские страны, в число которых вошла Греция. Британия выступила в первых рядах тех, кто потребовал от России изменения условий договора. Австрия также была не заинтересована в усилении российского влияния на Балканах в непосредственной близости от своих владений. Собравшийся 13 июня 1878 г. Берлинский конгресс, на котором председательствовал “железный канцлер” Бисмарк, должен был выработать взаимоприемлемую формулу балканского урегулирования. Британская сторона обратилась к членам конгресса с призывом пригласить на заседания и греческую делегацию. Однако греческие представители по взаимному согласию Великих держав были допущены только для того, чтобы озвучить требования Греции, но на само обсуждение они не были приглашены. Во многом шаг британской дипломатии

был обусловлен желанием Лондона выступить в роли защитника одной из балканских стран, с тем чтобы противодействовать России.

По своим результатам Берлинский конгресс оказался значительным событием. Прежде всего была признана полная независимость Сербии, Румынии и Черногории от Османской империи. Для Болгарии, однако, он оказался намного невыгоднее по сравнению со Сан-Стефанским прелиминарным соглашением, так как в территориальном отношении её владения серьёзно ограничивались. Она превращалась в княжество, платящее дань Османской империи. Восточная Румелия оставалась под прямым правлением турецкого султана, но при этом пользовалась административной автономией. Фракия, Албания, Эпир и Македония оставались в составе Османской империи и в них предусматривалось в дальнейшем проведение реформ управления. Что же касается Крита, то его статус оставался неизменным — он продолжал быть частью Османской империи.

Таким образом, русско-турецкая война, от которой в Греции ожидали серьёзных изменений в её пользу, не принесла желаемых результатов. Концепция “великой страны”, занимавшая постепенно господствовавшее место во внешнеполитических ориентирах балканских государств, уже была чревата межгосударственными конфликтами несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником — Османской империей. Стремления Греции расширить свои северные пределы и решить критский вопрос оказались не реализованы. Поэтому большие надежды возлагались на помощь Великих держав в урегулировании этих проблем. Состоявшаяся в июне 1880 г. Берлинская конференция оказалась для Греции более удачной чем конгресс 1878 г. Британская и французская дипломатия выдвинули предложение провести новую греческую границу от горного массива Олимп на востоке до реки Каламас на западе с включением в её состав

новых владений город Янину. Однако турки отказались удовлетворить эти требования, что послужило причиной мобилизации греческой армии. Изменение политической ситуации во Франции и последовавшие за этим разногласия между британским и французским правительством ни к чему не привели. На состоявшейся в 1881 г. в Константинополе конференции британская сторона попыталась добиться от турок перехода горного массива Олимп и Преvezы под греческий контроль. Османское правительство отказалось передать Преvezу, но пошло на уступки по другим территориям. В результате северная граница Греции чуть продвинулась выше к Арте. Она также получила небольшие уступки в Эпире. Но самым серьёзным внешнеполитическим успехом греческой дипломатии было включение в состав страны области Фессалия, освобождение которой от турок военным путём ранее так и не удалось.

Внутриполитическая жизнь Греции в 80-е – 90-е гг. XIX в. характеризовалась острым соперничеством между партиями Х. Трикуписа и Т. Делиянниса. Примечательным фактом было то, что правительства этих двух крупнейших греческих политиков конца прошлого столетия сменяли друг друга практически на протяжении всех 20-ти лет, а борьба между ними существенно отражалась как на политическом, так и на хозяйственно-экономическом развитии страны. Прозападническая политика Трикуписа вела к усилению связей Греции с Великобританией и Францией по широкому спектру проблем. Программа действий “прогрессистов”, лидером которых он являлся, нашла свое выражение в конкретной реформаторской деятельности его кабинета. Прежде всего были предприняты шаги, направленные на усиление работоспособности парламента и борьбу с коррупцией в нём. В немалой степени этому должен был способствовать новый избирательный закон, предусматривающий создание избирательных коллегий, с одной стороны, и, с другой, - сокращение числа депутатов парламента. Следующим направлением реформаторского курса Трикуписа стала реорганизация

армии, управленческого аппарата и системы судопроизводства, а также организация полиции. В последнем случае это означало усиление независимости судей, их несменяемость. Одновременно был принят закон, не позволяющий проводить конфискацию зарплат государственных служащих и офицеров. Вводился специальный квалификационный экзамен для государственных чиновников. В хозяйственно-экономической области правительства Х. Трикуписа ориентировались на упорядочивание финансовой системы страны – этого традиционно слабого для греческой экономики института. Для его стабилизации и оживления глава “прогрессистов” активно прибегал к иностранным займам и инвестициям (прежде всего британским), а также упорядочиванию собираемости налогов. Масштабные строительные проекты, создание промышленных предприятий и реформы государственной системы требовали вливания огромных средств, которыми Греция не обладала. Сумма внешнего долга в 1879-1893 гг. достигла 468 млн. 358 тыс. золотых франков. Обслуживание долга требовало до 50% ежегодного национального дохода страны. Однако складывавшаяся с финансами ситуация выявила неэффективность реализации займов, многочисленные криминальные нарушения в их использовании. Более того, как оказалось, в промышленное развитие Греции было вложено всего лишь 6% всей суммы. Стремление Трикуписа стабилизировать финансовую систему страны вылилось в многомиллионные вложения в Национальный банк Греции и Эпиро-Фессалийский банк – крупнейшие банковские институты страны, фактически контролировавшие 80% оборотных денежных средств. Увеличение налогового бремени в 1,5–2 раза способствовало стремительному обнищанию средних и малоимущих слоев общества. Резкое социальное расслоение, в котором небольшой процент населения обладал колоссальными финансовыми и имущественными возможностями, а большинство греков маргинализировалось, вело к социально-политической напряженности. Приходившие на смену правительствам Х. Трикуписа прави-

тельства Т. Делиянниса, ориентированного на крупных землевладельцев Пелопоннеса и патриархальные слои греческого общества, не могли существенно изменить ситуации в лучшую сторону. Во время своих краткосрочных пребываний у власти Делияннис восстановил существовавшие до правления своего конкурента небольшие электоральные округа, что позволило ему заниматься подгасовкой результатов выборов в нужный момент. Верный принципам популизма и социальной демагогии лидер партии “националистов” настоял на существенном сокращении налоговых выплат, что в немалой степени способствовало уменьшению поступлений в казну. Во внешней политике Делияннис придерживался также весьма радикальных принципов. Кризис 1885 г., когда Болгария аннексировала Восточную Румелию, а Сербия потребовала для себя территориальной компенсации, показал решительность премьер-министра в проведении жёсткой внешнеполитической линии. Он выступил с требованием, аналогичным сербскому и к тому же провёл мобилизацию в стране. Лишь после введения морской блокады Великими державами (за исключением Франции) в 1886 г. Делияннис был вынужден провести демобилизацию и уйти в отставку. Принимавшиеся им меры усиливали экономический хаос и ослабление финансовой системы страны. Увеличение дефицита бюджета становилось постоянным фактором экономической жизни Греции. Так, если в 1884 г. он составлял 30 млн. драхм, то через два года уже превышал 66 млн. В результате, приходивший на смену Т. Делияннису Х. Трикупис сталкивался с необходимостью введения очередных жёстких и нередко непопулярных мер. Его последнее пребывание у власти в 1892–1895 гг. (с перерывами) было отмечено резким ухудшением экономического положения в стране, чему в немалой степени способствовало падение цен на сельхозпродукты на мировом рынке. Разрыв между экспортом и импортом в национальном бюджете составил в 1893 г. 37 млн. франков в пользу последнего. Финансовое положение в стране вызывало беспокойство

иностранных кредиторов, а также представителей местной банковской элиты. Всё настойчивее становились их требования о создании Государственного банка Греции, который мог бы выступать в роли ответственного гаранта предоставляемых займов, кредитов и возвращаемых процентов. Вопрос о введении международного контроля за финансами страны приобретал всё большую актуальность. Приход к власти в 1893 г. Х. Трикуписа ознаменовался объявлением Грецией своего банкротства. Потеря поддержки среди широких социальных слоев, которые ранее голосовали за лидера “прогрессистов”, завершилась в 1895 г. его поражением на выборах. Разочарование в политических реалиях страны и горечь поражения тяжело переживались вождём ещё совсем недавно могущественной партии. Сразу же после случившегося он покинул Грецию и отбыл в выбранное им самим изгнание во Францию где и скончался.

Последствия финансового краха имели социально-политическое измерение. Волнения в сельских районах приобретали угрожающий размах. В городах усиливалась роль пока ещё малочисленных наёмных рабочих, чьи профессиональные организации, имевшие характер корпоративных объединений, всё чаще стали выдвигать социально ориентированные и политически оформленные лозунги.

В 1896 г. вновь обострилась ситуация на Крите. Назначение губернатором острова христианина было расценено лидерами мусульманской общины крайне негативно и использовалось ими в агитации против христианского населения. Погромы и волна насилия, направленная против него, приобрели угрожающие размеры. В целях самозащиты оно было вынуждено сформировать специальный комитет, в задачу которого входила организация обороны и решение политических вопросов. Летом 1896 г. в центральном городе Крита Кании произошли массовые столкновения, перспектива распространения которых на всю территорию острова была достаточно велика. Османские власти пошли на вынужденное объявление реформ, согла-

сившись на то, что объединённая европейская комиссия займётся реорганизацией жандармерии и судебной системы на Крите. Однако, как это уже бывало не раз, обещания и посулы оказались не выполнены. Правители Османской Порты воспользовались моментом, когда внимание правительств и общественного мнения европейских стран и России было привлечено к армянским погромам в Константинополе. В самой же Греции, где у власти находилось правительство Т. Делианниса, “критский вопрос” превратился в один из наиболее важных в общественной и политической жизни. Поддержка соплеменников в их борьбе против турецких завоевателей и борьба за возвращение острова Греции активизировались к началу 1897 г. В феврале греческие войска под командованием полковника Вассоса высадились на острове с тем, чтобы добиться присоединения Крита к Греции. Созданная в 1894 г. в Афинах радикальная партия «Этники этерия» (“Национальное общество”), пользовавшаяся поддержкой патриотически настроенной греческой общественности, требовала силой оружия заставить турок освободить захваченные ими греческие земли, включая и Крит. Король Георгиос I занял под воздействием общественного мнения также жесткие позиции. Однако греческие вооруженные силы, несмотря на высокий боевой дух солдат и офицеров, не были подготовлены для ведения серьёзных боевых действий. Вооружение и организация армии оставались на несоответствующем современной войне уровне. В то же время турецкая армия прошла реформирование под руководством германских инструкторов и была хорошо вооружена. Финансовое положение Греции также не позволяло ей рассчитывать на долгие боевые действия. Помимо этого, присутствие военно-морских эскадр Великих держав в Средиземноморье не позволяло использовать грекам свой флот, который мог быть задействован как для десанта на турецкие острова, так и для блокирования военно-транспортных судов из Турции. Отношения между Грецией и Турцией стремительно ухудшались. В апреле 1897 г. греческие вооруженные

добровольческие формирования большими группами начали проникновение в оккупированную Османской империей Македонию. Турция объявила войну Греции. На начальном этапе греко-турецкой войны греческие войска достаточно успешно вели боевые действия. Однако вскоре сказались её военная и финансовая неподготовленность. В ходе ожесточенных сражений часть Фессалии оказалась в руках турок. Они захватили Лариссу и вынудили греческие части под командованием наследника — принца Константина отступить из этого района. Поражение греческой армии при Фарсале и Дамокосе открывало турецким силам дорогу в центральную Грецию.

Поражение на фронте способствовало внутренней социально-политической нестабильности. Антиправительственные, а точнее антикоролевские манифестации в Афинах усиливались. Положение короля Георгиоса серьёзно осложнилось. В определенной степени ситуацию спас пришедший к власти Д. Раллис, старавшийся не допустить расширения внутривосточного конфликта. Греция оказалась на грани военной катастрофы, последствия которой имели непредсказуемые результаты для дальнейшей судьбы страны. Потребовалось вмешательство Великих держав чтобы не допустить окончательного разгрома греческих вооруженных сил и захвата турками больших частей греческой территории. 20 мая 1897 г. под их нажимом было заключено перемирие, а в декабре того же года мирное соглашение. В соответствии с ним Греции возвращалась Фессалия, но в руках турок оставались отдельные, важные со стратегической точки зрения пункты. Греция обязывалась выплатить Турции контрибуцию в размере 4 млн. фунтов стерлингов. Финансовое банкротство страны заставило державы-кредиторы образовать в 1898 г. так называемую Международную финансовую комиссию, в состав которой вошли представители Великобритании, Австро-Венгрии, России, Италии и Германии. Её непосредственной задачей было обеспечение выплат процентов по займам и внешним долгам. Фактически она превращалась в выс-

ший финансово-распределительный орган Греции, которому поручался контроль над всеми финансами, сбором налогов и государственной монополией, существовавшей в табачной и винной отраслях промышленности. По своим результатам греко-турецкая война, несмотря на тяжёлые последствия, не превратилась в общенациональную катастрофу с территориальными потерями для Греции. Сам остров Крит, события на котором послужили прологом для военных действий, вплоть до 1898 г. оставался под контролем шести европейских держав, включая Россию. После ухода отсюда германских и австро-венгерских войск он был разделен на британский, французский, российский и итальянский сектора. После восстания, произошедшего в сентябре 1898 г. в главном городе острова Кании и убийства в нём британского вице-консула ситуация резко обострилась. В ноябре, после отбытия турецких частей с Крита, там было создано Национальное управление, во главе которого встал принц Георгиос. Номинально, однако, сохранялся суверенитет Турции над островом. Была принята специальная конституция, а в 1899 г. на своё первое заседание собралось Национальное собрание. Фактически остров приобрёл статус автономии в рамках Османской империи, но с очень широкими правами. Так, в частности, был принят собственный флаг нового образования, введена собственная валюта и предоставлено право выпуска собственных почтовых марок.

В то же время престиж отдельных представителей королевской семьи серьёзно пострадал из-за военных поражений на фронтах. Прежде всего это касалось принца Константина, командовавшего греческими войсками под Лариссой. В не менее затруднительном положении находилась и его супруга принцесса София, брат которой император Вильгельм II поддерживал Турцию.

Греко-турецкая война, “критские события”, финансовое банкротство — таковы были события последних лет XIX в. Греция вступала в новый этап своего развития.

2. Общественно-политическое развитие Греции в начале XX в.
Участие Греции в Балканских и Первой мировой войнах.

Несмотря на многие негативные черты финансово-экономического положения Греции, проявившиеся к концу XIX в., в стране продолжалось развитие хозяйственной инфраструктуры и строительство основных торгово-промышленных центров. Быстрыми темпами застраивались Афины, Пирей, Патрас и Волос. Однако жизнь в Греции продолжала испытывать на себе влияние внешнеполитических факторов. Две темы доминировали в греческой внешней политике и определяли состояние общественного мнения в Греции — это критский и македонский вопросы.

Развитие первого из них в начале XX в. шло по весьма драматическому пути. В 1905–1906 гг. на острове вновь развернулось партизанское движение. Восстание 1905 г., которое возглавил молодой критский политик Элевтериос Венизелос, занимавший посты министра юстиции и иностранных дел в правительстве автономии, имело резко выраженный антиабсолютистский характер и было направлено во многом против принца Георгиоса. Позиция Э. Венизелоса по критской проблеме отличалась сбалансированностью и он стремился не допустить преждевременных и неподготовленных действий по объединению острова с Грецией. За ходом выступления внимательно следили не только в Греции, где общественное мнение и политики поддерживали освободительную войну своих соотечественников, но и в Европе. Перспектива обострения ситуации в районе Балкан и Средиземного моря рассматривалось Великими державами крайне негативно. Поэтому они постарались смягчить ситуацию, но в то же время и принять решительные меры. Они заключались в смещении принца Георгиоса с поста Высшего комиссара и назначение на это место представителя консервативного спектра греческого политического мира А. Займиса, пользовавшегося доверием держав.

Не менее актуальным для греческой политики и общественного мнения был так называемый македонский вопрос. В самосознании греков эта историко-географическая область отождествлялась всегда с греческой национальной историей и греческой государственностью. К началу XX в. её население было достаточно пёстрым по своему этническому и конфессиональному составу. Помимо греков там проживали славяне, турки, албанцы. С образованием независимых балканских государств — Сербии, Греции и Болгарии, — борьба за обладание этой территорией, находившейся под властью Османской империи, разгорелась между ними с особой силой. При этом, каждая из сторон использовала для поддержки своих требований исторические и этнические аргументы. Борьба за право владеть Македонией сопровождалась активной пропагандой и насильственными действиями противоборствующих балканских государств, стремящихся заручиться поддержкой местного населения. Греческая организация “Этники этерия” вела работу среди греков области по двум направлениям: во-первых, в сфере образования и пропаганды, и, во-вторых, в военно-организационной, включавшей создание вооружённых отрядов из числа местных греков и отправка добровольцев из Греции. На рубеже веков в Македонии насчитывалось 1 тыс. греческих школ с 75 тыс. учеников. В свою очередь болгарские школы посещало около 32 тыс. человек. Сербская организация, занимавшаяся аналогичной деятельностью и носившая имя Святого Саввы не сумела распространить своё влияние на равное болгарскому числу школ или, тем более, греческих училищ.

К концу XIX в. в развитии “македонского вопроса” произошли серьёзные изменения. Осенью 1893 г. в Салониках Д. Груев и ряд его сподвижников создали политический кружок, который в 1896 г. при активном участии Г. Делчева, Г. Петрова и небольшой группы их единомышленников был преобразован в Македонскую революционную организацию, переименованную позже в Тайную Македонско-Одринскую революционную орга-

низацию (ТМОРО). Её целью, как это было записано в уставе, являлось объединение независимо от национального происхождения всех тех, кто выступал за революционную борьбу в интересах завоевания политической автономии Македонией и Адриано-польским (Одринским) вилаетом, находившимся под властью Османской империи. По мере развёртывания партизанской борьбы на территории области всё большей становится заинтересованность соседних балканских стран в придании ей соответствующей ориентации — проболгарской, просербской или прогреческой. Межэтническое размежевание населения постепенно начинало приобретать резкие очертания. В 1895 г. в Софии был образован так называемый Верховный македонский комитет, членами которого стали выходцы из Македонии. “Верховисты”, как их часто называли оппоненты, ориентировались в своей политике на Болгарию и выступали за присоединение Македонии к ней. В свою очередь Греция и Сербия поддерживали создание аналогичных комитетов на своих территориях. Вскоре внутри ТМОРО образовалось левое крыло во главе с Г. Делчевым, Я. Сандански и др., выступившее против подчинения организации интересам одной из балканских стран. Их лозунг был “Македония для македонцев”. После восстания 1903 г., вошедшего в историю как Илинденское (в связи с тем, что оно началось в день церковного праздника — Ильин день) и его поражения, руководство организацией перешло в руки “верховистов”. На протяжении 1903–1908 гг. внутри ТМОРО, переименованной в 1905 г. во Внутреннюю Македонско-Одринскую организацию (ВМОРО), происходила борьба между “верховистами” и левым крылом, закончившаяся их размежеванием.

Борьба между вооруженными отрядами партизан, добровольцами из Греции, Болгарии и Сербии, с одной стороны, а также между ними и османскими воинскими и жандармскими подразделениями, с другой, превращали Македонию в территорию, где война всех против всех в начале XX в. превращалась

в повседневную реальность. В балканских государствах слагались песни в честь героев “македонской борьбы” — тех, кто сражался в этой области в интересах того или другого балканского народа. Среди греков-участников этих партизанских сражений уже на протяжении многих десятков лет звучит на первом месте имя Павлоса Меласа, считающегося национальным героем Греции.

Ситуация, сложившаяся в Македонии, была предметом специального рассмотрения на встрече российского царя и императора Австро-Венгрии. По её результатам в сентябре 1903 г. была принята так называемая Мюрцстегская программа. В соответствии с её положениями предусматривалось создание международной жандармерии. Уже в начале 1904 г. начали прибывать иностранные офицеры. При этом зоны ответственности были распределены следующим образом: за Россией закреплялись Салоники, за Австрией — Ускюб (ныне г. Скопле), Британия контролировала Дриту, за Францией закреплялся Серрес, а Монастир оказывался в зоне ответственности Италии.

Следующим пунктом программы было проведение соответствующих реформ управления и хозяйственно-экономической жизни в Македонии. Султанское правительство давно обещало предпринять шаги в этом направлении, однако, дальше заверений и декларированных намерений дело не двигалось. В 1905 г. Британия взяла инициативу в свои руки и сумела договориться с другими Великими державами выступить единым фронтом с требованием к Османской Порте немедленно выполнить данные обещания, подкрепив этот ультиматум блокадой Мителины. В результате, как первый шаг, султан санкционировал прибытие в Салоники финансовых инспекторов из европейских государств.

Революция младотурок в июле 1908 г. имела и “греческое измерение”. Изначально провозглашенная революционерами идеология “османизма”, основным содержанием которой был тезис равенства всех граждан империи независимо от националь-

ной и профессиональной принадлежности, в конечном счёте трансформировалась на практике в панисламизм и пантюркизм. 8 октября 1908 г. Национальный совет Крита принял декларацию об эносисе (воссоединении) острова с Грецией и послал своих представителей в греческий парламент. Однако под нажимом Великобритании Афины были вынуждены отказаться от признания независимости острова. В свою очередь и другие государства в той или иной степени оказались задействованы в складывавшихся в Османской империи событиях: Болгария обрела полную независимость, а Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину.

Внутриполитическая ситуация в Греции характеризовалась очередным всплеском напряжения. На этот раз среди наиболее недовольных оказались офицеры греческой армии. Причина коренилась в действиях принца Константина, культивировавшего атмосферу протекционизма и nepотизма в вооруженных силах страны. В их рядах были созданы три тайные офицерские группы, выступавшие с программой военных, гражданских и экономических реформ. Продолжая традиции 1843 и 1862 гг. армия становилась, таким образом, одним из участников политической борьбы в стране. В июле 1909 г. произошло объединение этих подпольных групп в одну секретную офицерскую организацию “Военная лига”, возглавляемую полковником Н. Зорбасом и насчитывавшую свыше 1,5 тыс. офицеров (в основном из числа младшего офицерского состава). Программа действий Лиги была изложена ею в специальном меморандуме. Прежде всего выдвигалось требование отстранения принца Константина и других членов королевской семьи от руководства вооруженными силами Греции. На посты министров обороны и военно-морских дел должны были назначаться кадровые действующие офицеры. Помимо этого, предусматривалось увеличение расходов на армию, введение жёсткого контроля за финансами и снижение налогового бремени. Решительность

военных воспринималась с тревогой гражданскими политиками, к которым обратились представители Лиги.

В июле 1909 г. со своего поста ушёл премьер-министр Теотокис. Заменивший его Д. Раллис, симпатизировавший сначала “Военной лиге”, отказался 27 августа принять её делегацию. В ответ на это, афинский гарнизон, располагавшийся в местечке Гуди, демонстративно был выведен в город командовавшими им офицерами и фактически взял столицу под контроль. “Движение Гуди” (или, как часто ещё называют эти события, “Революция Гуди”), распространилось и на другие части страны. Король был вынужден принять требования восставших. Из армии были удалены все члены королевской семьи, восстановлены в звании незаслуженно уволенные ранее офицеры. На смену премьер-министру Д. Раллису пришёл К. Мавромихалис, поддерживавший уже давно контакты с Лигой. События августа 1909 г. были по своему характеру типичным бескровным военно-политическим переворотом, но в рамках существовавшей общественно-политической системы и не затрагивал её основ. Он скорее всего представлял собой попытку проведения частичных реформ под силовым нажимом армии. Однако именно незавершенность этого процесса подтолкнула в начале 1910 г. “Военную лигу” вновь прибегнуть к силовым методам и пригрозить королю установлением военной диктатуры в случае невыполнения требований. В целях реализации своей программы руководители “Лиги” обратились с требованием к королю Георгиосу I назначить премьер-министром Э. Венизелоса — политика, не связанного с традиционными политическими кланами страны. В создавшейся ситуации и Лига, и новый премьер нуждались друг в друге в борьбе против широкого круга оппонентов, а также против нажима со стороны престола. Король был вынужден согласиться на проведение новых выборов в Национальное собрание, которому предстояло изменить конституцию 1864 г. При этом предусматривалось избрание в два раза больше членов собрания, чем обычно, так как им предстояло

заниматься конституционным вопросом. В ходе выборов сторонники Э. Венизелоса получили 146 мест, Теотокиса — 112, Ралиса — 67, а остальные 37 были последователями Мавромихалиса и Займиса. Вскоре после возвращения с Крита в сентябре 1910 г. Венизелос возглавил правительство. Стремясь получить большинство в новосозданном парламенте, он объявил о новых выборах в декабре того же года. На них определилась победа критянина (300 мест из 362). Такой результат был связан с тем, что большинство оппозиционных партий отказалось принимать участие в выборах. Венизелос превратился в единственного и неоспоримого лидера политического мира Греции. Король Георгиос I тут же попытался использовать сложившуюся ситуацию для укрепления собственного положения, пошатнувшегося после греко-турецкой войны и событий 1909 г. Он поддержал нового премьера в его начинаниях. В свою очередь и Э. Венизелос был заинтересован в том, чтобы выйти из-под контроля “Военной лиги” и проводить собственную политику. Его первыми действиями на этом посту стали освобождение ряда офицеров, пытавшихся подавить восстание 1909 г., а также создание специального поста Главного инспектора вооруженных сил, на который был назначен принц Константин. Эти действия были направлены на укрепление позиций Венизелоса среди тех, кто стоял в оппозиции к “Военной лиге” или был близок к престолу. В 1911 г. он провёл конституционную реформу, внося более полусотни поправок и добавлений в конституцию 1864 г.

Конституционная реформа затронула широкий спектр социально-политических, хозяйственно-экономических и военных проблем страны. Прежде всего она коснулась законодательной власти. Отныне кворум в парламенте снижался с $1/2$ до $1/3$ количества депутатов. Этот шаг был призван положить конец распространённому в парламентской практике страны “шантажу неявкой”.

В соответствии с положениями конституции приём на государственную службу должен был происходить только по результатам экзаменов, начальное образование становилось бесплатным и обязательным. Была определена минимальная заработная плата для детей и женщин, сокращена ставка процента по кредитам и займам, введён прогрессивный подоходный налог. Создавалось министерство экономики и легализовались профсоюзы. Сам Венизелос занял посты военного и морского министров с тем, чтобы лично заняться реформой системы обороны страны. Ликвидация бюджетного дефицита в 1910–1911 гг. позволила провести реорганизацию и переоснащение вооружённых сил Греции. При этом премьер обратился за помощью к Великобритании и Франции, которые послали свои военные миссии и инструкторов соответственно для подготовки флота и сухопутных сил.

Не менее важные преобразования коснулись и сельского хозяйства. В соответствии с положениями новой конституции государство имело отныне право проводить конфискацию земли и собственности в “национальных интересах”. Фактически эта общая на первый взгляд статья закона имела и конкретное приложение — правительство получало возможность провести земельную реформу в Фессалии, где преобладало крупное землевладение. Ставка на средние социальные слои при учёте баланса интересов “трёх столпов” греческой политической жизни — монархии, парламента и армии, — таков был вектор политической деятельности премьера-реформатора.

Программа Венизелоса по реформированию политической и хозяйственно-экономической жизни тесно переплеталась с его реформаторской деятельностью и во внешнеполитической области. Для Греции её положение в системе международных отношений и связей играло одно из ведущих мест, так как уже с момента образования новогреческой государственности определялась прямая зависимость внутривнутриполитической ситуации в стране от характера её взаимоотношений с основными мировыми

державами и соседними государствами, включая молодые балканские страны - Болгарию, Сербию, Черногорию и Румынию. К концу первого десятилетия XX в. на Балканах начинает складываться новая система внутрирегиональных отношений. Новообразованные государства полуострова переходят к активным действиям по защите своих национальных интересов и реализации внешнеполитических доктрин, главными составляющими которых были освобождение соотечественников из-под турецкого ига и перераспределение контроля над территориями, рассматривавшимися в соответствии с историческими и национальными традициями народов этих стран их составной частью. Несмотря на разнонаправленность векторов внешнеполитических устремлений и нередко взаимную враждебность, для балканских государств всё очевидней становилась необходимость объединения усилий против общего противника — Турции и расширяющей свои балканские владения Австро-Венгрии. Поиск возможного союзника (или союзников) в складывавшейся ситуации был актуальным и для Греции, чья внешнеполитическая доктрина, оформленная в виде концепции “Μεγάλη Ιδέα”, продолжала сохранять свою силу.

Весной 1912 г. был сделан первый шаг на пути создания военно-политического союза балканских государств. 13 марта Болгария и Сербия подписали специальный договор о взаимной помощи в случае попыток одной из Великих держав захватить балканские владения Османской империи. При этом и Белград, и София имели в виду прежде всего усилия Австро-Венгрии расширить свои владения на полуострове. Обе стороны договаривались также (что было запротоколировано в секретном приложении) о совместном наступлении на Турцию с целью освобождения Македонии, которую предусматривалось разделить между Болгарией и Сербией. Военная болгаро-сербская конвенция, заключенная 12 мая 1912 г., дополненная договором между Генеральными штабами армий двух стран стали прологом к заключению 29 мая 1912 г. болгаро-греческого союзного

договора и военной конвенции 5 октября 1912 г. Осенью того же года Болгария и Черногория достигли устного соглашения о совместных действиях против Османской империи. Активность дипломатии балканских стран получала поддержку со стороны России, Англии и Франции, опасавшихся усиления австрийских и германских позиций в регионе.

Со стороны составивших Балканский союз государств всё настойчивее раздавались требования к Турции провести реформы в её европейских владениях, прежде всего — Македонии и Фракии, с целью реализации обусловленного ранее права этих областей на автономию. Турция отказалась от предъявленного ультиматума. 9 октября 1912 г. Черногория начала боевые действия против Османской империи, а через девять дней выступили в её поддержку Болгария, Греция и Сербия. Армия союзных балканских государств насчитывала свыше 603 тыс. человек, при этом Болгария выставила около 230 тыс. В свою очередь турецкая армия не превышала 412 тыс. человек и начавшиеся боевые действия застали её в момент реорганизации. Целью Болгарии и Сербии было получение большей части Македонии, а София ещё рассчитывала на приобретение Салоник и Западной Фракии. Сербия была готова поделить с Грецией Албанию. Боевые действия, продолжавшиеся вплоть до декабря 1912 г., показали силу Балканского союза, с одной стороны, и, с другой, — его зависимость от Великих держав. Турция оказалась на грани полного поражения. Заключение перемирия между воюющими сторонами 3 декабря должно было стать прологом для подписания полномасштабного договора. На лондонской конференции послов, проходившей в конце 1912 — начале 1913 гг., была сделана попытка выработать прелиминарные условия договора. Однако произошедший 23 января 1913 г. младотурецкий переворот существенно изменил ситуацию — новое правительство в Стамбуле отказалось выполнять оговоренные ранее условия. Последовавшие боевые действия привели к полному поражению турецкой армии и потере кон-

троля Турции над Адрианополем и Яниной. Пытаясь обострить противоречия между балканскими союзниками и усилить прогерманскую группировку в Греции, турки разработали и осуществили план физической ликвидации греческого короля Георгиоса I, который был убит 13 марта 1913 г. в Салониках. Новым королём стал прогермански настроенный Константинос I, находившийся в конфронтационных отношениях с премьер-министром страны Э. Венизелосом, ориентировавшимся на Великобританию и державы Антанты. Подписание в апреле 1913 г. перемирия между Турцией, с одной стороны, и Грецией, Болгарией, Сербией, с другой, означало окончание Балканской войны. Лишь Черногория продолжала осаду Шкодера, которую, однако, была вынуждена прекратить под нажимом Великих держав.

В соответствии с положениями заключенного 30 мая 1913 г. Лондонского мирного договора на Балканах и в регионе Средиземноморья происходили серьёзные территориальные изменения. Прежде всего, Албания признавалась независимым государством. Остров Крит, наконец, воссоединялся с Грецией. Все балканские владения Турции переходили в состав государств Балканского союза (за исключением небольшой части Восточной Фракии и столицы Османской империи — Стамбула). Болгария, Сербия и Греция получали соответствующие части Македонии и Фракии. При этом территориальные приращения Болгарии оказались наиболее значительными. Однако уже с самого начала выявились противоречия между державами-участниками Балканского союза. Сербия хотела больших компенсаций в Македонии из-за того, что она не получила выхода к Адриатическому морю. В свою очередь Греция претендовала на увеличение территориальных приращений в Южной Македонии и Западной Фракии. Э. Венизелос, стремясь обезопасить страну от возможной конфронтации с Болгарией в будущем, предоставил ей возможность выхода в Эгейское море и согласился на передачу под болгарский контроль портов Адрианополь

(Дедеагач), Макри и Порто Ларго. Более того, существовала реальная возможность перехода к Болгарии и части района Каваллы.

К требованиям Греции и Сербии в отношении Болгарии добавились ещё и требования Румынии, желавшей получить за свой нейтралитет в Балканской войне Добруджу. В Софии были также недовольны тем фактом, что Салоники не попали под болгарский контроль. На всё это накладывалось ещё влияние и внешнего фактора — активизировала свои усилия, направленные на раскол Балканского союза, Германия. Взаимные претензии балканских государств свидетельствовали о нарастании военно-политической конфронтации между ними и о фактическом развале Балканского союза. 1 июня 1913 г. Греция и Сербия подписали секретный договор, направленный против Болгарии. Его основным содержанием была ревизия результатов I Балканской войны в части, касавшейся распределения бывших османских владений между прежними участниками антитурецкой коалиции. Реализация военно-политического союза сулила Греции получение тех частей Македонии и Фракии, на которые она претендовала. В свою очередь Болгария, поддерживаемая Германией, также вела подготовку к боевым действиям, сконцентрировав на широком фронте от Дуная до Эгейского моря пять армий. 29 июня болгарские войска атаковали сербские и греческие позиции без объявления войны. Совместными усилиями греческих, сербских, черногорских, а затем и румынских частей, наступавших на Софию, болгарская армия оказалась фактически разгромлена. Ситуацией воспользовалась Турция, захватившая Адрианополь. 10 августа 1913 г. был подписан Бухарестский договор. В соответствии с ним Греция фактически увеличила вдвое свою территорию после включения в её пределы большей части Южной Македонии. Население Греции возросло с 2 млн. 800 тыс. человек до 4 млн. 800 тыс. В свою очередь Сербия получила северную и центральную части Македонии, а Румыния — Добруджу. Не оста-

лась в стороне от территориальных изменений и Турция, которая возвратила под свой контроль Адрианополь и часть Фракии.

По своим результатам и Первая, и Вторая балканские войны оказались успешными для Греции, которая смогла частично реализовать свою внешнеполитическую программу. В глазах общественного мнения страны Э. Венизелос становился фигурой номер один греческой политики. Росту его авторитета среди греков за пределами страны способствовала проводимая им жёсткая и в то же время гибкая политика по защите интересов Греции и находящихся в Османской империи соотечественников. Среди внешнеполитических проблем, стоявших в повестке дня греческой дипломатии, продолжали, однако, оставаться так называемый македонский, северо-эпирский и додеканезский вопросы. Отношения с Турцией требовали постоянного внимания. Превращение Греции в балканскую державу требовало от неё закрепления своего положения в системе складывающихся внутрирегиональных связей и отношений с великими державами. Хозяйственно-экономическое и финансовое развитие страны должно было соответствовать её новому статусу.

Балканские войны и последующее урегулирование территориальных проблем на полуострове не привели к миру. Противоречия между сложившимися на европейском континенте военно-политическими блоками — Антантой (включавшей Англию, Францию и Россию) и Центральными державами (Германией и Австро-Венгрией) приобретали характер резкого противостояния. Балканский регион был расколот на несколько группировок. Сербия стояла на стороне Антанты. Болгария являлась активной сторонницей Германии, которая поддерживала Турцию. В Греции обострилось соперничество между проантантовской и прогерманской группировками. Проантантовский лагерь составляли силы, близкие Э. Венизелосу — давнему стороннику сближения с Британией. Во главе германофилов стояли околдворцовые круги и король Константинос I, женатый на сестре

Вильгельма II. Попытки Антанты создать блок балканских государств с участием Болгарии, Сербии и Греции нашли поддержку у Венизелоса, согласного в знак примирения с Болгарией передать ей район Каваллы, за что Греция получала бы в виде компенсации западную часть Малой Азии. Однако Болгария оказалась под полным влиянием Германии, которая стремилась не допустить создания проантантовского союза в регионе и любые переговоры о его образовании были невозможны. Венизелос попытался прозондировать отношение Германии к позиции Греции по её спорным с Турцией вопросам. Ответ Берлина не оставлял никаких сомнений, что поддержка будет оказана Османской империи.

Ситуация на европейском континенте развивалась в сторону усиления военно-политического противостояния между двумя блоками, которые расширяли своё влияние и на малые государства Европы. К середине 1914 г. положение в Греции характеризовалось стабильным хозяйственно-экономическим ростом и существенным улучшением финансовой системы, испытывавшей на протяжении предыдущих десятилетий XIX в. многочисленные кризисы. Во внутривнутриполитическом отношении также произошли изменения. Главным из них было усиление позиций Э. Венизелоса и возглавлявшейся им Либеральной партии. Большое влияние на состояние общественного мнения страны оказало поступательное хозяйственно-экономическое развитие. Наиболее серьёзным аспектом внутривнутриполитического положения Греции, влиявшим и на её международные позиции, было резкое противостояние между прогермански настроенным королевским двором во главе с Константиносом I и широкими политическими кругами, связанными с Либеральной партией Венизелоса, ориентированными на Антанту. В условиях нарастания военно-политического кризиса это обстоятельство имело большое значение для судьбы страны. Объявление 25 июля 1914 г. австро-венгерского ультиматума Сербии стало окончательным водоразделом между двумя группировками в греческой полити-

ческой жизни. На запрос сербского премьер-министра Н. Пашича относительно греческой позиции в разворачивающемся конфликте, греческий премьер Э. Венизелос заявил, что в вопросе войны с Австрией его правительство может принять решение после получения “полной информации”. Что же касалось возможного нападения Болгарии на Сербию, то греческая позиция была более однозначна — Венизелос заявил своему сербскому коллеге о безусловной поддержке Белграда. Особую тревогу греческого премьера вызывала вероятность союза Болгарии и Турции на общей антисербской и антигреческой платформе. Подобное развитие событий было чревато для Греции потерей территориальной целостности. Не желая провоцировать страны германо-австрийской коалиции, Венизелос сообщил в Белград, что его страна будет соблюдать “доброжелательный нейтралитет”, но в случае болгарской агрессии выступит, на стороне Сербии. Пока греческий премьер-министр вёл активные консультации со своим сербским партнёром, король Константинос I начал тайные контакты с германским кайзером с тем, чтобы заручиться его поддержкой в интересах соблюдения греческих интересов. Однако, как и прежде, германский ответ был категоричным — Греция должна занять своё место в австро-германском лагере. В августе 1914 г. ситуация достигла своей кульминации, так как Константинос был вынужден заявить германскому кайзеру — своему двоюродному брату, что лично он с симпатией относится к Германии и её позиции на мировой арене, но существуют объективные трудности и прежде всего военно-стратегического порядка (возможность военно-морской блокады Греции странами Антанты), которые не позволяют Афинам перейти полностью в стан Центральных держав. Фактически греческий король, не имея полномочий на проведение внешнеполитического курса (что было оговорено конституцией), гарантировал нейтралитет страны в отношении Германии и её союзников. Однако, несмотря на королевские усилия, Венизелос, получив поддержку подавляющей части населения, одно-

значно выступил за союз с Антантой. Британское правительство поспешило дать гарантии Греции, что окажет поддержку в случае турецкого нападения. После начала Первой мировой войны Греция с согласия держав-покровительниц и Италии ввела в декабре 1914 г. свои войска в Северный Эпир где они должны были находиться вплоть до мирной конференции, которой предстояло решить судьбу этой территории и в целом Албании. Однако вскоре греческий король Константинос в довольно резкой форме сообщил представителю британского правительства о невозможности для Греции занять место среди членов Антанты. Сделанное под воздействием “германской партии” заявление лишь усилило конфронтацию между Константиносом и Венизелосом. Пытаясь воздействовать на короля, премьер подал в отставку, которая, однако, не была принята, так как была бы воспринята в греческом обществе явно с недоброжелательных для престола позиций. К тому же Константинос не собирался давать Венизелосу возможность открыто выступить против трона, связав его участием в правительстве.

В начале 1915 г. представители Антанты вновь попытались наладить контакты с Грецией. 24 января Британия предложила греческому правительству присоединиться к союзным силам в боевых действиях на балканском и средиземноморском фронтах. При этом греческой стороне гарантировалась передача больших территорий в Малой Азии с компактным греческим населением. Венизелос обратился со специальным письменным посланием к королю Константиносу, изложив свои оценки и предложения. Прежде всего он отметил, что территориальное расширение Греции возможно в случае, если будет найден компромисс с Болгарией и Румынией. Чтобы избежать конфронтации с Софией, предлагалось передать под болгарский контроль район Каваллы и тем самым обеспечить выход Болгарии к Средиземному морю (о чём давно мечтали болгарские правящие круги). Получив информацию, что Румыния не будет занимать дружественную Греции позицию, Венизелос вновь обра-

тился к королю с предложением решить с болгарамии вопрос о Кавалле. Его аргументация в этом отношении была проста — передача района, в котором проживает 30 тыс. греков (с последующим их переселением) будет компенсировано приобретением несопоставимо больших территорий в Малой Азии с греческим населением, насчитывавшем более 800 тыс. человек. На заседании греческого совета министров вопрос о передаче Каваллы болгарам был фактически решён. Однако последовавшие события показали тщетность реализации предложенного Э. Венизелосом плана, так как Болгария окончательно присоединилась к блоку Центральных Держав.

В феврале 1915 г. силы Антанты провели операцию в Дарданеллах. Несмотря на настойчивые попытки Венизелоса убедить Константиноса в необходимости участия в ней и Греции, последний отказался от этого, сославшись на мнение Генерального штаба, возглавлявшегося прогермански настроенным полковником И. Метаксасом, заявлявшем о невозможности для страны участвовать в крупномасштабных операциях в силу неподготовленности её вооружённых сил. Пытаясь добиться своих целей, Метаксас заявил о своей отставке, что делало невозможным вообще какие-либо действия со стороны греческой армии. В результате дворцовых интриг и отказа Константиноса занять проантантовские позиции, Э. Венизелос подал в отставку, а на его место королём был приглашён Гунарис, который и сформировал кабинет. Сложившееся положение придало уверенность германской агентуре в стране, которая активизировала свои усилия на пропагандистском фронте. Через подставных лиц начался массовый подкуп главных редакторов газет и проникновение в околотруительственные круги.

Тем временем складывавшееся в районе Средиземноморья положение характеризовалось крайней противоречивостью. 6 марта 1915 г. Россия получила согласие Антанты на оккупацию Константинополя и не была заинтересована в участии греческих вооружённых сил на данном направлении. Неудача 18 марта

операции в Проливах, в свою очередь, использовалась королём Константиносом для оправдания правильности позиции нейтралитета Греции.

Прошедшие 13 июня 1915 г. парламентские выборы, несмотря на всевозможные нарушения и подтасовки, принесли победу Либеральной партии Э. Венизелоса, которая получила 123 из 184 мест в парламенте страны. Противодействие антивенизелистских сил было настолько сильным, что они постарались сохранить у власти Гунариса даже после своего очевидного поражения. 10 августа Венизелос вновь оказался у власти. Конфликт между премьер-министром и королём развивался по нарастающей. В свою очередь произошли очевидные перемены в политике Антанты в отношении Болгарии и было принято решение принять активные меры в районе Средиземноморья, отказавшись от каких-либо уступок Софии. Союзный флот готовил десант на греческую территорию. Повинуясь воли короля Венизелос выразил 2 октября 1915 г. формальный протест от имени правительства, но дал понять, что он лично поддерживает этот шаг Антанты. Одновременно премьер-министр продолжал проантантовскую позицию, чем навлёк на себя гнев Константиноса, заявившего в специальном послании Венизелосу о своём несогласии с позицией Либеральной партии и её вождя. В ответ на это, последний обратился к королю с просьбой о своей отставке, которая была принята. Буквально через несколько часов после этого десант Антанты высадился в местечке Карабурун, не далеко от Салоник.

Новый кабинет, сформированный А. Займисом, включал бывших премьер-министров Греции, занимавших этот пост в недавнем прошлом — Гунариса, Раллиса, Теотокиса и Драгумиса. Однако и Займис был вынужден считаться со сложившейся ситуацией, что выразилось в его позиции “продолжать прежний курс”. В ноябре 1915 г. наступила развязка давно назревавшего конфликта между Венизелосом и его противниками из рядов прогерманского лагеря греческих политиков. В

парламенте страны бывший премьер получил большинство в поддержку своей политики. Дело закончилось роспуском парламента и назначением новых общенациональных выборов на 15 декабря 1915 г. Венизелос потребовал от своей партии и её сторонников воздержаться от участия в них в связи с тем, что в этот момент проходила мобилизация, а разгон парламента был незаконным. Прошедшее голосование принесло победу антивенизелистам, использовавшим весь арсенал фальсификаций, запугивания и т.д.

Тем временем боевые действия начинали разворачиваться на греческой территории. Попытки Константиноса договориться с Центральными державами не привели к желаемым результатам. Внутриполитический конфликт в стране нарастал. Болгарские войска захватывали города в принадлежавшей ранее Греции части Македонии. Был потерян контроль над Северным Эпиром. Всё это усугубляло внутриполитическое противостояние, которое вылилось 30 августа 1916 г. в восстание, организованное группой офицеров-венизелистов, состоявших в созданной ещё в декабре 1915 г. организации “Национальная оборона”. В неё входили и влиятельные гражданские политики, поддерживавшие Либеральную партию. В октябре 1916 г. Венизелос вернулся с островов, куда он направился летом в поисках политической поддержки среди местных жителей и прежде всего своих земляков-критян. Вскоре он возглавил сформированное из членов “Национальной обороны” Временное правительство, в которое вошли помимо него известные военные деятели — адмирал П. Кундуриотис и генерал П. Даклис. Новая администрация избрала местом своего пребывания Салоники. Таким образом Греция разделалась на две части — находящуюся под контролем роялистов и тех, кто поддерживал Венизелоса. Державы Антанты оказали материальную и военную помощь Временному правительству. Военно-морские силы союзных держав блокировали находившиеся под контролем роялистов районы страны. Используя военную поддержку государств Антанты

Венизелос сумел взять Афины и захватить власть. Король Константинос был вынужден отречься от престола и передать 12 июня 1917 г. права на трон своему сыну Александросу. Фактически Греция перешла полностью в стан Антанты. 15 сентября 1918 г. греческие вооруженные силы приняли активное участие в массированном наступлении на южно-балканском направлении. 29 сентября 1918 г. было подписано перемирие с Болгарией, а 30 октября — с Турцией. Перемирие с Германией, заключенное 11 ноября 1918 г., ознаменовало окончание Первой мировой войны.

3. Греция после Первой мировой войны.

В январе 1919 г. в Париже начала работу мирная конференция, в задачу которой входило решение всего комплекса вопросов, связанных с окончанием мирового военно-политического конфликта. Грецию на этом форуме представлял её премьер-министр Э. Венизелос, который развил активную деятельность, направленную на реализацию греческих внешнеполитических интересов. Требования, сформулированные главой греческой делегацией, включали решение территориальных вопросов в том виде, как они рассматривались в Афинах. Во многом, исходя из стремления показать союзникам по Антанте активную роль Греции в военно-политическом блоке, Э. Венизелос согласился на отправку экспедиционного корпуса на юг России, где они составляли часть многонациональных сил антибольшевистской коалиции. Участие в совместных боевых действиях против захвативших власть в России большевиков, пытавшихся взять под контроль всю территорию бывшей Российской империи и установить коммунистическую диктатуру, давало повод надеяться греческому премьеру на удовлетворение греческих требований, предусматривавших переход к Греции Фракии, Северного Эпира, Смирны, прилегающей территории побережья Ма-

лой Азии и Додеканезских островов. В мае 1919 г. Афины получили согласие держав Антанты на занятие Смирны, которая перешла под греческий контроль после высадки греческого десанта. Несмотря на противодействие разрозненных турецких вооруженных формирований, попытавшихся отбить греческое наступление, город оказался в руках греков. Успешные действия греческих вооруженных сил, однако, серьёзно зависели от позиции ведущих европейских держав Антанты, имевших собственные интересы в регионе Малой Азии, Средиземноморья и Ближнего Востока. Наиболее остро соперничество развивалось между Францией и Британией, которые, преследуя свои цели в данном регионе, по-разному относились к Турции. Британский премьер-министр Ллойд Джордж выразил поддержку своей страны Греции, в то время как Франция, видя в усилении греческих позиций в Средиземноморье “британскую руку”, начала покровительствовать (хотя и не открыто) Турции. На проходившей 11 мая 1920 г. конференции в Спа Греция фактически получила право на присоединение Фракии и северозападных частей Малой Азии, включая район Смирны. Севрский мирный договор, подписанный 10 августа 1920 г. султанским правительством, с одной стороны, и представителями Англии, Франции, Италии, Греции, Армении, Бельгии, Польши, Румынии и Королевством сербов, хорватов и словенцев, с другой, для Греции означал переход под её контроль всей Фракии, Эгейских островов и Смирны. Официально в ряде районов, переданных Греции, сохранялось местное турецкое самоуправление, которое могло функционировать на протяжении последующих пяти лет вплоть до окончательного их вхождения в состав Греции. Что же касалось Додеканезских островов, которые переходили под контроль Италии, то в соответствии с двусторонним итало-греческим договором они в конечном счёте должны были быть переданы Греции.

Подписанный представителями султанского правительства Турции Севрский договор оказался недолговечным и никогда

не был ратифицирован, так как фактически взявшее в свои руки в большей части страны правительство националистов во главе с К. Ататюрком, сделавшим Анкару столицей новосоздаваемого государства, отвергло его ещё на стадии подписания. Разраставшееся под руководством Ататюрка движение, сочетавшее национализм и революционность, представляло угрозу многочисленному греческому населению Малой Азии, насчитывавшему около 1,5 млн. человек. Поэтому контроль над частью этой территории, осуществлявшийся греческими вооруженными силами, имел не только военно-политическое, но этническое значение для Греции.

Реализация решений Парижской мирной конференции, а также ряда других договоренностей, способствовало превращению Греции в ведущую балканскую и средиземноморскую державу. Во многом это произошло благодаря энергичным усилиям премьер-министра страны Э. Венизелоса. Однако внутривнутриполитическое положение в стране оставалось сложным и характеризовалось противоборством двух политических сил — венизелитов и монархистов. В борьбе с оппонентами Венизелос использовал как аргумент достигнутые им внешнеполитические успехи. Стремясь усилить свои позиции, он обратился к парламенту страны с тем, чтобы получить его согласие на роспуск и проведение новых парламентских выборов, что и произошло. События развивались в Греции стремительно. Совершенно неожиданно 25 октября от заражения крови после укуса ручной обезьянки скончался молодой греческий король Александрос. В связи с нерешенностью проблемы престолонаследия было принято решение о назначении регентом адмирала П. Кундуриотиса. Попытка предложить принцу Павлосу греческую корону, предпринятая сторонниками Венизелоса, окончилась безрезультатно, так как кандидат отказался от участия в этом мероприятии, обосновав свою позицию тем, что ни его отец — король Константинос, ни его старший брат никогда не отрекались от своих прав. Таким образом, силы монархистов оказались объе-

динены под водительством Константиноса, а венизелистский план их “распыления” между различными претендентами на трон и выбор управляемого и нелегитимного короля Павла не удался.

Прошедшие 14 ноября 1920 г. парламентские выборы завершились поражением Либеральной партии Э. Венизелоса, так как из 370 мест они получили только 120. Потерпев неудачу, премьер-министр подал в отставку и отбыл из страны. Во многом поражение Либеральной партии и её вождя, добившегося для Греции за сравнительно короткий период серьезных результатов, было связано с широко распространившимся недовольством слишком большой ценой греческих побед. Прежде всего это касалось падения уровня жизни и военной усталостью населения. Плоды побед, несмотря на их очевидность, не рассматривались в греческом обществе как предпосылка для серьезных долговременных изменений в социально-экономической области. Парадокс складывавшейся ситуации заключался в том, что в общественном сознании существовало непонимание конкретных перспектив достигнутого Венизелосом. Следующим ударом по престижу бывшего премьер-министра было успешное для монархистов проведение 5 декабря плебисцита относительно возвращения короля Константиноса на трон. Это событие совпало по времени с обострением разногласий внутри Антанты, обусловленными взаимоисключающими интересами составляющих ее держав в районе Средиземноморья и Ближнего Востока, что не могло не повлиять на позиции Греции в средиземноморско-балканском регионе, так как без сильной поддержки союзных стран было невозможно рассчитывать на серьёзные успехи в противостоянии с Турцией. Изменение политики Лондона, Парижа и Рима выявило направленность их интересов. Британия уже не столь активно, как ранее поддерживала Грецию в Малой Азии, так как хотела сохранить в глазах мусульман Индостана, где находились основные британские колонии, образ невраждебной силы, имеющей хорошие отношения с

турецким халифатом (выступавшем в роли покровителя всех мусульман). Италия, в свою очередь, не желала усиления Греции в Средиземноморье и на Балканах. Франция надеялась получить Киликию и заручиться при этом поддержкой...Турции. Подобные калькуляции, однако, не учитывали в достаточной степени разрастающееся движение, во главе которого стоял Ататюрк, создавший собственное правительство, независимое от находившегося в Стамбуле султанского. Таким образом, Греция постепенно оказывалась один на один с растущей мощью революционно-националистического движения Кемаль-паши, сумевшего сплотить различные социальные слои Турции.

Серьёзным испытанием для Греции, являвшимся одновременно и окончательным прояснением позиций европейских стран — её союзниц, стала февральская (1921 г.) конференция в Лондоне. От Греции на ней присутствовал премьер-министр Калогеропулос, возглавлявший делегацию, а от Турции — представители как центрального султанского правительства, так и анкарского правительства Ататюрка. Уже в ходе работы конференции стало ясно, во-первых, что делегация Кемаль-паши одержала верх над султанскими представителями, и, во-вторых, что как Италия, так и Франция заняли туркофильскую позицию. Греки резко отреагировали на предложение Парижа и Рима создать некую межсоюзническую комиссию, в задачу которой входило бы решение вопроса о Смирне и Фракии.

Стремясь не допустить каких-либо обсуждений вопроса о Малой Азии, греческие представители из числа офицеров генерального штаба заявили о возможности со стороны Греции в течении трёх месяцев собственными силами добиться полного контроля над Малой Азией. Эти самоуверенные и не отвечающие реальному положению дел декларации лишь вводили в заблуждение руководство страны и порождали иллюзии относительно мощи и боеспособности её вооружённых сил. Внутриполитическая жизнь Греции характеризовалась активизацией антивенизелитских сил, стремившихся взять реванш над свои-

ми оппонентами. Новый парламент, провозгласив себя Конституционным собранием, принялся за разработку и утверждение дополнений и изменений к конституции страны. Экономические мероприятия, главным из которых было увеличение военных расходов, усиливали и без того растущую инфляцию и серьёзно влияли на понижение жизненного уровня населения. Мобилизация на воинскую службу, проведённая на фоне столетия празднования начала национально-освободительного восстания 1821 г., позволила довести численность вооружённых сил до 300 тыс. человек. Всё очевидней становилось стремление правящих кругов Греции реализовать изложенный на Лондонской конференции план взятия под контроль всей Малой Азии.

Подготовка к войне весной 1921 г. была закончена. В конце марта греческие вооружённые силы начали операции в этом регионе. В соответствии с существовавшими в греческом генеральном штабе представлениями о военной мощи страны, боевые действия не должны были затянуться надолго. Взятие Константинополя греческими войсками рассматривалось среди высших военных кругов Греции со всей серьёзностью и не вызывало сомнений. Более того, уже существовали планы коронации короля Константина в соборе Святой Софии. Однако слабая техническая оснащённость, неподготовленность офицерского корпуса, поредевшего за время антивенизелитских чисток и отсутствие достаточных финансовых средств стали негативно влиять на операции греческих войск против Кемаль-паши с самого начала. Боевые действия демонстрировали череду побед и поражений греков, но на начальном этапе они смогли взять на некоторое время инициативу в свои руки. Не лучше обстояло дело и с международной поддержкой Афин. Весной 1921 г. основные европейские державы, союзники Греции по Антанте — Британия, Франция и Италия, — заявили о своём нейтралитете в греко-турецком конфликте. Более того, они предложили своё посредничество при возможных двусторонних переговорах, на что греческая сторона ответила отказом. Наступле-

ние греческих войск 15 июня 1921 г. позволило им взять под контроль центральные стратегические пункты в Малой Азии — Афиум Карахиссар и Эскишехир и перейти к операции против штаб-квартиры кемалистов, где они расположили своё правительство, — Анкары. С военно-оперативной точки зрения поход на столицу националистов требовал хорошей подготовки, прежде всего обеспечения войск провиантом и транспортными средствами. Это понимали военные, однако, политики требовали как можно быстрее уничтожить силы Кемалья-паши и настаивали на немедленном наступлении на Анкару и её взятии.

К августу 1921 г. греческие войска оказались сконцентрированы в южной части Малой Азии и под их контролем находилась большая территория. В двадцатых числах августа линия главного противостояния между кемалистскими силами и греческой армией проходила по правому берегу р. Сакарья (по-греч. Сангариос). Боевые действия 23 августа — 13 сентября закончились поражением греков, которые были вынуждены отступить. Ситуация, в которую попала Греция после случившегося на берегу Сакарьи, свидетельствовала о фактической её изоляции на международной арене. Попытки Афин получить поддержку в Париже, Риме и Лондоне встречали или откровенно враждебное, или завуалированно-нейтральное отношение. Греческая дипломатия рассчитывала в сложившихся неблагоприятных условиях опереться на британскую помощь, так как из всех других европейских стран Антанты Британия была единственной, которая безоговорочно поддержала греческие требования на предыдущих мирных конференциях. Во многом благодаря усилиям Англии в марте 1922 г. в Париже состоялась конференция, на которой вырабатывались условия возможного перемирия между Грецией и кемалистской Турцией. Представители Ататюрка требовали отвода греческих сил из Малой Азии, делая это предварительным условием заключения какого-либо мирного договора.

Внешнеполитические неудачи и военные поражения осложнили ситуацию внутри Греции. Прежнее правительство премьер-министра Д. Гунариса ушло в отставку, а пришедший на его место Стратос не смог сформировать кабинета и был также вынужден покинуть свой пост. Созданное новым премьером Протопадакисом так называемое коалиционное правительство, в котором он выполнял обязанности министра финансов, пошло на ужесточение экономической политики и перемещения в руководстве вооруженных сил. Однако предпринятые шаги уже не могли изменить в лучшую сторону ни финансово-экономического положения страны, ни ситуацию на фронте. В конце августа кемалистские войска захватили Афиум Карахиссар, а 9 сентября пала Смирна. Греческая армия оказалась фактически разгромлена. Помимо военного поражения для Греции и греков Малоазиатская война обернулась национальной катастрофой, так как затронула судьбу многочисленного греческого населения Малой Азии, составлявшего 1,5 млн. человек.

Отставка в этот ответственный момент правительства, объявившего демобилизацию греческой армии, лишь усилила внутриполитическую нестабильность внутри страны. Часть офицеров, укрывшихся после разгрома греческих сил в Малой Азии на острове Хиос, осознавая последствия надвигающейся катастрофы, решила предпринять шаги по стабилизации положения в Греции. Во главе военного движения стал молодой полковник Н. Пластирас. Восставшие потребовали отречения от престола короля Константина и создания правительства, способного управлять государством в такой ответственный момент национальной истории, пригрозив, в случае отказа, направить в Афины 15-тысячную армию. Не желая развязывать гражданскую войну в то время, как греческая армия потерпела поражение на фронтах Малой Азии, Константин согласился с требованиями и отбыл на Сицилию в Палермо, где в январе следующего года скончался. Парадокс сложившейся ситуации заключался в том, что отрекшийся монарх, которого считали

виновным во всех военных неудачах в Малой Азии, не был сторонником этой войны. Королём греков стал принц Георгиос, вошедший в историю под именем Георгиоса II.

Созданный повстанцами Революционный совет обратился к Э. Венизелосу с просьбой вернуться в Грецию и взять на себя руководство страной. Однако бывший премьер ответил отказом, сославшись на своё решение более не участвовать в политической жизни. В действительности он не желал брать на себя ответственность за разыгрывавшуюся не по его вине трагедию и выступать в роли спасителя оппонентов, доведших страну до национальной катастрофы. К тому же ему было неизвестно, насколько Революционный совет контролирует положение, а не является очередным кружком заговорщиков-военных, столь часто появлявшихся на протяжении истории Греции на её политической сцене. Однако он не отказался от присутствия на мирных переговорах между Турцией и Грецией и выступить от имени своей страны.

Тем временем Революционный совет объявил о подготовке судебного процесса против главных виновников Малоазийской катастрофы — политических и военных деятелей, так или иначе вовлеченных в принятие и осуществление решений в период 1921–1922 гг. На скамье подсудимых оказались три бывших премьера, несколько бывших министров и военачальников: Гунарис, Протопадакис, Стратос, Балтадзис, Теотокис, Хаджианестис. Попытка иностранных представителей вмешаться в ход процесса и выступить в защиту подсудимых на том основании, что общественное мнение за рубежом отнесётся отрицательно к суду над политиками, не привела ни к какому результату.

Стремление Революционного совета найти подходящую фигуру на пост премьер-министра заставило его лидера — Н. Пластираса, вести переговоры с Заимисом, который, однако, поставил условие, что прежде чем он согласится на пост премьера, Революционный совет должен быть распущен. Естественно последний не согласился с таким ультиматумом и принял за

формирование кабинета министров по собственному усмотрению. Тем временем усиливался нажим ряда иностранных государств и прежде всего Великобритании на Революционный комитет с тем, чтобы не допустить рассмотрения дела обвиняемых в военном суде. Но все эти попытки оказались напрасными — 28 ноября было вынесено решение, на основании которого все подсудимые были признаны виновными и приговорены к смертной казни. По настоянию британских политиков Э. Венизелос попытался вмешаться в исполнение решений суда, аргументируя нежелательность, казни по внешнеполитическим соображениям. Однако это не спасло осужденных. Виновники национальной катастрофы были вывезены за пределы Афин на армейском грузовике и там расстреляны. Единственное, что удалось сделать англичанам, так это спасти от суда принца Андреоса, которого обвиняли в некомпетентности. Это не остановило Лондон от разрыва отношений с Грецией в знак протеста против свершившейся казни.

Выход из войны с Турцией для Греции оказался тяжёлым как с военно-политической, так и морально-психологической точки зрения. Первым шагом на этом пути стало подписание 11 октября 1922 г. Муданийского перемирия между представителями кемалистского Великого национального собрания Турции и европейских стран — Англии, Франции и Италии. 13 октября представители Греции также подписали этот протокол. В соответствии с ним греки обязывались отвести войска из Восточной Фракии вплоть до реки Марица, а державы Антанты получали право оставить свои войска в Стамбуле и контролировать зону проливов до подписания окончательного мирного договора. В январе 1923 г. между Грецией и Турцией был подписан протокол об обмене национальными меньшинствами.

Стремясь получить как можно больше выгоды от одержанной военной победы над греческими вооруженными силами в Малой Азии, турки постарались затянуть переговоры о скорейшем заключении мирного договора. Вплоть до февраля

1923 г. представители Кемаля выдвигали всё новые и новые требования, чем в немалой степени уже начали раздражать британскую дипломатию, руководители которой во главе с лордом Керзоном покинули Лозанну. Со своей стороны, с целью оказания нажима на турок для активизации мирных переговоров, греки сформировали отборные силы под командованием генерала Пангалоса, который разработал операцию и был готов её провести в балканской (европейской) части Турции. Эти шаги действовали на Анкару и 23 апреля 1923 г. переговоры возобновились. 24 июля был подписан долгожданный мирный договор.

Несмотря на то, что формально Лозаннский договор был заключен после греко-турецкой войны, его значение было намного шире, чем урегулирование отношений между Грецией и Турцией. Во-первых, среди государств, подписавших это соглашение были помимо этих двух стран, Великобритания, Франция, Италия, Япония, Румыния, Королевство СХС. В соответствии со статьями договора признавалась кемалистская Турция и окончательно определялись её границы, не включавшие большинство прежних территориальных владений Османской империи на Балканах и передней Азии. Вводился свободный режим судоходства в Проливах. Анкарское правительство обязывалось выплатить часть долга Османской империи.

Для Греции Лозаннский мирный договор означал отказ от всех претензий на Малую Азию. Граница с Турцией определялась по реке Марица. Из-под греческого контроля выходили Адрианополь и Мраморное море. В то же время греки получали небольшие районы вокруг Александруполиса (Дедеагача) и Ксанти. Додеканезские острова оставались в составе Италии, несмотря на то, что по Севрскому договору они должны были перейти к Греции. Таким образом, военное поражение греческой армии в Малой Азии, несмотря на всю его тяжесть, удалось смягчить мирным договором. Фактически страна не потеряла сколько-нибудь серьёзно в территориальном отношении.

Однако самым тяжёлым испытанием для Греции оказалась беженская проблема. Греки Малой Азии и Понта устремились на свою историческую родину в связи с развязанным в отношении них со стороны кемалистских властей этническим террором. Свыше 1,5 млн. прибыли в страну за короткое время после подписания Лозанского договора. Греко-турецкая война и последовавший за ней мирный договор внесли серьезные коррективы во внешнеполитические установки и поставили точку в концепции “Великой идеи”.

III. РЕСПУБЛИКА И МОНАРХИЯ:

ГРЕЧЕСКИЙ ПАРАДОКС

(1923-1939 гг.)

1. От монархии к республике.

Внутриполитическое развитие Греции на протяжении всего 1923 г. сочетало в себе две главные тенденции: рост политического и социального недовольства и стремление Революционного совета, возглавлявшегося Ст. Гонатасом и Н. Пластирасом, способствовать достижению компромисса между венизелитами и монархистами. Противоборство между этими двумя основными политическими лагерями греческой политической жизни вело к усилению анархии в обществе и высвобождало агрессивный потенциал, накопившийся за годы Первой мировой и греко-турецкой войн. Активизировала свою деятельность, направленную на насильственное изменение общественно-политического строя и установление классовой диктатуры, созданная в ноябре 1918 г. Социалистическая рабочая партия Греции (СРПГ), вскоре ставшая членом Коммунистического Интернационала.

Ситуация в стране складывалась таким образом, что к осени становилось ясно: одна из противоборствующих сил (монархисты или венизелиты) постараются использовать насильственные методы прихода к власти. При этом у сторонников Э. Венизелоса было меньше оснований прибегать к организации военного переворота, чем у их оппонентов, так как руководители Революционного совета — Пластирас и Гонатас — являлись противниками монархии и не желали доминирования поддерживавших её сил. В сентябре они обратились к А. Займису с предложением сформировать коалиционное правительство из представителей роялистов и венизелитов. Несмотря на трудности этого процесса ещё существовала надежда на создание сов-

местного кабинета. Однако ситуация резко изменилась, когда в октябре 1923 г. генералы Леонардатос, Гаргалидис и полковник Зирас попытались с помощью организованного ими военного мятежа привести к власти короля Георгиоса II, фактически утерявшего всякий контроль над ситуацией в Греции, управлявшейся явно антимонархическим Революционным советом. Поражение заговорщиков означало одновременно поражение роялистов в целом и усиление республиканского лагеря. Выявилась очевидная необходимость проведения серьезной конституционной реформы в Греции, где власть принадлежала Революционному совету — органу, чьи полномочия и само существование не было как-либо определены в конституции страны. С целью возвращения к гражданскому правлению, но с учетом новых реалий, Ст. Гонатас и Н. Пластирас назначили проведение новых парламентских выборов на 16 декабря 1923 г. В знак протеста против существующего в стране режима и проводимых выборов монархисты решили не участвовать в них. Результаты голосования продемонстрировали победу сторонников венизелитской Либеральной партии, получившей 200 мест в парламенте и республиканцев (120 мест). Монархисты из числа тех, кто решил участвовать в выборах, получили всего 7 мест. Победа венизелитов и республиканцев, однако, не стала моментом их единения. Более того, сторонники республики, возглавляемые генералом Пангалосом и адмиралом Хаджикирьякосом, начали демонстрировать свое недовольство положением в стране и давали понять, что в случае продолжения пребывания короля у власти они могут перейти к силовым методам решения конституционного вопроса.

Таким образом лидеры Революционного совета были вынуждены решать вопрос о проведении плебисцита по “королевскому вопросу”. Они обратились к Георгиосу II с просьбой покинуть страну на время подготовки и проведения этого плебисцита. 18 декабря королевская чета отправилась в Румынию к своему родственнику — отцу греческой королевы румынско-

му кролю Фердинанду. Регентом престола был назначен адмирал П. Кундуриотис.

Победа на парламентских выборах Либеральной партии позволила Революционному совету обратиться с предложением к Э. Венизелосу о его возвращении и занятии поста премьер-министра. 4 января 1924 г. лидер либералов прибыл в Афины. В соответствии с его предложением первоначально было принято решение о проведении через два месяца общенационального плебисцита по вопросу о судьбе монархии. Однако обсуждение этой проблемы в парламенте вызвало резко негативную реакцию со стороны республиканцев, считавших, что отмена монархии может произойти и без специального общенародного голосования. Их лидер, глава партии Демократический союз, А. Папанастасиу, потребовал принятия специального постановления парламента о ликвидации монархии и провозглашении республики. Стремление Венизелоса “встать над схваткой” оказалось напрасным, так как непримиримость противников короля не давала шансов на достижение компромисса. Дискуссии в парламенте приобрели достаточно жесткий характер и привели в конечном счете к отставке 4 февраля 1924 г. Э. Венизелоса с поста премьер-министра. На смену ему пришел Г. Кафандарис, являвшийся сторонником объявления Греции республикой в случае, если результаты плебисцита позволят сделать это. Однако его пребывание у власти оказалось недолгим, так как он фактически продолжил венизелистский курс в “королевском вопросе”. Приход в марте 1924 г. на пост премьер-министра А. Папанастасиу сделал процесс принятия парламентом закона об упразднении монархии необратимым и в день праздника национальной независимости - 25 марта 1924 г., - Греция была провозглашена республикой. Адмирал П. Кундуриотис, выполнявший на протяжении последних месяцев роль регента, становился президентом страны. Проведенный в апреле того же года плебисцит легитимизировал решение парламента: 70% голосов было подано за республиканскую форму государственно-

го устройства и 30% – за монархию. В соответствии с принятым законом члены королевской семьи должны были покинуть Грецию, они лишались греческого гражданства и своего имущества в стране.

Установление республики, однако, не смогло стабилизировать внутривластическое положение. Развернувшееся соперничество между республиканцами и венизелитами продолжало оставаться характерной чертой складывавшейся ситуации. Политическая борьба усиливалась и без того тяжелое социально-экономическое положение основной массы населения, но не способствовала решению стоящих перед страной экономических проблем. Переход от монархии к республике требовал реструктуризации политической системы страны, создания нового баланса сил и серьезного изменения законодательства. Для этого объективного процесса было необходимо время. Уже вскоре выявилась слабость возглавлявшихся А. Папанастасиу лево-либеральных сил, которые не смогли добиться своей доминирующей роли в общественно-политической жизни страны. Отставка Папанастасиу с поста премьер-министра и приход к власти ближайшего сподвижника Венизелоса Ф. Софулиса не означали, однако, победу венизелизма как политического течения. Уже в сентябре 1924 г. его сменил представитель консервативных сил Михалакопулос. Процесс формирования новой партийно-политической системы воспринимался многими как перманентно длящийся правительственный кризис, который на фоне тяжелого экономического положения большинства населения ассоциировался в общественном сознании с хаосом. Отсутствие новой конституции, дискуссия по вопросу о которой превратилась в пропагандистское соревнование политических партий, лишь усиливало ощущение слабости власти и порождало ожидание прихода “сильного человека”. При этом, как и прежде, всё очевиднее становилась активность греческих военных, уже не раз выступавших в роли арбитров в споре между гражданскими политиками.

В конце июня 1925 г. генерал Пангалос и адмирал Хаджикирьякос провели государственный переворот, сместили правительство Михалакопулоса и фактически отстранили от власти президента адмирала Кундуриотиса, хотя формально и оставшегося на своём посту. Они сформировали новое правительство и заявили о роспуске парламента. 30 сентября были обнародованы положения новой конституции Греции. В соответствии с ней главой государства являлся президент, выбираемый сроком на пять лет. Парламент Греции отныне должен был состоять из двух палат — нижней и верхней (сената). При этом выборы в верхнюю палату должны были проходить по сложной схеме: из 150 ее депутатов 100 выбирались парламентским голосованием, 20 — самим сенатом и 30 — профессиональными союзами и объединениями. Проведение будущих выборов намечалось на начало 1926 г., а утверждение новой конституции должно было произойти на первом же заседании парламента. Как сама конституционная реформа, так и последовавшие за этим действия по формированию нового правительства свидетельствовали о стремлении Т. Пангалоса и пришедших с ним к власти военных получить максимально возможную широкую поддержку населения страны не зависимо от социальных и политических различий. Страна жила ожиданиями 10 января 1926 г., когда в соответствии с обещанием генерала должны были пройти общенациональные выборы. Однако по мере приближения этой даты планы Пангалоса начали меняться. Во многом это было обусловлено неуверенностью генерала в своей победе на них. 3 января он выступил с обращением в котором заявил о том, что парламентские выборы откладываются на неопределенное время, а вся полнота законодательной и исполнительной власти переходит к нему. Главным аргументом, использовавшимся генералом, введившим свою единоличную диктатуру, было его нежелание подрывать достигнутую политическую стабильность, которую могло расшатать острое политическое соперничество различных партий и сил. При этом он ссылался на необходи-

мость концентрации власти в одних руках в интересах хозяйственно-экономического развития страны. Стремление стабилизировать положение в Греции во что бы то ни стало, но при сохранении демократических норм — таков был лозунг Пангалоса на данном этапе. Однако вскоре стало ясно, что выполнить это обещание было практически невозможно. Приостановление деятельности любой политической партии так или иначе было связано с нарушением демократических принципов, за исключением только тех случаев, когда подобные организации выступали с экстремистских позиций. Уже вскоре после объявления себя главой страны генерал развернул активную борьбу против свободы прессы. Некоторые политические деятели, такие как А. Папанастасиу, Г. Кафандарис и генерал Г. Кондилис были отправлены в ссылку на острова.

Попытка стать “отцом нации”, предпринятая генералом, не могла быть реализована и ещё по одной причине — обещанный им рост благосостояния населения за прошедшие полгода не произошёл. Принудительные государственные займы и деноминация национальной валюты, так же не улучшили ситуации. Предоставление всевозможных концессий французскому капиталу (что являлось, во многом, платой за поддержку Пангалоса со стороны Франции) лишь усложняло её. Особенно катастрофическим оказалось положение малоазийских беженцев, большая часть которых была размещена в северной части Эгейской Македонии с целью изменения этнического состава этой провинции, где был высок процент славянского населения.

Объявив себя фактически “верховным правителем” Греции генерал Т. Пангалос не отказался от проведения конституционной реформы. В середине марта 1926 г. он заявил, что новый основной закон будет готов через месяц. В соответствии с его планами страна должна была стать президентской республикой по американской модели. В предстоящих выборах запрещалось участвовать как членам королевской семьи, так и лично Э. Венизелосу. Действия Пангалоса, использовавшего авторитарные

методы, окончательно осложнили его отношения с ещё находившимся на посту президента П. Кундуриотисом. Последний, решив полностью отказаться от какого-либо сотрудничества с генералом, подал в отставку. В складывавшейся ситуации для политических партий Греции особое значение приобретал вопрос о личности возможного единого кандидата на пост будущего президента. Между политическими силами страны развернулась борьба за приемлемую для них фигуру главы государства. В ходе многочисленных консультаций был достигнут компромисс — общими усилиями соискателем кресла премьер-министра оказался назван политик умеренно-монархического толка К. Демердзис. Пангалос попытался навязать со своей стороны другую кандидатуру — А. Займиса, с тем, чтобы не допустить объединения голосов различных политических партий. Однако последний, почувствовав, что является марионеткой в руках генерала, отказался от участия в торге. В связи с этим Пангалос объявил себя кандидатом в президенты. Накануне выборов он прибег ещё к одному ухищрению, заявив, что из 33 выборных округов 23 не готовы к проведению выборов. В ответ на это политические партии, выдвинувшие своим кандидатом К. Демердзиса, отозвали его кандидатуру (чего, впрочем, и добивался генерал). Прошедшие в оставшихся по стране 10 округа выборы обеспечили победу единственному кандидату Пангалосу, который 18 апреля уже принес присягу как президент Греции. Подобные действия полностью подорвали веру как в целом в обществе, так и среди отдельных политиков в желание генерала законно управлять страной. Именно это обстоятельство, а так же уверенность политических деятелей в стремлении Пангалоса установить режим собственной власти, не позволили генералу на протяжении долгого времени найти подходящую кандидатуру на пост премьера. Никто из серьёзных политиков не хотел превращаться в “халифа на час”, так как было очевидно, что премьер-министр Греции будет являться номинальной фигурой, полностью зависимой от самовыбран-

ного президента. На этот пост согласился престарелый Эвтаксиас, бывший министр в правительстве Делиянниса, никого не представлявший.

Окончательное закрепление всех властных полномочий в руках генерала Пангалоса (что делалось под предлогом необходимости достижения политической стабилизации и создания предпосылок поступательного хозяйственно-экономического развития) не принесло желаемых результатов. В обществе продолжало нарастать напряжение, вызванное фактически отчуждением власти и политического мира Греции, представлявшего различные политические и социальные силы страны. В августе 1926 г. активизировались противники установленного Пангалосом режима. Серия арестов и ссылок политиков, предпринятая властями, не смогла сбить недовольства, нередко проявлявшегося в виде крестьянских и солдатских волнений. 22 августа генерал Г. Кондилис и полковник Н. Зервас успешно провели бескровный государственный переворот. Попытка самоназначенного президента противодействовать заговорщикам успеха не имела, так как никто не собирался поддерживать скомпрометировавшего себя диктатора. В тот же день Г. Кондилис обратился к адмиралу П. Кундуриотису с предложением вернуться и занять пост президента, на что последний ответил согласием.

Руководители военного переворота, придерживавшиеся республиканско-демократических и во многом даже лево-либеральных, близких к социалистическим, принципов, ставили своей целью ликвидацию диктатуры и установление демократического правления, гарантом которого должны были выступить вооруженные силы. В то же время ситуация в них не была столь однозначной, как хотел это представить генерал Кондилис. Уже вскоре после переворота отборные части Республиканской гвардии, располагавшиеся в Афинах, подняли бунт, вызванный нежеланием прихода к власти Кондилиса. После недолгого сопротивления и ожесточенной борьбы, в ходе которой на улицах греческой столицы погибло несколько десятков человек,

генералу удалось распустить мятежников и взять ситуацию под контроль.

В соответствии с планом Г. Кондилиса, предусматривалось проведение парламентских выборов и добровольный уход генерала с поста премьер-министра, на который он назначил себя до проведения выборов. Несмотря на протесты монархистов, выступавших за отмену пропорциональной системы выборов, генерал не стал её менять.

Прошедшие 7 ноября выборы парламентские выборы принесли победу Либеральной партии Э. Венизелоса, получившей 143 места (в то время как её оппоненты обладали 127). Более того, впервые за недолгое существование Коммунистической партии Греции она смогла добиться для своих депутатов 10 парламентских мест. Новый кабинет министров, в котором доминировали республиканцы, представленные Г. Кафандарисом, А. Папанастасиу и Михалакопулосом, возглавил А. Заимис. В то же время среди членов правительства были и активные деятели монархистов — П. Цалдарис и генерал И. Метаксас.

Среди главных и неотложных задач новосформированного правительства стояло проведение экономических и хозяйственных реформ. Была проведена проверка заключенных в период правления Пангалоса экономических договоров, часть из которых оказалась незаконной и была отменена. Активизировалась торговля с соседними балканскими странами и заключены долгосрочные торговые соглашения. Достаточно остро стояла проблема военных долгов Греции, которая была так же урегулирована, так как греческой стороне удалось добиться отсрочки платежей и выплаты процентов по ним. Финансовое бремя бюджетного дефицита правительство Заимиса постаралось компенсировать за счёт проведение политики инвестиций со стороны Великобритании и США, которые предоставили гарантии для так называемого беженского займа, делавшегося для обустройства 1,5 млн. греческих беженцев из Малой Азии и развития их хозяйства, включая инфраструктуру.

Однако помимо хозяйственно-экономических проблем перед Грецией стояла и другая, требовавшая своего решения уже на протяжении последних лет - конституционная. Дискуссии о новой конституции продолжались в политических кругах до апреля 1927 г., когда адмирал П. Кундуриотис пригрозил отставкой, в случае если в ближайшее время не будет принят новый основной закон страны (выработанный ещё в период правления Т. Пангалоса), закрепляющий республиканскую форму устройства государства. Спешным порядком Г. Кондилис вновь включился в политическую жизнь и начал оказывать давление на парламент с тем, чтобы была принята новая конституция, так как несмотря на превалирование республиканцев-депутатов, они не составляли подавляющего большинства. В стране назревал очередной переворот, который собирались организовать монархические силы. Сведения о заговоре стали известны генералам Отоэосу и Н. Пластирасу, которые по своим каналам обратились к Э. Венизелосу с предложением, чтобы он выступил с предупреждением о возможном мятеже. В этих условиях парламент принял 2 июня 1927 г. новую конституцию, устанавливавшую президентскую республику с представительным органом власти в виде парламента, состоявшим из нижней палаты (βουλή) и верхней — сената (γερουσία).

Внутриполитическое развитие Греции во второй половине 1927 г. характеризовалось определенной стабилизацией. Возникшие время от времени кризисные ситуации в правительстве А. Заимиса, которое состояло из представителей различных политических сил, являлись проявлением несогласия того или иного министра по конкретным хозяйственно-экономическим вопросам, свидетельством чему были отставки в августе 1927 г. П. Цалдариса, а в феврале 1928 г. А. Папанастасиу. Долгое существование кабинета Заимиса была необычно для Греции, где как в XIX в., так и в XX в. более частым явлением была постоянная сменяемость премьер-министров и их кабинетов. К марту 1928 г. коалиционное правительство продолжало суще-

ствовать как реальная альтернатива возможной политической нестабильности. Однако шаткий мир, достигнутый путем всевозможных компромиссов между различными политическими и общественными силами, зависел так же и от субъективных факторов, способных нарушить баланс между ними. Приезд с Крита в Афины Э. Венизелоса, решившего вернуться к активной политической жизни, стал одним из таких событий. Имея в виду его прежний политический авторитет и опыт, а так же силу возглавляемой им Либеральной партии, в которой, однако, уже произошло несколько расколов, П. Кундуриотис обратился к нему сформировать и возглавить новое правительство. Стремление президента создать однопартийный венизеллистский кабинет объяснялось его желанием сократить влияние монархистов на правительство, которое при премьер-министре Заимисе было вынуждено постоянно лавировать между либералами и роялистами. В то же время сам премьер-министр не собирался быстро сдавать свои позиции и, заручившись поддержкой части представителей Либеральной партии и группы монархистов во главе с генералом И. Метаксасом, сформировал 28 мая 1928 г. очередное коалиционное правительство. Однако баланс сил был уже нарушен, сам Э. Венизелос откровенно претендовал на власть, а противоборствовавшие политические силы из числа его сторонников и противников активизировали свою борьбу.

3 июля 1928 г. Э. Венизелос вновь был назначен премьер-министром Греции, ознаменовав своим возвращением в политическую жизнь страны окончанием “смутного времени” правления военных и их ставленников. Фактически они подготовили почву для становления гражданской власти в переходный от монархии к республике период. Политические силы, таким образом, уже приобретали организованную форму и могли выступать как обычные традиционные партии. 9 июля Венизелос распустил парламент и назначил на 19 августа выборы. Следующим шагом премьера было принятие нового закона о системе голосования. В соответствии с ним отменялась прежняя, про-

порциональная и вводилась мажоритарная. Основной причиной, побудившей его на этот шаг, было стремление не допустить создания мелких политических партий, которые претендовали на равное со своими крупными конкурентами участие в политической жизни страны. Это создавало трудности для последних, так как им приходилось зависеть при парламентских обсуждениях от незначительной группы депутатов карликовых организаций. Решение об изменении системы голосования осложнило отношения Венизелоса с его бывшими союзниками из числа лево-либеральных политиков — генералом Г. Кондилисом, А. Папанастасиу и Г. Кафандарисом, которые возглавляли небольшие партии. Сам генерал перешёл в антивенизеллистский лагерь.

Прошедшие выборы оказались удачными для премьер-министра. Возглавлявшаяся им Либеральная партия получила 47% голосов и 71 место в парламенте. Пребывание Э. Венизелоса на посту премьер-министра в течение четырёх лет (1928–1932 гг.) ознаменовалось для общественно-политической жизни Греции важными изменениями. Прежде всего был взят курс на модернизацию греческой экономики и создание рабочих мест. Правительство принялось за реформирование судебной системы и армии. 9 апреля 1929 г. произошла смена президента Греции, когда на место, занимавшееся на протяжении долгого времени адмиралом П. Кундуриотисом, был единогласно избран А. Замис, оказавшийся приемлемой фигурой для всех политических партий, несмотря на его провенизеллистские симпатии. Однако противостояние монархистов, которые видели в созданной государственно-политической системе опасность нестабильности и отсутствие реального политического арбитра (каковым они считали всегда монарха), серьёзно влияло на поведение Венизелоса. Не меньшая опасность исходила и от радикально настроенных сил, находившихся на левом фланге греческой политической сцены — коммунистов. Несмотря на их сравнительную малочисленность (до 2 тыс. человек), они могли выступить в

роли организаторов социального детонатора в греческом обществе с его нерешёнными политическими и экономическими проблемами. Влияние КПГ в профсоюзах также представляло угрозу для режима. 29 июля 1929 г. по инициативе Э. Венизелоса парламент Греции принял закон № 4229, вошедший в новогреческую историю как “Чрезвычайный закон” (Ϊδιούμο) и направленный против подрывных и радикальных элементов. Отношение к нему со стороны КПГ, а так же ряда левых партий и организаций было однозначно негативным, так как программные установки компартии автоматически рассматривались как программа подрыва государственного строя. Критика в отношении “Идионимо” звучала и со стороны правого лагеря, усмотревшего в нём легитимизацию наступления на все антивенизеллистские силы страны.

Политика премьер-министра как внутри Греции, так и за её пределами, пользовалась поддержкой ввиду стремления Э. Венизелоса проводить сбалансированный и в то же время принципиальный курс. Его внешнеполитические акции были направлены на усиление позиций Греции как в регионе, так и в Европе в целом. Что же касалось внутренней политики, то и здесь Венизелос прежде всего рассчитывал на достижение компромисса различных политических сил на либерально-демократических основах. В свою очередь сам премьер считал своей заслугой удачное завершение расселения свыше миллиона греков-беженцев из Малой Азии, стоившее стране 80 млн. британских фунтов стерлингов. Однако на политическое развитие страны к началу 1932 г. очень серьёзно начал воздействовать экономический фактор — обострившийся международный экономический кризис коснулся и Греции. Прежде всего это сказалось на экспортных отраслях промышленности, связанных в той или иной степени с аграрным сектором греческой экономики. Пытаясь спасти положение, правительство Э. Венизелоса предприняло меры против “бегства” капитала из страны, усилило налогообложение импортных товаров и начало стимули-

ровать увеличение экспорта. Одновременно премьер стремился получить от европейских государств займы, с тем, чтобы подавить развивающуюся инфляцию и добиться выплаты процентов по внутренним займам. Финансовое положение страны было столь угрожающим, что Венизелос обратился к Лиге Наций за помощью и попросил предоставить Греции кредит в размере 2 млн. 500 тыс. фунтов стерлингов, сопроводив свой запрос предупреждением о возможной отставке (что было крайне нежелательно для ряда европейских держав), в случае, если средства не будут выделены. Несмотря на то, что международное сообщество предоставило 2 млн. фунтов стерлингов, греческий премьер подал в отставку, так как данная сумма не соответствовала даже минимальным финансовым запросам его страны.

Создание коалиционного правительства с участием в нём лидера оппозиции монархиста П. Цалдариса, на что надеялся Венизелос, не удалось. Оставшись на своём посту, он вновь попытался заручиться финансовой поддержкой со стороны европейских держав и отсрочить выплату процентов по греческим ценным бумагам, находящимся за границей. Ситуация развивалась с драматической быстротой. Правительство перешло к принудительным мерам в финансовой сфере: в июле оно издало постановление, в соответствии с которым все валютные депозиты в греческих банках в обязательном порядке конвертировались в национальную валюту при соотношении 1 доллар США к 100 греческим драхам или 1 британский фунт стерлингов к 385 драхам. Одновременно ставка по выплатам иностранным обладателям греческих ценных бумаг на ближайший год была снижена до 30%.

Финансово-экономические трудности Греции имели и политическое измерение. Желая не допустить дестабилизации обстановки в стране Венизелос предпринял и ряд политических шагов. Главными среди них стало принятие законово пропорциональном представительстве и введении цензуры печати под

предлогом борьбы с монархической опасностью. Эта непопулярная мера серьёзно повлияла на судьбу самого Э. Венизелоса, так как не только роялистская, но либеральная и левоцентристская оппозиция увидели в ней наступление на демократические права и свободы, начатые с момента принятия закона № 4229. После отставки Венизелоса 21 мая 1932 г. и прихода к власти лидера центристов А. Папанастасиу, был сформирован новый кабинет, включавший только сторонников нового премьера. Естественно, что существование однопартийного правительства в стране, политический мир которой был расколот на противоположные и во многом равные по силе лагеря, стремящиеся не допустить доминирования своего оппонента во власти, было недолгим и 5 июня Э. Венизелос вновь оказался в премьерском кресле. Его сторонники в армии, стоявшие на республиканских позициях, были серьёзно озабочены складывавшейся в Греции ситуацией. Особую тревогу вызывала консолидация противников Венизелоса под эгидой монархистов, которые пытались сделать ставку на расширение антивенизеллистской оппозиции за счёт широкого спектра политических и социальных сил. Именно эти обстоятельства активизировали процесс образования в вооружённых силах подпольной военно-политической республиканской и провенизеллистской офицерской организации, известной как “Военный союз”. Несмотря на то, что её деятельность была засекречена, сам факт её существования был известен различным политикам, а слухи о ней распространились и в греческом обществе. Э. Венизелос попытался использовать ситуацию с тем, чтобы снять с повестки дня на ближайшую перспективу обсуждение вопроса политического и государственного устройства Греции и таким образом не допустить усиления монархистов. Однако парламент, увидев в словах премьера угрозу (так как роспуск “Военного союза” ставился Венизелосом в прямую зависимость от отказа дискуссий на эту тему), выступил против. Это послужило поводом

для роспуска парламента 18 августа 1932 г. Новые выборы были назначены на 25 сентября.

Результаты голосования показали, что основными конкурентами в политической жизни страны по-прежнему являются две главные силы — Либеральная партия Э. Венизелоса и монархическая Народная партия П. Цалдариса. Они получили соответственно 102 и 96 мест. Серьёзного успеха добилась Коммунистическая партия Греции, которая смогла провести в парламент 10 своих депутатов, выступавших от блока “единого фронта рабочих и крестьян”. Группа небольших партий центристской, лево либеральной и крайней консервативной направленности также получила незначительное количество мест. Вообще социально-экономический кризис, способствовавший усилению забастовочного движения в разных отраслях промышленности и хозяйства страны, давал КПГ шанс на получение большего числа сторонников, что, в свою очередь, значило распространение влияния на достаточно широкие слои рабочих масс и крестьянства и применение более радикальных средств сопротивления властям.

Отсутствие у каждой из противостоящих сторон большинства в парламенте не позволяло им образовать однопартийное правительство. В то же время разница в политических ориентирах создавала трудности в формировании и коалиционного кабинета. Со второй попытки лидеру монархической Народной партии П. Цалдарису удалось это сделать 4 ноября 1932 г., опередившись на антивенизеллистскую оппозицию. Однако уже с самого начала стало ясно, что это правительство нестабильно, так как опирается на парламентское меньшинство (111 депутатов), которому противостояло 129 депутатов из лагеря либералов и их союзников. Правительственный кризис, разразившийся в начале 1933 г., закончился приходом к власти Венизелоса и роспуском парламента. Новые выборы, прошедшие 5 марта 1933 г., принесли победу монархистам. Их главная сила —

Народная партия получила 131 место в парламенте, а венизелитская Либеральная 111.

Сложившаяся ситуация серьёзно обеспокоила военных-республиканцев, во главе которых стоял один из руководителей военного движения 1923 г. генерал Н. Пластирас. 6 марта он попытался провести военный переворот, захватив здание министерства обороны и выведя на улицы греческой столицы небольшой отряд бронев автомобилей. Однако ни в армии, ни в обществе эти действия не были поддержаны и генералу пришлось бежать на остров Родос. Президент А. Заимис обратился к ведущим политикам, прежде всего к Э. Венизелосу и П. Цалдарису, а так же отдельным представителям генералитета с тем, что бы разрешить создавшуюся ситуацию. После стабилизации положения (на что потребовалось всего несколько дней) премьер-министром стал вновь П. Цалдарис. Однако события марта 1933 г. имели своё продолжение в июне того же года, когда на чету Венизелосов было совершено покушение. Подозрения пали на промонархически настроенных сторонников Народной партии из числа высшего руководства полиции и армии. Летом наступление на бывшего премьер-министра и его партию усилилось — монархистами было инициировано принятие закона о чистке в армии, направленного против офицеров-республиканцев, симпатизировавших Н. Пластирасу. Особенно активную роль в этом играл генерал И. Метаксас, потребовавший снятия неприкосновенности с Э. Венизелоса и передачи дела в суд за то, что, якобы, он участвовал в попытке военного переворота в марте 1933 г. Положение спас глава Народной партии, премьер-министр страны П. Цалдарис. Он объявил об амнистии участников событий и не допустил снятия с Венизелоса депутатской неприкосновенности. Отчётливо проявилось желание премьера избежать обострения политической ситуации и без того крайне нестабильной. Более того, он попытался пойти на определенный компромисс с Венизелосом. Однако последний не собирался ни в чём уступать.

Стремление сохранить некий *status quo* заставляло Цалдариса маневрировать между двумя крайними полюсами — монархистами и либералами, но оставаться, в то же время, лидером Народной партии. К тому же и соотношение сил в представительном органе страны — греческом парламенте не позволяло ему рассчитывать на какие-либо односторонние действия: в нижней палате доминировали монархисты, а в верхней (сенате) было большинство за либералами. Борьба между противостоявшими политическими силами постепенно расширялась. Основными вопросами, по которым она шла, были так называемый президентский и другой, касавшийся системы проведения парламентских выборов. В первом случае, на повестке дня стояли перевыборы достигшего 80-летнего возраста президента А. Заимиса, чей срок полномочий вскоре должен был истечь. Цалдарис был заинтересован в продлении пребывания Заимиса на этом посту. Однако для этого он должен был заручиться поддержкой Венизелоса, чья партия была второй по величине. В свою очередь лидер либералов хотел сохранить прежнюю пропорциональную систему выборов, против которой выступал премьер-министр, а также добиться изменения ряда правил, касавшихся продвижения по службе офицеров в интересах республикански настроенных военных. Отказ от выполнения этих требований рассматривался Венизелосом как причина для “наступления” против Народной партии. К тому же и он сам был не прочь занять место президента Греции.

Как показали дальнейшие события, достигнуть обычными способами согласия или соглашения между противостоящими лагерями было невозможно. Поэтому компромисс, к которому в конечном счёте пришли “партия власти” и оппозиция, носил во многом случайный характер: группа из 17 сенаторов-членов Либеральной партии согласилась поддержать кандидатуру А. Заимиса в обмен на отмену уже принятого закона о выборах. Получив согласие Цалдариса, они проголосовали на совместном заседании обеих палат парламента за ставленника премьер-

министра. Несмотря на то, казалось бы достигнутое *status quo*, Э. Венизелос продолжил наступление на монархистов. Это произошло 3 октября 1934 г. когда его личная охрана арестовала одного из участников июньского покушения. Сам факт участия в официальном расследовании частных детективов-венизелистов был воспринят в правительстве Цалдариса как оскорбление. Более того, произошла целая серия отставок высокопоставленных чинов полиции и жандармерии. Все попытки премьера как-либо успокоить лидера оппозиции не увенчались успехом и Венизелос покинул Афины, перебравшись на Крит.

Тем временем, начавшаяся в мировой экономике стабилизация, позволила греческому правительству, опираясь на принятые ранее меры, сократить инфляцию и увеличить экспорт. На этом фоне шаткий компромисс, достигнутый правительством и Либеральной партией, давал премьер-министру основания надеяться на положительные перспективы. В начале 1935 г. состоялась встреча лидеров греческих партий (за исключением компартии Греции), на которой было принято совместное решение о планах развития страны на ближайшие 5–6 лет. Среди основных мероприятий значились военная реформа, развитие инфраструктуры и реформа образования.

Ситуация в стране расценивалась рядом республиканцев-военных как усиление позиций монархистов. Их беспокоила перспектива заключения какого-либо соглашения между руководством Народной партии, прежде всего П. Цалдарисом, с одной стороны, и высокопоставленными членами Либеральной партии, с другой. Результатом такого договора могло стать навязывание монархистами своего курса, направленного на реставрацию института монархии. Подобная схема развития событий была чревата для многих офицеров потерей ими своих постов и политическими чистками в вооруженных силах страны. Поэтому, стремясь не допустить возможного монархического реванша, они решились на прямое вмешательство в политические дела. 1 марта 1935 г. вспыхнуло несколько очагов военного

восстания, руководимого как отставными, так и действующими офицерами: в Афинах, в Эгейской Македонии, а также на ряде островов. Повстанцы захватили несколько боевых кораблей ВМС, включая и флагман греческого флота “Авероф”. Восстание продлилось недолго, а его руководитель генерал Каменос и ряд высших офицеров бежали в соседнюю Болгарию. Участие на заключительной стадии неудавшегося переворота Э. Венизелоса лишь усиливало позиции тех из лагеря монархистов, кто уже давно предупреждал о возможности нелегитимных действий лидера либералов. Значительную роль в подавлении мятежа сыграл министр обороны Греции Г. Кондилис, известный ранее как один из наиболее республикански (и даже просоциалистически) настроенных генералов.

Поражение неподготовленного и не пользовавшегося поддержкой вооруженного восстания (а точнее, мятежа) означало конец шаткого равновесия между венизелитами и монархистами, достигнутого с большим трудом. Используя сложившееся положение, последние прибегли к жёстким и оправданным с точки зрения закона мерам, преследуя при этом, разумеется, собственные цели ликвидации республиканской оппозиции в армии и обществе. Часть обвиняемых по делу о заговоре была приговорена к смертной казни. В их число, помимо остальных, вошли Э. Венизелос, генералы Н. Пластирас, Каменос, Папулос (правда все они, за исключением последнего, уже были вне Греции). В стране начались массовые политические чистки в армии, высших учебных и в государственных учреждениях. Следующим шагом правительства П. Цалдариса стал роспуск верхней палаты парламента, в которой доминировали представители Либеральной партии. Вслед за этим последовал ряд мер, направленных на ослабление судебной власти, а затем и окончательный роспуск парламента. Было объявлено о назначенных на 9 июня выборах в Национальное Собрание — орган, чьё существование и полномочия никак не определялись действующей конституцией. Более того, в апреле 1935 г. генерал

Г. Кондилис, занявший пост вице-премьера после подавления венезелистского восстания, озвучил решение правительства провести плебисцит об отношении к монархии, не смотря на тот факт, что этот вопрос уже было решен в 1924 г. и в стране была установлена республика. Все действия правительства свидетельствовали о подготовке к серьёзным политическим и общественным изменениям.

Период 1924–1935 гг. был важным и для международных позиций Греции. Её превращение в балканскую державу, произошедшее в первое десятилетие XX в., требовало поддержания этого статуса и в последующем, делая необходимым его расширение до масштабов средиземноморского региона. Стране предстояло решить спорные и конфликтные вопросы со своими соседями — Турцией, Болгарией, Югославией, Албанией, а так же с отдельными европейскими державами — Италией, Францией и Великобританией. Переход в “клуб” континентальных государств, имевших стабильные региональные интересы в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, требовал от Греции уже отказа от традиционного статуса покровительствуемой страны и создание собственного сектора на регионально-континентальном поле.

Одним из главных вопросов, в этой связи, было урегулирование отношений с Турцией. На начальном этапе основные трудности касались процесса обмена населения, о чём была достигнута договоренность после греко-турецкой войны. Второй проблемой было существование Константинопольского патриархата. Турки рассматривали её как источник потенциальной опасности для себя в силу сложившегося исторически статуса этого конфессионального института — нередко он выполнял гражданско-представительскую роль в отношениях между христианами и турецким государством. Однако в соответствии с достигнутыми договоренностями Анкара согласилась с сохранением Константинопольского патриархата, но при условии выполнения им исключительно религиозных функций.

Серьёзные проблемы существовали и в отношениях Греции с Болгарией. Прежде всего они касались обмена национальных меньшинствами между двумя странами. В июле 1924 г., в результате пограничного инцидента, в котором по вине греческих военных погибло несколько гражданских лиц — болгар по происхождению, являвшихся гражданами Греции и заподозренных в помощи комитаджиям, отношения между соседними балканскими странами вновь, как это бывало не раз в их истории, обострились. Посредничество Лиги Наций, а также ряда европейских государств способствовало подписанию Афинами и Софией специального протокола об обмене национальными меньшинствами, вошедшего в историю по именам министров иностранных дел двух государств как “Протокол Калфов-Политис”. Однако ситуация на болгаро-греческой границе продолжала оставаться тревожной, а осенью 1925 г. она грозила перерасти вообще в полномасштабные боевые действия из-за очередной серии перестрелок между пограничниками сопредельных стран. Так, в частности, в ответ на убийство греческого офицера-парламентера, направлявшегося под белым флагом к болгарским позициям, войска Третьего армейского корпуса греческих вооружённых сил перешли границу и взяли под контроль приграничную территорию Болгарии, войдя вглубь на 25–35 км. Конфликт был разрешен вновь при посредничестве Лиги Наций.

Не менее сложно складывались отношения Греции с Королевством сербов, хорватов и словенцев, переименованном позже в Королевство Югославия. В соответствии с достигнутыми договоренностями порт Салоники получал статус нейтрального пункта транзита для Югославии в её средиземноморской торговле. Греки пошли на серьёзные уступки Белграду, снизив до минимума тарифы на перевозки грузов и отказываясь от решения спорных этнических вопросов с Софией, делая реверансы в сторону Югославии. В свою очередь последняя всё настойчивее пыталась добиться расширения свободной зоны в Салониках,

постройки более современной железнодорожной ветки Гевгели — Салоники и фактической передачи порта под контроль Белграда. Естественно, что подобная позиция была неприемлема для греков и переговоры по данному вопросу продолжались до конца 20-х годов.

Серьёзное влияние на характер международных отношений Греции оказывала ситуация внутри страны. Приход к власти в июне 1925 г. генерала Т. Пангалоса способствовал активизации переговорных процессов греческой стороны с представителями стран, с которыми у Греции существовали нерешенные вопросы. Во многом это объяснялось стремлением захватившего власть генерала добиться побед на “внешнеполитическом” фронте, а также получить поддержку от европейских держав для проведения хозяйственно-экономических реформ внутри Греции. Прежде всего были предприняты усилия на “итальянском” направлении: переговоры греческого посла с Б. Муссолини весной 1926 г. касались положения в Средиземноморье и роли в этом районе Британии и Франции. Несмотря на тесную связь Афин с Лондоном и Парижем, греческий представитель на словах (что было уже необычно для Греции) согласился на отказ от сотрудничества с военными миссиями Франции и Британии (выполнявшими организационно-координирующую роль в военных вопросах между правительствами этих стран). При этом греческая сторона приняла аргументацию дуче о нежелательности усиления и без того широкомасштабного присутствия Великобритании в Средиземноморском регионе. Вообще во внешнеполитической активности Греции периода правления Пангалоса отчётливо выявилась одна особенность — это стремление перейти к девирсифицированной системе отношений с другими странами, то есть отказаться от полной зависимости от одного или группы государств и создать для себя собственное поле. Именно таким подходом объяснялось оживление отношений с Югославией и даже более того — готовность генерала-диктатора пойти на уступки по вопросу эксплуатации железнодорож-

ной линии Гевгели — Салоники. В соответствии с заключенным в августе 1926 г. Договором о дружбе эта ветка оставалась под греческим контролем, но делались существенные тарифные послабления, а также увеличивался размер салоникинской свободной зоны для Югославии. Договор, однако, остался на бумаге, так как не был ратифицирован после свержения Т. Пангалоса.

На некоторое время после отстранения от власти генерала внешняя политика не была в числе приоритетных областей для сменявшихся правительств страны. Их основное внимание было сконцентрировано на внутривнутриполитических проблемах, прежде всего экономических и финансовых. Поэтому внешнеполитическая сфера деятельности правительственных кабинетов исчерпывалась вопросами экономическими — греческие долги международным финансовым институтам, отдельным государствам или их группам, а также подписание торговых соглашений с соседними странами. После прихода к власти в 1928 г. премьер-министра Э. Венизелоса внешнеполитическое направление вновь активизировалось. На повестку дня был поставлен вопрос закрепление позиций страны как на Балканском полуострове, так и в регионе Средиземного моря. Уже в сентябре Венизелос посетил Рим, где встретился с Муссолини и подписал с ним Договор о дружбе и примирении. Одновременно он заверил Королевство Югославию в том, что греко-итальянский договор не направлен против Белграда. Чтобы развеять сомнения на этот счёт в октябре того же года Венизелос посетил Югославию с официальным визитом. 27 марта 1929 г. между правительствами двух стран был подписан Договор о дружбе, мире и юридическом урегулировании, который подтверждал контроль Греции над свободной зоной Салоник и не предусматривал расширения её границ. Одновременно железнодорожная ветка Гевгели — Салоники полностью переходила под управление греческих властей. Вся деятельность Э. Венизелоса на “югославском” направлении недвусмысленно показывала его стрем-

ление добиться как можно более тесного сотрудничества с Белградом в деле создания в перспективе военно-политического союза. Во многом это было обусловлено обоюдным интересом двух стран не допустить ревизии Версальской мирной системы. Наиболее серьезные проблемы для греческой внешней политики продолжали оставаться на “турецком” направлении. Пребывание Э. Венизелоса на посту премьер-министра Греции способствовало поиску компромисса с Анкарой. Прежде всего он заявил о своей уверенности в мирных намерениях восточного соседа и выступил в вопросе реформирования флота в пользу постройки лёгких боевых судов, способных обеспечить безопасность Греции, но являющихся наступательным оружием. Этим шагом он снял обострившиеся в 1929 г. противоречия между соседними государствами, возникшие в связи с опасениями Турции относительно возможного нарушения равенства в военно-морском вооружении двух держав. Другой немаловажной и существовавшей уже долгое время проблемой была так называемая беженская, связанная с обменом национальными меньшинствами и компенсацией оставленного (утраченного) имущества. 10 июня 1930 г. эти вопросы нашли своё разрешение в специальной конвенции, впоследствии одобренной парламентами двух государств. Этот документ сыграл важную роль в нормализации отношений между Грецией и Турцией до такой степени, что Э. Венизелос нанёс в октябре 1930 г. официальный визит в Турцию, где был достаточно тепло встречен как властями страны, в частности президентом К. Ататюрком и премьер-министром И. Иненю, так и населением. В ходе пятидневного пребывания греческой правительственной делегации были подписаны двусторонние договоры — Договор о нейтралитете, мире и арбитраже, Протокол об ограничении морских вооружений и Торговая конвенция, способствовавших изменению характера греко-турецких отношений и позволявших Венизелосу сконцентрировать усилия на достижении Грецией более прочных позиций в средиземноморско-балканском регионе.

В целях реализации выбранного курса в октябре 1930 г. в Афинах собралась так называемая Балканская конференция. В ней приняли участие представители Албании, Болгарии, Румынии и Турции. Несмотря на свой неофициальный статус и председательство на ней бывшего премьер-министра Греции социалиста А. Папанастасиу, она являлась практическим продолжением венизелитской политики укрепления региональной роли Греции. Создание специальных комитетов, занимающихся на межгосударственном уровне политическими, социальными и экономическими проблемами, являлось первой серьёзной попыткой образования международной региональной организации на Балканах с участием всех стран полуострова.

Однако в Афинах хорошо понимали, что без прочных отношений с европейскими державами и прежде всего традиционными партнерами Греции, среди которых ведущую роль играла Великобритания, невозможно добиться желаемого для страны статуса средиземноморско-балканской державы. Обострившиеся отношения между британской колониальной администрацией и греческой общиной на Кипре, приведшие к вооруженным столкновениям и жертвам, серьёзно осложняли задачу премьер-министра. Его позиция, заключающаяся в интерпретации событий как конфликта, не имеющего отношения к Греции, и носящего “внутрибританский характер”, была расценена греками крайне негативно, а он сам был публично обвинён различными политическими силами в предательстве национальных интересов. В то же время Э. Венизелос, умело использовав очередную 110-ую годовщину начала греческого восстания и проходившие в Англии по этому случаю совместные англо-греческие торжества, провёл успешные переговоры с Лондоном относительно финансово-экономической помощи Греции. Аналогичные переговоры он провёл и в Париже. Премьер не забывал и “балканское” направление — в октябре 1931 г. при энергичной подготовительной работе греческой стороны в Стамбуле состоялась вторая Балканская конференция, на которой греческая делега-

ция представила для обсуждения и подписания проект так называемого Балканского пакта. Однако он не был заключен из-за разногласий по ряду принципиальных для стран региона вопросов, среди которых не последнюю роль играл этно-территориальный. Состоявшаяся в 1932 г. третья Балканская конференция вновь продемонстрировала стремление Греции добиться расширения своего влияния на полуострове и создать в регионе военно-политическую структуру, способную противостоять внерегиональным силам и служить арбитром во внутри-балканских спорах.

После ухода Э. Венизелоса с поста премьер-министра и прихода к власти в 1933 г. представителя монархической Народной партии П. Цалдариса во внешней политике страны не произошло серьёзных изменений. На повестке дня греческой дипломатии продолжал оставаться вопрос создания общевалканской организации — военно-политического союза стран полуострова. Вновь как и прежде представители Греции продолжили попытки выработать приемлемую для большинства государств региона программу действий в этом направлении. На очередной балканской конференции в ноябре 1933 г. в Салониках они выступили с инициативой создания Балканского пакта. К 1934 г. всё очевидней становилась вероятность заключения такого договора между отдельными государствами полуострова, стремившимися не допустить ревизии Версальского договора и обезопасить себя от тех, кто мог на это пойти — Болгарии и Венгрии. Система международных отношений уже знала примеры создания региональных союзов с участием государств Центральной и Восточной Европы, к числу которых относились Малая Антанта (Румыния, Чехословакия и Югославия) и Балтийская Антанта (Латвия, Литва и Эстония). Поэтому подписание 9 февраля 1934 г. военно-политического договора между Грецией, Турцией, Югославией и Румынией об образовании Балканской Антанты не было чем-то новым в общей системе европейских отношений, но в то же время свидетельствовало о

фрагментации восточноевропейского геополитического пространства, оказавшегося разделенным на три военно-политические группировки. Присутствие в новом объединении Румынии и Югославии, являвшихся одновременно и членами Малой Антанты, давало основания говорить о более сложной картине, чем формальное разделение этого региона на несколько военно-политических союзов. Греция в новых условиях укрепляла свои позиции не только в средиземноморско-балканском районе, но и получала опосредованно выход в европейский регион.

2. Кризис республики, реставрация монархии и установление военного режима.

Прошедшие 9 июня 1935 г. всеобщие выборы в Национальное Собрание, в которых республиканские партии в знак протеста не участвовали, принесли полную победу Народной партии П. Цалдариса, получившей 243 места из 300. Национально-радикальная партия генерала Г. Кондилиса смогла провести 37 кандидатов в депутаты, остальные малочисленные политические группы — 7. Уже на своём первом заседании, состоявшемся в начале июля 1935 г., новосозданный орган принял решение о плебисците по “королевскому вопросу”, но без определения точной даты его проведения. В свою очередь Кондилис, являвшийся членом кабинета министров, потребовал лично от премьера Цалдариса выразить своё отношение к этому событию. Несмотря на попытки последнего отложить проведение плебисцита и откровенный шантаж Кондилиса уйти в отставку, если он не пройдёт в ближайшее время, правительство постаралось оттянуть хотя бы на некоторое время решение вопроса. Но впоследствии оно было вынуждено уже открыто заявить о своей поддержке идеи восстановления монархии в стране. Позиция Цалдариса определялась его желанием избежать внутривнутриполитического кризиса, который мог возникнуть в случае скорого про-

ведения плебисцита. Он прекрасно понимал, что силы республиканцев и монархистов равны, а дальнейшая конфронтация может привести к непредсказуемым последствиям. В то же время, в расчёт бралась и решительность сторонников монархии, прежде всего из числа генералов и офицеров, приступивших к созданию тайных конспиративных организаций.

К осени 1935 г. ситуация в правящих кругах Греции обострилась. Правительство П. Цалдариса начало испытывать на себе сильное давление со стороны радикально настроенных монархистов, нетерпеливо ожидавших 3 ноября — дня проведения плебисцита и готовившихся противостоять всеми средствами республиканцам в случае победы последних. 10 октября, когда Цалдарис ехал в сопровождении малочисленной охраны из Кифиссы в Афины, он был перехвачен генералами Г. Кондилисом, А. Папагосом и адмиралом Реппасом, потребовавшими от премьер-министра — лидера Народной партии его отставки и передачи в их руки всей полноты государственной власти до восстановления на троне короля Георгиоса II. Кондилис назначил сам себя премьером. Нарушая все необходимые и полагающиеся по этому случаю процедуры, новосформированное правительство потребовало от Национального Собрания одобрения намерений кабинета объявить Грецию монархией, но не восстанавливать сам институт до окончательного подсчёта голосов во время плебисцита и не допускать до этого момента возвращения короля. В сложившейся ситуации пост президента страны ликвидировался, а занимавший его А. Заимис прекращал выполнять свои полномочия. Одновременно генерал Кондилис становился регентом находящегося в изгнании в Великобритании короля Георгиоса II.

Прошедший под пристальным присмотром Г. Кондилиса и его военной группировки плебисцит, во время которого были предприняты широкий набор способов фальсификации и подтасовок, завершился победой сторонников восстановления монар-

хий, которых, как заявлялось об этом официально, оказалось 97 процентов участвовавших в процедуре.

Получив необходимые формальные основания для реставрации монархии в стране, инициаторы этого государственного политического переворота во главе с генералом Кондилисом и рядом других высокопоставленных военных и гражданских лиц, обратились к находившемуся в Лондоне королю Георгиосу II с предложением вернуться на греческий трон. 14 ноября он выехал из Великобритании и отправился в Грецию, куда прибыл 25 ноября.

Многие в стране надеялись на изменение политической ситуации после возвращения из эмиграции монарха. Сам Георгиос рассчитывал на достижение политического мира в обществе и проявлял обеспокоенность попытками радикально настроенных монархистов взять реванш над своими противниками из числа республиканцев и, фактически, физически их ликвидировать. Уже по прибытии в Грецию между ним и рядом политических и военных деятелей возникли противоречия относительно целесообразности проведения всеобщей амнистии. Конфликт был настолько серьезен, что король пошёл на смещение Кондилиса с поста премьер-министра и назначил на этот пост профессора Афинского Университета Демердзиса. Вопреки противодействию противников амнистии, по настоянию Георгиоса II Национальное Собрание одобрило закон о её проведении. Более того, желая добиться стабилизации общественно-политического развития и расширить круг участников политического процесса, король способствовал проведению досрочных выборов, которые были назначены на 26 января 1936 г.

Прошедшие всеобщие выборы принесли победу Народной партии П. Цалдариса, которая вместе со своими союзниками из числа радикально настроенных монархистов и при поддержке Народно-радикальной партии генерала Г. Кондилиса получила 143 места в парламенте страны. Либеральная партия, которую возглавил после эмиграции Э. Венизелоса Ф. Софулис, смогла

получить вместе с союзниками из Крестьянской и Республиканской партий 141 мандат. Таким образом она стала второй по числу депутатов в парламенте партией, уступив своему главному оппоненту лишь на два места. Но наиболее внушительной победы добилась греческая компартия, которая, используя тактику блока Народного Фронта, смогла провести в парламент 15 своих депутатов. Пропорциональная система выборов, использовавшаяся 26 января 1936 г., позволила КПП превратиться в “партию решающего меньшинства”, так как ни одна из традиционных противостоящих сил — ни монархическая Народная, ни республиканская Либеральная партии не имели большинства в парламенте и не могли рассчитывать только на собственные силы при решении того или иного вопроса без вхождения в союз (или блок) с представителями Народного Фронта. Во многом именно благодаря их поддержке Ф. Софулис был выбран председателем парламента. Однако он не смог стать премьером, так как понадеявшись на поддержку Цалдариса, с которым хотел заключить тактический договор, Софулис отказался от поддержки народно-фронтонских представителей. Такая позиция лидера либералов была обусловлена действиями компартии, стремившейся перетянуть Софулиса на свою сторону и использовавшая сомнительный даже для греческой политической жизни середины 30-х годов приём — опубликование секретного протокола о взаимодействии между представителями КПП и Либеральной партии в парламенте. Софулис, испугавшись обвинений в пособничестве коммунистам, порвал с ними отношения.

Достаточно серьёзно на расстановку политических сил в Греции весной 1936 г. повлияли и три “привходящих”, субъективных обстоятельства — неожиданные смерти 31 января Г. Кондилиса, 18 марта Э. Вензелоса⁷ и 13 апреля К. Демердзиса. При этом уход последнего с политической арены факти-

⁷ Он скончался в Париже, находясь в эмиграции.

чески изменил вектор политического развития Греции, так как являясь приемлемой фигурой и для Народной и для Либеральной партий, он мог возглавить коалиционное правительство, что в условиях равенства сил двух противостоящих сторон — монархистов и либералов, — позволяло сформировать некое подобие коалиционного правительства, что и было сделано 15 марта 1936 г. После его смерти произошло изменение баланса сил в пользу Народной партии и радикально настроенных монархистов. Пост премьер-министра перешёл к исполнявшему обязанности вице-преьера в бытность К. Демердзиса главой кабинета генералу И. Метаксасу. Под предлогом необходимости стабилизации положения и с тем, чтобы избежать негативного влияния межпартийной борьбы на законотворческий процесс, Метаксас добился приостановки деятельности парламента на ближайшие пять месяцев до 30 сентября 1936 г. Обладая решительным характером с откровенно диктаторскими чертами, новый премьер начал переходить к “директивному” управлению страной, добившись для себя права издавать законы в форме декретов и постановлений. Скоропостижная смерть 16 мая П. Цалдариса, возглавлявшего одну из ведущих политических партий Греции — Народную партию, — развязала руки Метаксасу, так как из всех политических лидеров страны ни один не мог сравниться по своему влиянию и опыту с умершими Э. Вензелосом, Г. Кондилисом, Демердзисом и П. Цалдарисом, А. Папанастасиу, А. Заимисом и П. Кундуриотисом.

Расчет на стабилизирующую роль института монархии в обществе и надежды на короля Георгиоса II как гаранта единства нации постепенно начинали ослабевать. В этих условиях активизировались все политические силы Греции и особенно те из них, которые являлись наиболее радикально настроенными. Коммунистическая партия Греции попыталась использовать ситуацию с тем, чтобы оказать силовое давление на формирующийся режим. При этом основная ставка делалась на усиление “классовой борьбы”. Учитывая, что из 577 тыс. 630 работников

по найму 134 тыс. принадлежало к профсоюзам, руководство коммунистов постаралось усилить свои позиции в профсоюзном движении, что и было сделано не без успеха: подконтрольная компартии Единая Общая Конфедерация Трудящихся Греции (ЭГСЭЭ) насчитывала 28 тыс. 350 членов, в то время как контролировавшиеся республиканцами и троцкистами Общая Конфедерация Трудящихся Греции (ГСЭЭ) и Независимые профсоюзы (АС) 14 тыс. 700 и 15 тыс. 165 членов. Прошедшие 9–10 мая 1936 г. волнения в Салониках, в которых участвовали рабочие-табачники закончились массовыми арестами и жертвами среди демонстрантов. События во втором по величине и значимости городе Греции свидетельствовали, что социальная напряженность в стране достаточно высока и существует реальная возможность повторения подобного в будущем. Стремясь вернуться к конституционной форме политического развития Греции, лидеры крупнейших политических партий — Народной и Либеральной, — Г. Теотокас и Ф. Софулис обратились 22 июля к Георгиосу II с предложением заключить договор о “ненападении” с тем, чтобы выйти из создавшегося кризисного положения. Однако монарх в силу собственных убеждений, а также и под влиянием И. Метаксаса, достаточно резко отозвался о возможности такого политического шага. В свою очередь коммунисты, исключенные из политического процесса, но получившие на выборах в январе 1936 г. достаточную поддержку, решили прибегнуть к испытанному методу из своего арсенала — силовому нажиму на правительство И. Метаксаса. Предлогом послужило введение новых правил разрешения трудовых споров, предусматривающих обязательный государственный арбитраж (что фактически наносило удар по профсоюзам). Компартия объявила о проведении 24-часовой забастовки по всей стране в знак протеста против нового закона. Стремясь не допустить массовых волнений и роста прокоммунистических настроений, а также увидев в надвигающихся событиях угрозу личной власти, генерал И. Метаксас обратился к королю Геор-

гиосу II с предложением отменить действие ряда статей конституции (которая так и не была переделана из республиканской в монархическую), касавшихся гарантий соблюдения прав и свобод граждан, мотивируя свою позицию коммунистической опасностью. 4 августа, за день до намеченной всеобщей забастовки, И. Метаксас получил, опираясь на монархически настроенную верхушку армии, исключительные полномочия от короля. Фактически была установлена его единоличная диктатура, с которой должен был считаться греческий монарх, терявший реальную власть и выполнявший представительские функции. Вводилась жёсткая цензура прессы, были произведены аресты несогласных с режимом и прежде всего коммунистов. Парламент распускался на неопределенный срок. Распределение обязанностей в кабинете, сформированном генералом, отличалось от предыдущих правительств коренным образом: посты премьер-министра, министра иностранных дел, обороны, военно-морских и военно-воздушных сил занимал сам Метаксас. Остальные министры были набраны из числа специалистов-экономистов, или отставных старших офицеров.

Режим, установленный И. Метаксасом, представлял собой авторитарную диктатуру, пытавшуюся опереться на широкие социальные слои. Руководствуясь как конъюнктурными популистскими соображениями, так и стремлением провести стабилизационные мероприятия в социальной и экономической сферах, генерал принялся за проведение в жизнь широкого спектра реформ. Прежде всего он постарался изменить трудовое законодательство и ввёл обязательную систему арбитража при возникновении трудовых споров. Одновременно вводилась практика подписания коллективных договоров при найме на работу, ограничение рабочего дня до 8 часов с обязательной оплатой выходных и праздничных дней и установление минимальной заработной платы. Особое внимание уделялось развитию системы социального обеспечения, медицинского обслуживания и медицинского страхования. Генерал приступил к выполнению

программы массового строительства жилья, столь необходимого для сотен тысяч беженцев из Малой Азии, для которых эта проблема была наиболее острой. Он постарался сократить долги, сделав их перезачёт крестьянским хозяйствам, серьёзно пострадавшим в последнее время из-за падения цен на сельскохозяйственную продукцию.

Реформы коснулись и вооруженных сил. Прежде всего были произведены кадровые перестановки и со своих постов сняты те из генералов и офицеров, кто вызывал сомнения у Метаксаса относительно их лояльности установленному режиму. Это, однако, негативно сказалось на профессионализме офицерского корпуса и генералитета. Следующим шагом, предпринятым диктатором, было обновление технического парка армии и флота. Начались делаться закупки в Великобритании и США ряда видов вооружений, хотя и в ограниченном количестве. Генерал занялся реорганизацией родов и видов вооруженных сил, что нашло своё отражением в изменении структуры боевых частей, их технической оснащённости и подготовке.

Все эти мероприятия, имевшие характер широкомасштабных реформ, имели и специфические особенности — они проводились в непривычной для Греции обстановке насаждения общегосударственной идеологической и политической модели, сознательно и целенаправленно культивировавшейся властями и прежде всего лично И. Метаксасом. В соответствии с ней идеологическая основа выражалась в концепции “Третьей эллинской цивилизации”. Её суть заключалась в утверждении принципа преемственности установленного режима, объявлявшегося наследником первых двух “эллинских цивилизаций” — древней языческой Греции и христианской Византии. Диктатор заявил о необходимости сочетать древнее наследие с современными традициями. В полном соответствии с принципами существования любого авторитарного режима генерал старался представить себя “отцом нации” и “покровителем трудящихся”, что нашло своё отражение в принятии им звания “первого крестьянина” и

“первого рабочего”. Особое внимание Метаксас уделял молодёжи, так как отлично понимал, что, получив опору в ней, он сможет развернуть пропагандистскую работу в разных социальных слоях общества. С этой целью он создал Национальную организацию молодежи (ЭОН), которая с самого начала превратилась в государственную структуру, занятую идеологической и политической подготовкой молодежи на основе концепции “Третьей эллинской цивилизации”. В школе и высших учебных заведениях была проведена ревизия учебных пособий и учебных курсов. В соответствии с новыми правилами из учебных программ изымалось всё, что было так или иначе связано с положительной оценкой демократических ценностей или критикой авторитарных форм правления. Цензуре подверглись даже произведения Софокла и Перикла. Власти занялись и “языковым вопросом”, всегда стоявшем в Греции и приобретаем в XX в. социальное измерение. Его суть заключалась в ожесточенной борьбе между сторонниками официального архаизированного языка кафаревусы (так называемого чистого языка) и теми, кто выступал за замену его димотикой (разговорным языком). Для большинства греков, которые с трудом понимали кафаревусу, её использование означало принадлежность к высшим слоям общества. Режим 4-го августа, как стала называться установленная И. Метаксасом диктатура, видел в “чистом языке” идейно-политическое средство пропаганды официальной концепции “Третьей эллинской цивилизации” и борьба против сторонников димотики имела политическую направленность.

Одним из характерных элементов внутривнутриполитической ситуации в Греции стала борьба с любой оппозицией, противостоящей диктатуре. Министерство общественной безопасности или, как были известна эта организация в просторечье асфалия, взяло на себя основные функции подавления инакомыслия в стране. Во главе ведомства Метаксасом был назначен бывший артиллерийский офицер К. Маниадакис, который, как оказа-

лось позднее, обладал всеми необходимыми качествами для кандидата на такой высокий пост. Мероприятия, планировавшиеся и осуществлявшиеся им лично, отличались тщательностью, продуманностью и тонким психологическим расчётом. Стремясь, в частности, парализовать греческое коммунистическое движение, основными представителями которого являлись местная компартия, насчитывавшая около 14 тыс. членов и малочисленные, но весьма активные троцкистские группки, министр общественной безопасности прибег как к испытанным методам борьбы с “коммунистической опасностью”, так и новым. После многочисленных арестов и ссылок практически всего руководящего состава КПГ и основного корпуса активистов, включая Генсека компартии Н. Захариадиса, Маниадакис начал проводить в жизнь следующую часть своего плана: арестованные члены партии должны были подписать “Декларацию покаяния” (“*Δήλωση μετανοίας*”), в которой они отрекались от коммунизма и КПГ, осуждали свои прежние политические взгляды и деятельность. В обмен на это их освобождали из заключения, с них снималась судимость и предоставлялось право устройства на работу. Насколько жёстко придерживался министр безопасности разработанных им самим правил свидетельствует тот факт, что те из служащих полиции и жандармерии, которые чинили препятствия освобождённым из тюрьмы раскаявшимся коммунистам при устройстве на работу или создавали им трудности иным способом, немедленно увольнялись из этих организаций — Маниадакис был заинтересован в окончательном подрыве коммунизма в стране, но при помощи нетрадиционных и, как показала практика, действенных мер.

Следующим этапом разработанной им операции было создание из агентов асфалии, завербованных в руководящих структурах КПГ и тех членов партии, кто не подозревал об этом, некоего высшего органа партии, названного “Временным руководством”. Учитывая тот факт, что практически все аппаратчики компартии из высшего эшелона находились в тюрьме, а на

свободе оставались деятели “второго” и “третьего” ряда, создавшие свои руководящие структуры в виде “Старого ЦК” и т.д., можно представить к каким последствиям вела политика министра госбезопасности.

Ситуация внутри страны, несмотря на стремление И. Метаксаса стабилизировать её, продолжала оставаться беспокойной. Оппозиция, которую составили представители политических партий, оказалась не в состоянии консолидироваться из-за постоянных разногласий относительно способов и перспектив совместной борьбы с диктатурой. Немаловажное значение имели и репрессии, проводившиеся режимом в отношении оппонентов. 28 января 1938 г. Министерство безопасности объявило о раскрытии заговора и попытке покушения на И. Метаксаса. Под этим предлогом было арестовано несколько крупных политиков, которые вскоре были сосланы на острова Эгейского моря. Расширилось преследование подпольных структур КПГ. В июле 1938 г. политическая нестабильность достигла своей кульминации, когда на острове Крит вспыхнуло восстание во главе которого стояли представители Либеральной партии, в частности племянник Венизелоса и бывший член правительства Мицотакис, известные гражданские политики-республиканцы и военные, близкие к ним. В восстании приняли активное участие и отдельные руководящие члены греческой компартии. За попыткой переворота стоял эмигрировавший во Францию генерал Н. Пластирас, а по некоторым сведениям конца 40-х гг. и министр финансов в правительстве И. Метаксаса крупный банкир Э. Цудерос. Свыше 500 вооруженных повстанцев захватили г. Ханья — центральный город острова и призвали ко всеобщему восстанию. Однако мятеж был вскоре подавлен правительственными войсками.

Внутренняя политика, проводившаяся И. Метаксасом, во многом испытывала влияние “германского” и “итальянского” факторов. Генерал с восхищением относился к Б. Муссолини и А. Гитлеру, видя в них сильные личности, способные объеди-

нить нацию и вывести свои страны на передовые рубежи. В то же время, несмотря на кажущуюся похожесть греческого режима на германскую и итальянскую модель, его нельзя было сравнить со сложившимися в этих государствах тоталитарными обществами, и он представлял греческую разновидность авторитарной диктатуры.

Наибольшие трудности Метаксас испытывал во внешней политике, так как в силу объективных геостратегических реалий Греция оказывалась объектом экспансии со стороны Италии и Германии. Поэтому внешнеполитические предпочтения Афин были на стороне антигерманского лагеря и прежде всего ориентировались на Великобританию. Одновременно Метаксас пытался избежать прямой конфронтации с Римом и Берлином. Ещё накануне установления военной диктатуры он предпринял ряд шагов в этом направлении. Так, в частности, на очередной Балканской конференции, проходившей в Белграде 4–6 мая 1936 г., он выступил от имени Греции с заявлением о том, что его страна не хотела бы вовлечения в какой-либо военно-политический конфликт, участниками которого с “противоположной стороны” были бы Италия, Болгария или Венгрия. В свою очередь Берлин постарался усилить свое экономическое влияние в Греции, являвшейся частью средиземноморско-балканского региона — одного из стратегически важных для Германии. Расширился объем товарооборота между двумя странами, а так же начал расти экспорт греческой сельскохозяйственной продукции в Рейх. На состоявшемся в феврале 1938 г. в Анкаре заседании Совета Балканской Антанты генерал Метаксас, представлявший Грецию, заявил о согласии признать Абиссинию итальянскими владениями, что было сделано ранее Югославией и Румынией. Одновременно активизировались отношения Афин с другими балканскими столицами и прежде всего с Анкарой и Бухарестом, что было во многом обусловлено расширявшимся взаимодействием Турции и Румынии с Германией. Греческий генеральный штаб подписал ряд соглашений

с генеральными штабами соседних балканских государств. Серьезные изменения произошли и во внутрирегиональных отношениях — 31 июля 1938 г. в Салониках был подписан договор о дружбе и ненападении между Балканской Антантой и Болгарией, что позволяло последней провести перевооружение армии и снять серьезные ограничения, наложенные на нее Нёйским мирным договором. Более того, достаточно реальным становилось “приближение” Болгарии к Эгейскому морю, так как на повестке дня уже стоял вопрос о предоставлении права Софии пользоваться портами Салоники или Адринопполиса (Дедеагача). Однако, как это уже бывало не раз в балканской истории, в связи с обострившимися разногласиями и традиционными амбициями, подпитываемыми великими державами, балканскому единству не было суждено сбыться и в последний момент выяснилась невозможность заключения подобного договора.

Тем временем положение на Балканах начало осложняться из-за активных наступательных действий Италии, принявшей за осуществление своего плана распространения влияния на полуострове и в восточном Средиземноморье. Одной из первых жертв итальянского экспансионизма стала самая маленькая и наиболее слабая страна региона — Албания. 7 апреля 1939 г. итальянские войска высадились в основных портах этого государства и вскоре заняли его столицу Тирану. Понимая, что албанское направление римских стратегов является лишь прологом к более серьезным действиям в регионе, во многих столицах стран полуострова начали искать возможных защитников из числа внерегиональных великих держав. Для Греции в этих условиях принципиальными становились отношения с Великобританией, рассматривавшей Средиземноморье как жизненно важный для себя регион. Генерал И. Метаксас обратился к британскому правительству с тем, чтобы получить гарантии на случай возможных итальянских угроз греческому суверенитету. Лондон предоставил такие обещания не только Греции, но и Румынии. Стремясь добиться максимально благоприятного кли-

мата в своих отношениях с Болгарией, Метаксас возобновил контакты с болгарским правительством на предмет возможного предоставления Болгарии выхода к Эгейскому морю, в обмен на её присоединение к Балканской Антанте. Однако София выступила с требованиями относительно Добруджи (потерянной Болгарией в ходе Второй балканской и первой мировой войн). На этом фоне становилась понятна активность греческого внешнеполитического ведомства, активизировавшего свои контакты с югославскими, румынскими и турецкими партнерами.

Внешиполитические акции правительства И. Метаксаса испытывали на себе влияние экономических факторов. Несмотря на предоставление Британией кредита в размере 2 млн. фунтов стерлингов у Греции возникли проблемы с платежами по предыдущим займам, размещенным в европейских странах.

По мере того, как генерал сталкивался с нарастающими трудностями на внутривполитической арене и в международных отношениях, ему приходилось всё более прибегать к силовым и авторитарным методам правления.

IV. ГРЕЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И РЕКОНСТРУКЦИИ (1940 г. — 1960-е гг.)

1. Греция во Второй мировой войне.

Вторая мировая война серьёзно повлияла на расстановку сил в балканском секторе международных отношений. В столицах государств региона рассматривали складывающуюся ситуацию через призму взаимоотношений ведущих мировых держав — Германии, Италии, Великобритании, Франции и СССР. Осознание опасности для себя произошедшего германского броска на Восток 1 сентября 1939 г., пришло к правящим кругам государств Балканского полуострова сразу. Однако особенности внутривнутриполитического положения в них выявили противоречия и ожесточенное соперничество между сторонниками и противниками одной из двух военно-политических группировок: германо-итало-японской и англо-франко-американской. Для большинства стран Балканского государства всё отчетливее становилась угроза попадания в германскую или итальянскую “зону ответственности”, которая при определенных обстоятельствах могла превратиться в соответствующую зону оккупации.

Балканско-средиземноморский регион представлял собой важный геостратегический объект, имеющий коммуникационное и военно-оперативное значение для связей Европы с Африкой и Ближним Востоком, а в более общем плане — с переднеазиатским регионом и Индостаном. Соперничество великих держав, таким образом, сказывалось и на балканских странах, превращавшихся в инструмент политики своих союзников-покровителей или противников. Поэтому, несмотря на существовавшее противоборство, в государствах Балканского полуострова ис-

пытывалось опасение относительно возможного провоцирования стран германского блока в случае слишком тесного взаимодействия как между ними, так и англо-французским блоком. Для Греции это имело конкретное значение, так как первоначально делавшаяся Афинами ставка на Балканскую Антанту и возможную гарантированную военную помощь Великобритании постепенно стала ослабевать после раздела Чехословакии. Мюнхенский сговор, одним из активных участниц которого была Великобритания, создавал настороженность у тех из её союзнических стран “второго ряда”, которые в силу объективных обстоятельств не могли рассчитывать на собственные силы при защите своих национальных интересов при конфликте с германо-итальянским блоком. Однако разница между Чехословакией и Грецией (а также другими балканскими странами) заключалась в том, что средиземноморский регион имел военно-политическое и оперативно-стратегическое значение для Британской империи, гарантируя её интересы в Передней Азии, Африке и Индии. Однако в Афинах понимали, что несмотря на очевидную заинтересованность Лондона в греческой лояльности, всё-таки следует избегать конфронтации как с Италией, так и Германией.

Ситуация в сентябре 1939 г. развивалась несколько неожиданно для правительства И. Метаксаса. После вхождения германских войск в Польшу, объявления войны Германии со стороны Франции и Британии, положившего конец так называемому Данцигскому кризису, основные военно-политические события развивались пока в западной и центральной частях Европы. “Южное направление” продолжало оставаться сравнительно спокойным, если не считать оккупацию итальянскими войсками Албании ещё в апреле 1939 г. Более того, Б. Муссолини предложил И. Метаксасу заключить итало-греческий договор о ненападении. Расчет итальянского диктатора был сделан на то, чтобы оторвать Грецию от её британского союзника и тем самым обеспечить возможность борьбы с ним в Средизем-

номорье в более благоприятных для себя условиях. Афины отказались от документа подобного рода, но отношения между Грецией и Италией не претерпели серьезных изменений в худшую сторону. Тем временем Великобритания и Франция постарались получить преимущество в районе Средиземноморья, заключив трехсторонний договор с Турцией. Политика Лондона, направленная на сохранение своего присутствия и влияния в регионе, была продолжена и в начале 1940 г., когда между Грецией и Великобританией был заключен договор о военных поставках Афинам. Одновременно активизировалась деятельность правительств Балканских стран, объединенных в региональную Антанту. В начале февраля 1940 г. в Белграде встретились министры иностранных дел Греции, Румынии, Югославии и Турции, которые согласились с необходимостью продления существования этой организации на ближайшие семь лет. Более того, участники конференции рассмотрели вопрос о принятии общей позиции в отношении начавшейся мировой войны.

Тем временем события в Европе приобретали драматический характер. Поражение стран Бенилюкса, а также Дании, Норвегии и Франции весной-летом 1940 г. в войне с Германией серьезно повлияло на поведение балканских стран, каждая из которых уже ощущала на себе приближение к своим границам мирового военно-политического конфликта. Особенно это стало заметно, когда усилилось германское присутствие в государствах полуострова (как в экономическом, так и информационно-пропагандистском отношениях). Официальные органы информации Германии, включая и аналитические структуры типа научно-исследовательской группы, образовавшейся вокруг мюнхенского “Журнала геополитики”, открыто объявляли юго-восточную Европу (нередко называвшуюся балканско-дунайским регионом) зоной германских интересов и территориальных устремлений. В свою очередь и Италия была крайне заинтересована в этой части континента по политическим и военно-стратегическим соображениям.

20 июня 1940 г. Б. Муссолини объявил войну Великобритании. Этому способствовало падение Франции, являвшейся союзником Британии. Одновременно итальянская дипломатия постаралась успокоить правительства балканских стран, заверив в миролюбии Италии по отношению к соседним государствам. К середине лета 1940 г. численность итальянских войск в Албании достигла 125 тыс. человек. Для Афин со всей очевидностью становилось расхождение между словами и делами правителя Италии. Вскоре это нашло свое подтверждение — 15 августа в порту острова Тенос, входящего в группу Кикладских островов, торпедной атаке со стороны итальянской подводной лодки подвергся греческий крейсер “Элли”, который прибыл туда в связи с религиозным праздником. Этот неспровоцированный акт агрессивного поведения был дополнен ещё одним: воздушным нападением на два греческих военных корабля, направлявшихся к о. Тенос. Со стороны итальянских властей предпринимались отчаянные попытки добиться морального оправдания своим действиям. При этом они постарались предстать даже в роли защитников... Албании (оккупированной итальянскими властями в апреле 1939 г.). К осени 1940 г. ситуация становилась всё серьезнее. 15 октября 1940 г. Военный совет Италии утвердил секретный план нападения на Грецию. Тем временем из Рима доносились настойчивые требования к грекам сократить, а по сути — отказаться от британского военнополитического присутствия в стране. Более того, в итальянской печати открыто заявлялось о необходимости передачи района Янины и прилегающих к нему территорий находящейся под итальянским контролем Албании. Все подобные действия, сочетавшие откровенный силовой нажим и пропагандистскую кампанию, лишь ускорили решение И. Метаксаса объявить мобилизацию резервистов для их обучения новым видам вооружений, закупленных в Великобритании и США. 27 октября 1940 г. итальянские средства массовой информации сообщили о стычках на греко-албанской границе и акте диверсии в одном из при-

граничных албанских портов, при этом недвусмысленно заявлялось, что подобные действия являются результатом действий совместных греко-английских диверсионных отрядов. На следующий день, 28 октября 1940 г. в 3 часа ночи итальянский посланник в Греции Граци прибыл в резиденцию И. Метаксаса для передачи срочного заявления своего правительства. Генерал встретил своего позднего гостя в халате, так как не успел переодеться в подобающее случаю платье. Итальянская нота, зачитанная греческому диктатору, представляла собой ультиматум, выполнение которого ограничивалось ближайшими тремя часами поздней ночи и раннего утра 28 октября. Суть этого документа сводилась к предоставлению итальянской стороне стратегически важных пунктов на территории Греции (без конкретного уточнения каких именно), с целью нейтрализации враждебной Италии Британии, располагавшей военно-морскими базами в Греции. Несмотря на заверения об “уважении суверенитета Греции”, даже непосвященному в тонкости дипломатического языка становилось ясно, что Б. Муссолини фактически намеревался оккупировать Грецию. Генерал Метаксас, молча выслушав итальянские требования, заявил позднему визитеру, что его страна не может согласиться с таким ультиматумом. Сказанное им слово *οχι* (по-гречески “нет”) стало символом сопротивления греков итальянской агрессии.

Несмотря на произведенные закупки британского и американского вооружения, а также реформаторскую деятельность в вооруженных силах, режим И. Метаксаса оказался неподготовленным в военно-стратегическом плане к возможной итальянской агрессии. Начальник греческого генерального штаба генерал А. Папагос отмечал, что существовавшая военная доктрина не учитывала итальянской угрозы. Строившаяся на греко-болгарской границе так называемая линия Метаксаса, представляла собой комплекс военно-инженерных сооружений, задачей которых было помешать массированному наступлению болгарской армии в Македонии. Таким образом, в Афинах не был опреде-

лен даже потенциальный противник, а планирование велось в узко-конъюнктурной форме и в соответствии с устаревшими принципами.

Итало-греческая война, начатая режимом Муссолини 28 октября 1940 г. в 5 час. 30 мин утра была нужна её инициатору по двум причинам. Во-первых, он стремился поставить под военно-стратегический контроль традиционный британский средиземноморско-балканский сектор Европы. Это давало бы ему, в свою очередь, возможность проведения более активной наступательной политики как в самом регионе, прежде всего, в отношении Югославии, так и в Северной Африке — главном на тот момент районе итальянской колониальной экспансии. Во-вторых, легкая победа над слабой (как казалось Б. Муссолини) Грецией, подняла бы моральный дух итальянской армии и усилила бы позиции дуче в обществе и особенно в армейских кругах.

Для Греции война с Италией стала серьезным испытанием, имея в виду неподготовленность греческих вооруженных сил к противодействию хорошо вооруженной, обученной и уже участвовавшей в боевых действиях итальянской армии. В то же время, в самом греческом обществе итальянская агрессия вызвала всплеск патриотических чувств и решимость защитить страну от захватчиков. Сопrotивление, оказанное вооруженными силами Греции отборным итальянским частям, было настолько сильным и неожиданным, что даже сам Б. Муссолини был вынужден признать это официально. Различные греческие политические силы выступили в поддержку армии, борющейся с итальянскими агрессорами. Однако И. Метаксас, несмотря на критическое положение в котором оказалась страна, отказался реабилитировать противников режима, находившихся в ссылке и тюрьмах, готовых отправиться на фронт. Примечательным фактом стала публикация 31 октября 1940 г. в афинской прессе письма Генерального секретаря ЦК КПГ Н. Захариадиса, находившегося в тюрьме госбезопасности. Фраза о том, что необходимо отдать все силы для защиты страны в письме Генсека

ассоциировалась у части членов партии с защитой режима Метаксаса и поэтому весь документ рассматривался ими как фальшивка властей⁸.

К середине ноября греческая армия перешла в контрнаступление и пересекла границу с Албанией, взяв во второй половине ноября — начале декабря под свой контроль албанские города Корча (Корица), Саранда (Айя Саранда), Гирокастра (Аргирокастра). “Албанская эпопея”, как вошли в историю эти кровопролитные бои в горах на греко-албанской границе, продемонстрировала героизм греческих солдат и офицеров. Вступление греческих войск в Южную Албанию (по-гречески Северный Эпир), где проживало греческое национальное меньшинство, имело ещё и национально-патриотическое значение для общественного сознания в Греции. К началу 1941 г. наступление на итальянские позиции было приостановлено в связи с материально-техническими трудностями, испытываемыми греческой армией.

В Лондоне внимательно наблюдали за развитием ситуации на Балканах и за успехами греческих вооруженных сил. Британия, находившаяся в состоянии войны с Италией и Германией, была заинтересована в победе Греции, являвшейся британским форпостом в средиземноморско-балканском регионе. Небольшое подразделение британской армии прибыло в Грецию. Однако английская сторона обратилась с предложением к И. Метаксасу отправить ему на помощь более значительный контингент вооруженных сил Великобритании. Последний ответил отказом из-за нежелания давать повод Германии для её агрессивных действий наращиванием британского присутствия

⁸ В двух последующих посланиях Н. Захариадис уже характеризовал войну как империалистическую и захватническую, в чём отчетливо проявился коминтерновский подход к начальному периоду Второй мировой войны. Она рассматривалась как “порождение межимпериалистических противоречий”. Споры и дискуссии о позиции Н. Захариадиса, изложенной им в трех противоречивших друг другу письмах, идут до сих пор.

в Средиземноморье и в целом в юго-восточной Европе. Скоропостижная смерть Метаксаса в конце января 1941 г. способствовала изменению позиции Греции в отношении возможной британской помощи. Пришедший к власти новый премьер-министр А. Корицис, который уже не обладал такой властью как скончавшийся диктатор, король Георгиос II, освободившийся, наконец, от опеки Метаксаса, и главнокомандующий греческими вооруженными силами генерал А. Папагос встретились в 20-х числах февраля 1941 г. с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, начальником Генерального штаба британских вооруженных сил фельдмаршалом Диллом и командующим британскими войсками на Ближнем Востоке генералом Вейвелом. Беспокойство английских участников переговоров было вызвано как положением на греко-итальянском фронте, где пока наблюдалось затишье, так и вообще ситуацией на Балканах, в частности стремлением Берлина перетянуть Белград на свою сторону.

Тем временем события начали развиваться в ускоренном темпе. Германское командование активно разрабатывало планы оккупации Балкан, прежде всего Греции и Югославии, так как действия итальянского союзника закончились фактически неудачей. Стратегические установки Берлина, нацеленные на ведение боевых действий на Востоке, требовали подкрепления в тактическом плане: без надежного тыла в юго-восточной Европе и контроля над сухопутными и морскими путями не могло быть и речи о серьезной масштабной операции против СССР. 6 апреля 1941 г. германские войска, после оккупации Югославии, перешли к выполнению плана Марита, направленного на захват Греции. Греческим вооруженным силам пришлось иметь дело с отборными частями немецких войск, перешедшими югославо-греческую границу, а также усиленным контингентом войск царской Болгарии, которые двинулись из болгарской части Македонии (Вардарская Македония) в греческую часть – Эйскую Македонию, а также Фракию. Это дало возможность

итальянской армии перейти в контрнаступление, так как грекам пришлось вести оборону по всему периметру северных границ страны. Отчаянность положения порождала пораженческие настроения среди греческих правящих кругов и военной верхушки. 18 апреля в момент отчаяния покончил самоубийством премьер-министр Греции А. Коризис. Новым премьером был назначен консервативный политик и один из крупнейших банкиров страны Э. Цудерос. Ситуация на фронтах, тем временем, приближалась к развязке: командующий греческой армией в Македонии генерал Г. Цолакоглу начал вести переговоры о капитуляции, не получив на это никаких полномочий со стороны греческого правительства или короля. Сопrotивление, оказанное греческими вооруженными силами и британским экспедиционным корпусом, насчитывавшем 58 тыс. человек, лишь на некоторое время задержало продвижение оккупационных сил Германии, Болгарии и Италии вглубь страны. Однако вскоре остатки вооруженных сил, а также правительство Греции и король Георгиос II со своей семьей эвакуировались на остров Крит, рассматривавшийся как последний неприступный бастион. Германское командование, хорошо понимавшее военно-политическое значение существования подобной греческой крепости, всеми силами старалось подавить остатки сопротивления и 20 мая началась операция по ликвидации последнего оплота организованной борьбы против интервентов. Массированный воздушный десант германских военно-воздушных частей нанес поражение оборонявшимся совместным греко-британским силам, которые были эвакуированы вместе с членами греческого королевского правительства и семьей монарха в Египет. Греция оказалась полностью оккупирована к началу июня 1941 г. германо-болгарско-итальянскими войсками. На основании трехсторонней договоренности зоны оккупации распределились таким образом, что Италии достались многие из греческих островов и западная континентальная часть Греции. Германская зона оккупации включала Афины, Салоники и

часть островов Эгейского моря, а так же территорию, прилегающую к турецкой границе. Царская Болгария взяла под контроль греческую часть Македонии и Фракию. Оккупационные власти трех государств согласились на создание марионеточного государства — Греческой политики и в Афинах к власти было приведено при германской поддержке так называемое национальное правительство генерала Цолакоглу, выполнявшего функции верховного администратора под контролем оккупантов. Были созданы соответствующие министерства, сохранены греческая полиция и служба безопасности. Комплектование марионеточной администрации и ее вооруженных структур, к которым добавились и так называемые батальоны безопасности, созданные для борьбы с начавшими появляться партизанскими группами, шло из лиц, так или иначе видевших в “новом порядке” перспективы развития для Греции. К тому же германская пропаганда (в отличие от итальянской и болгарской) на начальном этапе оккупации активно использовала тезис уважения греческой нации, ее истории и культуры. Однако уже вскоре было высказано отношение греков к иностранной интервенции — в ночь на 31 мая 1941 г. двое молодых людей, М. Глезос и А. Сантас сорвали с национальной святыни Греции — Акрополя, фашистский флаг, продемонстрировав, таким образом, решимость народа сражаться с оккупантами.

Операции на Балканах, составными частями которых были оккупация Югославии и Греции, являлись прелюдией к решению главной задачи германских вооруженных сил — наступлению в восточном направлении и реализации плана “Барбаросса” в отношении Советского Союза. После захвата Греции Германией, Италией и Болгарией, во многих районах страны стали создаваться партизанские отряды и вооруженные группы для ведения борьбы против интервентов. Однако, как стало выясняться, многие из оставшихся и не успевших эвакуироваться из Греции местных политиков и даже лидеров партий оказались не в состоянии заняться организационной работой в данном на-

правления и даже, более того, не имели представлений о том, что им вообще делать. Растерянность и дезориентированность компенсировались многочасовыми полуподпольными встречами, на которых проходили консультации отдельных представителей старых политических партий. При этом нередко звучали слова о необходимости воздерживаться от активных действий и ждать указаний из Лондона, где временно разместилось королевское правительство. В то же время, не все в Греции думали так. Несмотря на серьезные потери в кадровом отношении (арест руководства⁹ и сотрудников партийного аппарата среднего звена) местная компартия взяла инициативу создания организованного сопротивления интервентам в свои руки. После нападения нацистской Германии на Советский Союз она усилила работу по созданию единой организации для ведения вооруженной борьбы с оккупантами. Используя свой довоенный опыт конспиративной деятельности, оставшиеся связи с представителями политического мира Греции, представлявшими левый спектр, а также имея сильные позиции в рабочем и профсоюзном движении, оставшиеся на свободе руководители КПГ постарались организационно оформить антифашистские силы. Первой такой структурой стал Рабочий Национально-освободительный фронт (ЭЭАМ), созданный 16 июня 1941 г. В него вошли левые профсоюзные объединения. Осенью 1941 г. греческой компартии удалось договориться о создании общенациональной освободительной организации, учредителями которой стали представители левых сил и профсоюзов страны. 27 сентября 1941 г. был основан Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ). Его программа включала несколько основных положений: освобождение страны от интервентов и предоставление народу самому решать судьбу будущего политического и государственного устройства Греции. Таким обра-

⁹ Генеральный секретарь КПГ Н. Захариадис был отправлен в концлагерь Дахау, где находился вплоть до освобождения весной 1945 г. Функции Генсека выполнял на протяжении 1941-1945 гг. Г. Сяндос.

зом, основной упор делался на национально-освободительные, а не социально-политические аспекты. Другой организацией, являвшейся по сути частью ЭАМ, стала Национальная Солидарность (ЭА), в задачу которой входило обеспечение инвалидов и голодающих продовольствием и медикаментами. Помимо неё ЭАМ создал ещё Объединенную всегреческую организацию молодежи (ЭГЮН), отвечавшую за работу среди молодежи. Фактически к началу 1942 г. компартии удалось организовать достаточно стройную и эффективную структуру, способную объединить на антифашистской основе представителей различных социальных слоев, возрастных и политических групп. Одним из наиболее важных шагов руководства ЭАМ, в котором доминировали местные коммунисты, было создание Национальной народно-освободительной армии, ставшей в последствии известной как ЭЛАС¹⁰. Она вела боевые действия против оккупантов сначала на нерегулярной партизанской, а затем уже хорошо организованной мобилизационной основе.

Зимой 1941–42 гг. в Греции была создана ещё одна организация национального Сопrotивления, называвшаяся Национальная Республиканская Греческая Лига (ЭДЭС). Ее верховным руководителем был провозглашен генерал-республиканец, неоднократно участвовавший в военных переворотах в межвоенный период Н. Пластирас, находившийся в эмиграции во Франции, а после ее поражения перебравшийся на территорию, контролировавшуюся вишистским правительством. Однако в действительности руководство ЭДЭС находилось в руках полковника Н. Зерваса и его политического советника К. Пиромангу. В отличие от ЭАМ эта организация была малочисленна, а ее руководители выдвинули изначально неприемлемые для противников республиканцев и даже либералов требования, что автоматически делало невозможным членство в ней антифа-

¹⁰ По-гречески название партизанской армии ЭЛАС (ΕΛΑΣ) напоминает по звучанию и написанию один из вариантов названия Греции — ΕΑΛΑΣ, что тоже было не случайно.

шистски настроенных гражданских и военных, не разделяющих политическую платформу Зерваса и Пиромаглу. Во многом декларативные заявления о приверженности социалистическим принципам, необходимости уже на этапе национально-освободительной борьбы выступать за ликвидацию монархии, призывы к национализации собственности в будущих освобожденных районах и многое другое из того же арсенала смущало и отпугивало более умеренных. В то же время в Греции была создана ещё одна организация Сопротивления, называвшаяся Национальная и Социальная защита под руководством полковника Д. Псарроса. Ее политическая программа была еще более революционна и в ней открыто говорилось о социализме и республиканских ориентирах. Однако с точки зрения греческих реалий только ЭАМ и его вооруженное крыло ЭЛАС имели реальную силу и политический вес. Практически до середины, а в ряде случаев — осени 1942 г., ни ЭДЭС, ни ЭККА не вели серьезной борьбы против оккупантов и не наносили столь значительные удары по ним, как ЭЛАС. Руководство ЭАМ стремилось привлечь на свою сторону кадровых военных старой армии, которые могли бы оказать помощь в формировании партизанских соединений. Компартия Греции вела очень осторожную работу среди эамовских организаций, так как ее руководители хотели избежать обвинений Национально-освободительного фронта в прокоммунистических симпатиях, что могло нанести вред консолидации сторонников борьбы против иностранных интервентов и местных квислингов на общей антифашистской основе. Вооруженное крыло ЭАМ Национальная народно-освободительная армия, в свою очередь, несмотря на доминирование в её командном составе членов КПГ, или сочувствовавших компартии представителей офицерства, рассматривалась как “армия сражающегося народа”. Ее структура включала Главный штаб, штабы местных региональных подразделений ЭЛАС, которые строились по войсковому принципу отделение-взвод-рота-батальон-дивизия. Командующим ЭЛАС яв-

лялся левый республиканец, полковник старой армии, повышенный ЭАМ до звания генерала, Ст. Сарафис¹¹. На протяжении осени 1941 г. и всего 1942 г. эамовским силам удалось получить контроль над рядом районов в горах Греции, а так же на некоторых островах. Тактика партизанских действий позволяла ЭЛАС наносить серьезный урон противнику, но в то же время самой избегать контрударов. К осени 1942 г. британские союзники начали все внимательнее относиться к событиям в Греции, однако информация, доходившая до британского командования на Ближнем Востоке, была противоречива. Военно-политические планы Лондона на юге и юго-востоке Европы требовали знания ситуации. Созданное британским правительством ведомство — Управление специальных операций (УСО), — приступило к широкомасштабным разведывательным акциям по всей Европе, включая и Балканы. В конце сентября 1942 г. в горах Греции приземлилась британская разведгруппа под командованием генерал-майора (Brigadier) Э. Майерса. В её задачу входило установить связь с греческими партизанами, выяснить военно-политическое положение в стране и выступить в роли координатора вооруженных отрядов греческого Сопротивления с последующим подчинением их деятельности штабу британских сил на Ближнем Востоке. Британское правительство было заинтересовано в подчинении местных движений Сопротивления в странах Европы своим военно-политическим планам. Более того, Лондон, поддерживая короля Георгиоса II и его правительство в изгнании, возглавляемое Э. Цудеросом, стремился в своей “греческой политике” обеспечить английские позиции в стране на послевоенный период. Учитывая тот факт, что республикански и антимонархически настроенные греческие политики могут в дальнейшем представлять угрозу британским внешнеполитическим планам в балканском регионе и в районе

¹¹ 2 мая 1943 г. было создано Главное командование ЭЛАС, в которое вошли Ст. Сарафис, А. Велухиотис и А. Дзимас.

Средиземноморья, англичане делали основной упор на поддержку монархистов.

Первые контакты миссии Э. Майерса с ЭДЭС и ЭАМ предоставили возможность британцам познакомиться не только с их руководством в лице Н. Зерваса, К. Пиромаглу, А. Велухиотиса (А. Кляраса, Г. Сяндоса, А. Дзимаса и др.), но и обнаружили противоречия между двумя организациями. С большим трудом удалось провести совместную акцию британских командос, ЭЛАС и ЭДЭС по ликвидации стратегически важного железнодорожного моста через реку Горгопотамос, использовавшегося немцами для перевозки стратегических грузов, направлявшихся затем в Северную Африку для армии Роммеля. Важность усиления британского влияния на силы греческого Сопротивления заставила британское командование на Ближнем Востоке продлить сроки пребывания миссии, трансформировав её в так называемую миссию связи, выполнявшую военно-политические задачи. Аналогичные союзнические миссии стали появляться в штабах югославских и албанских партизан. Вскоре руководство британской миссии перешло к молодому полковнику К. Вудхаусу — выпускнику Оксфордского Университета, специалисту по истории Греции, знавшему, к тому же, в отличие от предыдущего руководителя миссии Майерса, греческий язык.

Вскоре между ЭЛАС и ЭДЭС стали усиливаться трения, так как каждая из организаций претендовала на лидерство. Однако в отличие от ЭАМ/ЭЛАС ЭДЭС была намного малочисленней и не обладала достаточной военной силой для ведения широкомасштабных партизанских действий. Складывавшаяся в греческом движении Сопротивления ситуация вызывала у британских союзников озабоченность, так как с одной стороны, наблюдался рост влияния ЭАМ, находившегося под контролем местной компартии, а, с другой, - выявилась очевидная слабость про-британских сил. Большинство политиков устранилось от конкретных действий и заняло выжидательную позицию, рассчи-

тывая в основном на победу союзников и освобождение страны иностранными силами. Греческое королевское эмигрантское правительство не имело серьезного влияния на партизанское движение внутри страны и не могло рассчитывать на объявление их собственными вооруженными силами, “сражающимися внутри Греции”. К весне 1943 г., когда бои между партизанами и оккупационными силами Оси расширились для Георгиоса II и его британских союзников стала очевидна необходимость перемещения эмигрантского правительства из Британии ближе к основному театру действий — Греции. В марте 1943 г. оно переехало в Каир. В то же время, поспешность, с которой это было сделано, была во многом обусловлена драматическими событиями на Ближнем Востоке, когда произошли серьезные волнения в подразделениях эвакуированных после поражения Греции греческих вооруженных силах. Многие солдаты и офицеры требовали смещения назначенных ещё И. Метаксасом военачальников и активных действий в Греции, а также недопущения превращения греческих подразделений на Ближнем Востоке в преторианскую королевскую гвардию. Восстание было подавлено англичанами, но стало первым серьезным сигналом надвигающегося раскола в греческом обществе и последующих событий послевоенной истории страны.

Внутри Греции всё чаще происходили вооруженные столкновения между ЭАМ/ЭЛАС и ЭДЭС, заканчивавшиеся человеческими жертвами. Всё большая территория страны, особенно в горной местности, переходила под контроль Народно-освободительной армии Греции, устанавливавшей там свою гражданскую и военную администрацию. В начале 1943 г. эамовский комитет номов Фитиотиды и Эвритании издал циркуляр о необходимости введения кодекса “Самоуправления и народной юстиции” (получившего название “Кодекса Посейдона”), разработанного в конце 1942 г., и устанавливавшего областные советы и областные суды в дополнение к деревенским комитетам. Приказом № 2629 Главного командования ЭЛАС в декаб-

ре 1943 г. по всей территории Свободной Греции, т.е. областях, контролировавшихся Народно-освободительной армией, был введен в действие свод законов “Местного народного самоуправления и народных судов”.

Складывавшаяся в греческом движении Сопротивления ситуация воспринималась британскими союзниками с заметной тревогой, так как расширение влияния и укрепление позиций ЭАМ/ЭЛАС, неподконтрольной военно-политическим планам Лондона, могло создать в будущем серьезные проблемы для Британии в средиземноморско-балканском регионе. 2 февраля 1943 г. англичанам удалось договориться о подписании официального документа между британскими союзниками и Национально-освободительным фронтом. Тактический замысел руководства ЭАМ при подписании этого соглашения заключался в том, чтобы, во-первых, получить большинство в формируемом Главном штабе и, во-вторых, получить официальное признание со стороны англичан. В определенной степени этого удалось добиться, так как в новоформируемом органе от Национально-освободительного фронта присутствовало три представителя, а от ЭДЭС, ЭККА и британской миссии связи — по одному. Однако в соответствии с другими статьями этого договора отчетливо выявился невыгодный для ЭАМ/ЭЛАС его характер в целом: Главный штаб объявлялся ответственным перед британским военным командованием на Ближнем Востоке; зона действий ЭЛАС ограничивалась в целях недопущения ее расширения за счет неподконтрольных ЭДЭС и ЭККА территорий. Создававшееся временное равновесие между различными по своему влиянию организациями греческого Сопротивления давало надежду руководству каждой из них добиться выгодных для себя результатов.

Война на восточном фронте, а также операции союзников в Африке серьезно влияли на положение в Греции. В начале 1943 г. усилились массовые манифестации не только в столице, но и в других крупных городах страны Салониках, Спарте, Волосе,

Патрах. 24 февраля 1943 г. в Афинах состоялась 100-тысячная демонстрация за повышение заработной платы и улучшение снабжения продовольствием. 5 марта около 250 тыс. афинян, вышедших на улицу, потребовали отмены распоряжения главы марионетного правительства К. Логофетопулоса о направлении греков на работу в Германию. В ходе демонстрации толпа ворвалась в Министерство труда и уничтожила тщательно подготовленные списки. На смену неудачливому премьеру пришёл И. Раллис — сторонник жестких мер в отношении проявления любого недовольства.

Падение 25 июля 1943 г. режима Б. Муссолини в Италии для западных держав, в основном для Великобритании, связывалось с эвакуацией немецких войск как с Апеннинского полуострова, так и из Греции. Поэтому вопросу послевоенного устройства придавалось особое значение. Именно для решения этой проблемы 10 августа 1943 г. в Каире собрались делегаты ЭАМ (ЭЛАС) А. Дзимас, П. Русос, К. Деспотопулос и И. Циримокос, ЭДЭС — К. Пиромаглу, ЭККА - Г. Карталис и партий демократического блока — Г. Эксиндарис. Повестка дня конференции была согласована заранее и включала два вопроса: получение гарантий у короля о его невозвращении в Грецию, прежде чем народ не решит судьбу будущего государственного устройства, и создание правительства “национального единства” для “координации сил внутри страны и за ее пределами” в борьбе против оккупантов. ЭАМ/ЭЛАС пошли на эти переговоры, исходя из того, что признание англичанами Народно-освободительной армии частью союзных сил предоставляло, по мнению руководства этих организаций и КППГ, ей право активно принимать участие в решении конституционных вопросов на уровне политических представителей значительной части греческого народа. Располагая наибольшими вооруженными силами, Национально-освободительный фронт, как общенациональная организация, мог претендовать на ведущее место в планируемом правительстве “национального единства”. Од-

нако прошедшая встреча фактически перечеркнула все эти надежды. Более того, со всей очевидностью выявилась попытка англичан и их греческих союзников, прежде всего в лице ЭДЭС, не допустить расширения влияния ЭАМ и заставить согласиться на второстепенную роль в определении судьбы Греции. Н. Зервас, являвшийся военным руководителем ЭДЭС, не остановился перед тем, чтобы подтвердить свою лояльность королю Георгиосу II против которого он выступал и последователей которого не принимал определенное время в свою организацию. Теперь, перед лицом угрозы усиления ЭАМ и видя в нем креатуру греческой компартии, полковник Зервас объявил о бескомпромиссной борьбе с коммунизмом и о союзе с роялистами. Принятая 17 августа резолюция о необходимости предоставления народу права решать ещё до возвращения монарха форму государственного устройства вскоре была отменена ввиду вмешательства западных союзников и находящихся под их покровительством ЭДЭС. Более того, руководитель ЭДЭС генерал Н. Зервас в своей телеграмме Георгу II помимо заверений в лояльности отмечал: "...мы полны решимости в тесном сотрудничестве с роялистскими элементами страны и здесь и за границей нанести решительный удар всякой попытке коммунизма".

В самой ЭДЭС к лету 1943 г. произошли серьезные перемены — отдельные региональные организации отказались подчиняться Зервасу, обвинив его в заключении компромиссов с коммунистами и присоединились к "Батальонам безопасности", созданным квислинговским правительством при поддержке германских оккупационных властей для борьбы с партизанами. К октябрю 1943 г. противоборство между ЭАМ и ЭДЭС достигло такой интенсивности, что можно было говорить о полномасштабной гражданской войне в условиях иностранной оккупации.

28 ноября Политбюро ЦК КПГ разослало руководящим работникам партии письмо, в котором заявлялось, что в тех районах, где государственная власть перестала существовать и

народ живет в условиях самоуправления, находящегося под руководством КПГ, ЭАМ и ЭЛАС, политическая ответственность ложится на ЭАМ и КПГ, хотя не существует правительства или организованной администрации, “проистекающих непосредственно от коммунистической партии”. Письмо также содержало директиву о необходимой поддержке местных органов самоуправления в освобожденных районах. Постепенно в них проходил процесс формирования так называемой народно-демократической власти, оформленной законодательно в 146 статьях Кодекса самоуправления и народного правосудия и распространявшейся с 1 января 1944 г. на всю территорию “Свободной Греции”, охватывавшей северо-западную Грецию, часть Эгейской Македонии, районы Фессалии, Фракии, Пелопоннес, острова Крит, Эвбея, Самос, а также некоторые районы Эпира.

К февралю 1944 г. ситуация стала более благоприятной для сил ЭАМ/ЭЛАС, так как военная конфронтация с ЭДЭС показала бессилие последней. Британские союзники испугались окончательного разгрома своего протеже — Н. Зерваса со стороны Национально-освободительного фронта. Они постарались нейтрализовать его активность в этом направлении, заключив договор о разграничении районов действия сил ЭАМ, ЭДЭС и ЭККА и о перемирии между ними. Представители ЭАМ/ЭЛАС согласились на проведение такой конференции, так как продолжение гражданской войны затрудняло ведение операций против оккупационных сил Оси и подрывало избранный курс на создание правительства национального единства.

15 февраля представители ЭАМ/ЭЛАС (генерал Ст. Сарифис, П. Русое, Б. Кларас), ЭДЭС (подполковник Н. Николупулос, К. Пирوماглу, Вергетис), а также представители Греческого командования и союзных миссий (полковник К. Вудхауз и майор Уайнс) собрались в деревне Мирофило для проведения специального совещания по всем этим вопросам. Вскоре оно было перенесено в деревню Плака. Военно-политические проблемы, стоявшие в центре внимания участников заседаний,

касались прежде всего создания единого военно-политического органа греческих партизан под руководством командования на Ближнем Востоке, разграничение зон деятельности ЭЛАС и ЭДЭС, выработка единой позиции в отношении правительства И. Раллиса, созданного и поддерживаемого оккупантами. Противоречия между ЭАМ/ЭЛАС, с одной стороны, и, с другой, ЭДЭС, затрудняли принятие приемлемого для участников встречи решения. В ходе конференции было принято две резолюции. Первая из них осуждала “батальоны безопасности” и обвиняла правительство И. Раллиса в измене. Второй документ касался разграничения зон деятельности двух организаций, создания согласительных военных комитетов в районах непосредственного соприкосновения.

В результате достигнутых договоренностей на некоторое время были прекращены столкновения между ЭДЭС и ЭЛАС. При этом в политическом руководстве ЭАМ продолжали придерживаться курса на образование правительства национального единства, видя в подписанном договоре основу для его создания. В начале марта 1944 г. КПГ и ЭАМ стали рассматривать вплотную вопрос об этом. 10 марта было провозглашено образование Политического комитета национального освобождения (ПЭЭА), который разместился на освобожденной Национально-освободительным фронтом территории в местечке Вениана (Эвритания). Данным шагом руководство ЭАМ надеялось принудить эмигрантское правительство признать Национально-освободительный фронт как главную силу внутри Греции и разделить с ним власть. Это отчетливо проявилось в резолюции ЦК ЭАМ от 19 марта 1944 г. по поводу образования ПЭЭА, в которой говорилось в достаточно жесткой форме о необходимости “образования правительства общей коалиции, которое будет иметь свою штаб-квартиру или её часть в Свободной Греции”.

На первом этапе существования Политического комитета (с 10 марта по 18 апреля) в него вошли только представители

ЭАМ. В начале апреля руководство Национально-освободительного фронта попыталось использовать разразившийся в Каире кризис в королевском эмигрантском греческом правительстве для привлечения незамовских политиков в ПЭЭА. Отставка Э. Цудероса оценивалась в ЭАМ как возможность для создания правительства национального единства. До 18 апреля ПЭЭА не создал никакого отдельного правительственного кабинета в надежде на то, что политики, не вошедшие в ЭАМ, примут участие в его работе. Одновременно в руководстве Национально-освободительного фронта не отказались от идеи превращения комитета в правительственный орган, и 13 апреля специальным решением ПЭЭА было создано 11 секретариатов (практически министерств). Такая тактика имела определенный успех, так как в ряды ПЭЭА 19 апреля вошли представители и руководители левых мелкобуржуазных партий: социалист А. Сволос (профессор государственного права), Н. Аскуцис, А. Ангелопулос, С. Хадзибеис и др. После их вхождения президентом ПЭЭА стал А. Сволос, поскольку являлся наиболее приемлемой влиятельной фигурой в различных политических кругах. Следующим шагом со стороны ЭАМ стала подготовка создания представительного законодательного органа Свободной Греции, её парламента. В соответствии с программными установками Национально-освободительного фронта предстояло образовать Учредительное собрание, в задачу которого входило бы проведение выборов и плебисцита по королевскому вопросу после окончания войны. 23 апреля прошли выборы в этот орган, получивший название Национальный Совет. Выборы охватили 1,8 млн. человек и не только на территории Свободной Греции, но и оккупированной противником. Было избрано 180 депутатов, к которым присоединись ещё 22 депутата распущенного в 1936 г. парламента. 14 мая состоялась первая сессия Национального Совета в селе Корисхадес (Эвритания), на которой был избран президиум этого органа: Н. Григориадис (председатель), К. Карагеоргис (секретарь), митрополит г. Козани

Иоаким, М. Иоаннис, Д. Вландас, Г. Фанасекос, С. Александрии М. Сволоху, Л. Караманас, М. Маргиолис, С. Папаполитис.

В новых условиях прежнее законодательство свободной Греции было пересмотрено. “Кодекс самоуправления” и “Кодекс народной юстиции” дорабатывался особой комиссией юристов и политических деятелей ЭАМ. За время существования ПЭЭА (март-ноябрь 1944г.) было создано 60 законов и 64 решения, опубликованных в специальном органе — “Дневнике законов и постановлений”, являвшимся предшественником так называемой “Правительственной газеты”.

ПЭЭА и Национальный Совет, как часть фактического правительства на освобожденной территории, не обладали сколько-нибудь значимой внешнеполитической функцией, так как не были признаны ни одной союзной державой как правительство. Сложность взаимоотношений между союзниками — СССР, Великобританией и США — требовали от руководства ЭАМ достаточно осторожных действий в этом направлении, учитывая существование королевского эмигрантского правительства, хотя и не пользовавшегося реальной властью внутри Греции, но обладавшего статусом представителя интересов греческого народа на международной арене. В свою очередь, несмотря на реальную власть на освобожденной от оккупантов территории, ЭАМ не признавался на международном уровне правительством. Во многих оккупированных странах Юго-Восточной Европы, в частности Югославии и Греции, создавалось противоречие — наличие эмигрантских правительств, не обладавших реальной властью, но наделенных юридическими полномочиями, и образование центральных национально-освободительных комитетов, выполнявших практически функции правительства внутри страны. Борьба за свою легитимизацию заставляла эти органы партизанского управления идти на определенные компромиссы с эмигрантскими правительствами и союзниками по антигитлеровской коалиции. Поэтому руководство ЭАМ, преж-

де всего коммунисты, медлило с провозглашением ПЭЭА правительством, надеясь оказать давление на эмигрантское правительство с целью создания правительства национального единства с участием эмигрантских политиков, получив в нём большинство.

В такой обстановке руководство ЭАМ, и прежде всего его социалистические и либеральные элементы (Сволос, Ангелопулос, Стратис), стали убеждать лидеров КПП — коллег по Национально-освободительному фронту в необходимости проведения переговоров и заключения соглашения с эмигрантским правительством, которое поддерживали британские союзники. В этой связи отставка Э. Цудероса оценивалась в ЦК ЭАМ как возможность для создания такого правительства, однако, подчеркивалось, что ЭАМ и ПЭЭА готовы обсуждать с Каиром вопросы разрешения правительственного кризиса, но только на основе создания правительства национального единства. Согласие, а также активная позиция руководителей КПП по данному вопросу объяснялись рядом причин, главная из которых заключалась в том, что руководство КПП, как и её партнеры по коалиции в ЭАМ, стремились добиться признания ПЭЭА или как правительства Свободной Греции (программа максимум) или как части правительства национального единства (программа минимум) с участием политиков Каира. В этом крылась причина, почему, обладая силой свыше 1,4 млн. человек, ЭАМ пошел на прямые переговоры с эмигрантским правительством 17–20 мая 1944 г. В руководстве КПП (Г. Сяндос, Я. Иоаннидис) и близкой к ней ЭЛД (И. Циримокос) питались иллюзии о возможности проведения “жесткой” линии в отношениях с эмигрантским правительством. Назначение на пост премьер-министра эмигрантского правительства Г. Папандреу рассматривалось в Национально-освободительном фронте достаточно критически. Свою точку зрения на перспективу создания правительства национального единства Национальный Совет

изложил и в специальных информационных телеграммах руководству СССР, США, Великобритании, Франции и Югославии.

Ливанская конференция, под таким названием вошла в историю встреча представителей ЭАМ, ПЭЭА, КППГ, ЭДЭС, ЭККА, западных союзников и представителей королевского правительства, стала важным этапом в политическом развитии Греции. Для ЭАМ она ознаменовала новый этап в стратегии и тактике. Делегация ЭАМ-ПЭЭА-КППГ состояла из А. Сволоса (президент ПЭЭА), П. Аскуциса и А. Ангелопулоса (секретаря ПЭЭА, социалисты), М. Порфириогениса (секретарь ЭАМ), Д. Стратиса (член ЦК ЭАМ), П. Русоса (представитель КППГ, член Политбюро) С. Сарафиса (представитель ЭЛАС, советник делегации). В задачи делегации Свободной Греции входило, во-первых, требование о предоставлении этим организациям половины (плюс одно) мест в будущем правительстве национального единства, во-вторых, получение контроля над такими министерствами, как оборона, внутренние дела и юстиция и, в-третьих, перемещение части правительства национального единства в районы, контролировавшиеся ЭЛАС. Помимо этого в задачи делегации входило отстаивать принцип невозвращения монарха прежде чем народ Греции не решит вопроса о форме государственного устройства.

Позиции правительства в изгнании защищали Г. Папандреу, Ф. Цацос и С. Венизелос. От ЭККА и ЭДЭС присутствовали Г. Карталис и К. Пирромаглу со своими коллегами из этих организаций.

Тон на конференции был задан Г. Папандреу, который обвинил ЭАМ в разжигании гражданской войны. Решения, принятые на встрече под нажимом оппонентов Национально-освободительного фронта, которым покровительствовали англичане, не соответствовали инструкциям, полученным его представителями при отъезде на конференцию: “королевский вопрос” оставался непроясненным; ЭАМ получал 3–4 места в едином правительстве; обещание о размещении части правительства в райо-

нах Свободной Греции носило тактический характер и было не обязательно к выполнению; создание единой армии с участием ЭЛАС было проблематичным. В то время как ЭЛАС насчитывала 140 тыс. человек, а ЭДЭС не более 7 тыс., не говоря об ЭККА с ее 400–500 бойцов, оппоненты Народно-освободительной армии из двух последних организаций настаивали на ее роспуске и передачи инициативы по созданию единых вооруженных сил в руки Г. Папандреу.

Особое значение приобрел вопрос осуждения подавленного англичанами восстания греческих военнослужащих на Ближнем Востоке, направленного против королевского правительства, с требованием активной борьбы с фашизмом, демократизации политической жизни Греции после освобождения и борьбы против любых проявлений правой опасности.

Итоговый документ встречи — “Ливанский протокол”, состоял из восьми глав, в которых содержались пункты о реорганизации и отстранению армии от политической жизни, об объединении всех партизанских отрядов под единым командованием, независимо от влияния партий и организаций, о прекращении терроризма, о проведении плебисцита и выборов в свободной Греции и предоставлении правительству национального единства прерогатив по “выяснению положения” относительно возвращения в Грецию короля. Так или иначе, но большинство статей договора было направлено против ЭАМ/ЭЛАС и ПЭЭА.

Заключенное соглашение было оценено в руководстве Национально-освободительного фронта и КПП по-разному. Некоторые считали, что оно создает реальные возможности для легитимизации властных полномочий ЭАМ, другие, наоборот, рассматривали его как ошибочный и подлежащий денонсации шаг.

Июль-август 1944 г. были весьма важным периодом для развития греческого Сопротивления и дальнейших судеб Национально-освободительного фронта. Его характерными чертами стали усиление давления правых сил и английской дипломатии на ЭАМ-ЭЛАС/КПП, с одной стороны, и попытки последних

продолжать тактическую линию, направленную на воплощение в жизнь идеи правительства национального единства, — с другой. При этом июль был отмечен обострением отношений между ЭАМ/ПЭЭА с эмигрантским королевским правительством. Во многом это было связано прежде всего со стремлением греческих правых заставить выполнять противоположную сторону условия Ливанского соглашения. По мере продвижения Советской Армии на запад и в связи с началом освобождения ею Балкан, западные союзники и их греческие партнеры усилили свою антиэаэмовскую политику. Британский премьер был занят рассмотрением вопроса о возможном наступлении в Греции силами 10–12 тыс. человек с тем, чтобы захватить главные центры до того, как это смогут сделать ЭАМ/ЭЛАС. Со своей стороны руководство Национально-освободительного фронта прибегло к обращению за морально-политической помощью к руководству СССР. Появление в Греции советской военной миссии связи во главе с кадровым разведчиком Г. Поповым и некогда работавшим в советском посольстве в Афинах дипломатом Чернецовым, было воспринято в руководстве КПГ как обнадеживающий фактор. Однако стремление прояснить точку зрения советской стороны на внутригреческие события и прежде всего на формирование правительства национального единства не дали какого-либо результата, так как ни Попов, ни Чернецов не высказались прямо по данному вопросу, а лишь заявили о необходимости борьбы против сил Оси. Такое отношение советской стороны к греческим событиям было связано, прежде всего, с нежеланием Москвы конфликтовать с союзниками в момент решающих сражений на фронтах Второй мировой войны.

Объявление о вхождении представителей ЭАМ-ПЭЭА-КПГ в правительство национального единства было подтверждено решением ПЭЭА от 2 сентября 1944 г. В число представителей вошли А. Сволос, Ан. Ангелопулос, Я. Зевгос, И. Циримокос, Н. Аскуцис и М. Порфилогенис. Они заняли второстепенные

министерские посты. Развертывание и активизация деятельности ЭЛАС по освобождению Греции воспринимались и греческими оппонентами Национально-освободительного фронта, и их британскими покровителями как возможная угроза их интересам. Используя необходимость координации совместных военных усилий союзников и партизан, Лондон рекомендовал греческому эмигрантскому правительству пойти на заключение с ЭАМ новых соглашений, способных окончательно связать Национально-освободительный фронт. 26–26 сентября 1944 г. в итальянском городе Казерта между британскими союзниками, греческим правительством национального единства, ЭЛАС и ЭДЭС был заключен договор, имевший скорее не военный, а политический характер. В соответствии с его условиями ЭЛАС окончательно подчинялась британскому командованию, а генерал Скоби назначался на пост главнокомандующего греческими национальными вооруженными силами. Деятельность ЭЛАС ограничивалась строго фиксированными географическими районами, а создание в освобожденных районах национально-освободительных комитетов запрещалось. Салоники и Афины исключались из зоны операционной ответственности Народно-освободительной армии.

Начало октября 1944 г. ознаменовалось расширением операций ЭЛАС против немецко-фашистских захватчиков, продвижение на Запад и освобождение ею большей части Балкан способствовало активизации вооруженной борьбы. 3 октября 1944 г. Гитлер дал приказ об отходе из Греции германских оккупационных частей. Фактически это были единственные силы Оси, оставшиеся в Греции, так как после переворота 9 сентября в Болгарии, болгарские части также начали отводиться из страны. В связи с началом массового отступления вражеских войск и усилением деятельности Греческой национально-освободительной армии Политбюро ЦК КПГ обратилось к греческому народу с обращением, в котором подтвердило верность союзнической борьбе. Но в тоже время в самом руководстве партии, и

это выявилось в ряде партийных инструкций, подчеркивалось, что надо соблюдать большую осторожность в отношениях с английскими союзниками.

Боевые действия развивались быстро. Высадка английского десанта в составе одной танковой бригады и парашютистов в ночь с 3 на 4 октября в районе г. Патры ознаменовала начало “активной” британской помощи в деле освобождения Греции. Однако в действительности она сыграла больше роль тыловой поддержки, нежели реальной освободительницы. Несмотря на Казертские договоренности ЭЛАС провела операции в Афинах и Салониках, освободив столицу 12 октября, а Салоники 30 октября. Правительство Г. Папандреу высадилось в Греции 18 октября 1944 г.

Освобождение страны принесло новые моменты в расстановку политических сил внутри Греции. Правительство Г. Папандреу, поддерживаемое англичанами, постаралось поставить под свой контроль ситуацию в стране. Одним из главных вопросов, имевших политическое измерение, был так называемый военный вопрос. Создание единых вооруженных сил рассматривалось греческим премьер-министром как основа для решения политических проблем, главной из которых была ликвидация ЭАМ и максимальное ослабление КПГ. Г. Папандреу прекрасно понимал существующую для него опасность в лице полуторамиллионного Национально-освободительного фронта; ЭЛАС, насчитывавшей более 150 тыс. бойцов и Коммунистической партии Греции с её 450 тыс. членов. Поэтому, используя различные маневры, он постарался распустить Народно-освободительную армию, являвшуюся вооруженной частью ЭАМ, но сохранить вооруженные формирования её противников — ЭДЭС и преторианского “Священного батальона”. Греческий премьер-министр настаивал на роспуске ЭЛАС до 10 декабря 1944 г. Руководство ЭАМ и КПГ активно сопротивлялись этому.

В конце ноября исполнявший обязанности Генсека ЦК КПГ Г. Сяндос заявил об отказе выполнить такое требование в одно-

стороннем порядке, так как другие вооруженные формирования практически сохранялись бы. Представители ЭАМ покинули правительство национального единства, а Национально-освободительный фронт призвал к проведению массовой демонстрации в Афинах в воскресенье 3 декабря. Разрешив сначала манифестацию, Папандреу, затем, запретил её. В ходе демонстрации произошли столкновения между полицией и участниками протеста, результатом чего стали 15 убитых и десятки раненых. Руководство КПГ не желало конфронтации с британскими союзниками как по политическим, так и военным соображениям. Однако У. Черчилль резко отреагировал на случившееся и дал приказ Скоби немедленно расправиться с “бунтовщиками”. Британские вооруженные силы оказались вовлечены во внутри-греческий конфликт. На первой стадии этой конфронтации ЭЛАС смогла блокировать и изолировать англичан в Афинах. Однако вскоре стало ясно, что вооруженная борьба партизан против регулярных сил, имевших к тому же статус союзнической армии является сложным и достаточно тяжелым делом. По своим каналам руководство греческой компартии обратилось за помощью к Москве через посредничество болгарской компартии, однако, СССР не мог участвовать в греческих событиях в условиях, когда требовалось военно-стратегическое и политическое взаимодействие союзников. Прибывшие в Афины накануне Рождества британский премьер У. Черчилль и министр иностранных дел Э. Идей постарались, используя тактический маневр, добиться выгодных для Британии результатов. Они рекомендовали назначить афинского архиепископа Дамаскиноса регентом до проведения референдума по конституционному вопросу. 30 декабря архиепископ занял этот пост. Таким образом англичане попытались снять на время с повестки дня один из главных политических вопросов — о судьбе монархии в Греции. Следующим шагом стала отставка Г. Папандреу и приход 3 января 1945 г. на его место премьер-министра генерала-республиканца Н. Пластираса.

Тем временем боевые действия распространились и на другие районы страны, где ЭЛАС сражалась против британских вооруженных сил. К 11 января, однако, наступило затишье, так как руководство ЭАМ и КПГ постарались перейти к мирному этапу решения “военного вопроса” в силу сложившихся новых политических и военных условий. В ходе интенсивных переговоров между представителями греческого правительства, ЭАМ/ЭЛАС и британскими союзниками 12 февраля 1945 г. в местечке Варкиза под Афинами было подписано одноименное соглашение. По его условиям ЭЛАС обязывалась разоружиться и самораспуститься. В свою очередь правительство Н. Пластираса обещало провести амнистию за совершенные политические преступления (в которых обвинялись ЭЛАС/ЭАМ их противниками), очистить армию и полицию от лиц, сотрудничавших с оккупантами, предоставить гарантии свобод провести плебисцит по вопросу о дальнейшей судьбе монархии и устроить выборы в парламент страны.

В условиях продолжавшейся Второй мировой войны и начинающихся вырисовываться проблем послевоенного устройства, события в Греции являлись первым серьезным сигналом изменившегося в ходе войны раскола мира и расстановки политических сил как на национальной арене в оккупированных странах, так и в более широком международном контексте. Борьба против сил Оси способствовала появлению в общественном сознании новых явлений, объединявших социальные и политические вопросы с проблемой вооруженной борьбы. Предвоенная, или точнее сказать межвоенная партийно-политическая и социальная системы переживали серьезные трансформации. В Греции, как и ряде других стран Балканского полуострова, этот процесс сопровождался внутривнутриполитическим конфликтом, принявшем на определенных этапах форму гражданской войны, временно прекращенной в силу определенных военных и политических условий конца Второй мировой войны, но продолжавшей сохранять свои причины и корни.

2. *Гражданская война в Греции (1946–1949 гг.)*

Окончание Второй мировой войны существенно изменило расстановку сил на мировой арене. В результате политических договоренностей между союзниками по антигитлеровской коалиции и реально сложившейся геополитической ситуации, Балканский полуостров оказался разделенным на две сферы военно-политического влияния. Одна из них включала большую часть региона, где было преимущественное влияние СССР. Фактически она включала освобожденные Советской Армией страны — Румынию, Венгрию, Болгарию. Британия оставила за собой Грецию. Югославия в этой схеме оказывалась общим субъектом интересов Москвы и Лондона, где влияние двух союзников по коалиции определялось как 50% на 50%. В этих условиях сочетание внутреннего и внешнего факторов для Балканского региона приобретало, в определенном смысле, ключевое значение. Конкретно для Греции подобная расстановка сил на полуострове исключала возможность для более многочисленных левых сил, сконцентрировавшихся в ЭАМ/ЭЛАС и 450-ти тысячной компартии Греции, рассчитывать на “прорыв во власть”. Однозначная британская поддержка антикоммунистических и антиэамовских сил, обусловленная заботой Лондона о сохранении своего присутствия, в Средиземноморье и ближайших регионах, так или иначе связанных с общестратегическими позициями Британской империи, не давала оснований рассчитывать на спокойное и бесконфликтное развитие ситуации после Второй мировой войны. Ситуация в стране тем временем продолжала оставаться сложной и характеризовалась наступлением правых сил на своих оппонентов. Преобразование 24 апреля 1945 г. ЭАМ в партийную коалицию, состоящую из КПГ, Аграрной партии, Демократической радикальной партии, Социалистической партии, Демократического союза и Единой социалистической партии было нацелено на трансформацию Национально-освободительного фронта в широкий блок

партий, главную роль среди которых играли бы фактически представители левого спектра. 29 мая 1945 г. в Грецию из концентрационного лагеря Дахау, где он находился с 1941 г., на британском военно-транспортном самолете вернулся Генеральный секретарь ЦК КПГ Н. Захариадис. Правительство адмирала П. Вулгариса активно использовало в своих целях экстремистские правые и националистические группировки, видя в них реальную ударную силу, стоящую на последовательно антикоммунистических позициях. В апреле 1945 г. в стране разразился правительственный кризис, вызванный тем, что Н. Пластирас был вынужден выйти в отставку после инициированной правыми силами публикации в прессе его письма, адресованного Э. Цудеросу в июле 1941 г., в котором генерал весьма скептически высказывался относительно возможности борьбы с оккупационными силами. Несмотря на то, что новым премьером стал республикански настроенный адмирал П. Вулгарис, это не привнесло стабильности во внутривластительное положение страны. Левая оппозиция крайне негативно относилась к новому премьеру в связи с его участием в подавлении волнений среди греческих военнослужащих в Египте в апреле 1944 г. Противостояние между крайне правыми и левыми в ряде случаев достигало вооруженного противостояния в форме террористических актов, грабежей и захвата заложников. Практически вплоть до конца 1945 г. в Греции проходил процесс поляризации общественно-политических сил вокруг левого и правого центров. Одновременно, как со стороны противников ЭАМ и КПГ, так и их британских покровителей, была предпринята попытка реформировать общественно-политический и государственный режим в соответствующем выгодном для себя направлении. В частности, во время визита регента греческого королевского престола архиепископа Дамаскиноса в Британию была достигнута договоренность о первоочередном проведении всеобщих выборов, а затем, — плебисцита по королевскому вопросу. Явное нарушение Варкизского соглашения, в соответ-

ствии с которым эти две процедуры должны были проводиться в ином порядке, лишь усилило недовольство левых в лице ЭАМ и стоящей за ней КПП.

Крайне правые промонархические силы и покровительствовавшие им англичане, стремясь расколоть оппозицию, выдвинули этот план для того, чтобы подобным маневром создать некий блок центристских и правых сил, изолировав левых и коммунистов, не допустив на втором этапе их объединения с центристами. Британская дипломатия, стремившаяся достичь в “подведомственной” стране стабильности при явном доминировании антиэамовских сил, смогла, используя всевозможные рычаги, добиться прихода к власти в октябре 1945 г. восьмидесятилетнего лидера Либеральной партии Ф. Софулиса, являвшегося в межвоенный период сподвижником легендарного Э. Венизелоса. Одним из первых шагов нового премьера, сменившего адмирала П. Вулгариса на этом посту, было объявление им о проведении 31 марта 1946 г. всеобщих выборов, которые были первыми с 1936 г. Одновременно он поставил в известность о планировавшемся после выборов плебисците. В то же время со стороны Великобритании усиливалась поддержка афинского правительства как по линии военного сотрудничества с ним, так и в финансово-экономическом плане.

Со своей стороны греческая компартия, выступавшая как основной оппонент официальных властей, придерживалась идейно-политической установки, озвученной на VII Пленуме ЦК КПП, заседавшем 25–27 июля 1945 г. в нелегальных условиях в Афинах и принявшем соответствующую резолюцию, в которой заявлялось, что “Греция является единственной страной в Европе из лагеря победителей, где фашистские пособники вместе с оккупантами, изменниками и предателями, и далее уничтожают демократию”. Подобная оценка использовалась руководством КПП и в чисто прагматических целях, а именно — для оправдания факта создания собственных, подконтрольных компартии силовых структур, — “организаций массовой народ-

ной самозащиты”. Программа действий, как она определялась КПГ, заключалась в том, чтобы “немедленно создать представительное правительство из всех партий, которые не сотрудничали с оккупантами и которые выступают против фашистских грабежей. Это правительство должно немедленно восстановить политические и профсоюзные свободы, демократический порядок и спокойствие. И через три, самое большее — через четыре месяца провести свободные нефальсифицированные выборы в Учредительное собрание”. Во многом политические установки КПГ, оформленные её теоретиками и руководителями в программе “Народной демократии”, были направлены на реализацию в стране серьезных социально-политических и экономических реформ. Более того Н. Захариадис постарался определить закономерность выбранной руководством КПГ политической линии в контексте геополитического положения Греции и притом не с позиций узкопартийных установок, а государственно-стратегических интересов, что было довольно новым явлением для компартии, не находящейся у власти. Он, в частности, заявил, что в соответствии с тем, как “сложилось в условиях мировой войны положение и место Греции в нем, реалистичная внешняя политика со стороны ЭАМ и ПЭЭА должна была бы проходить между двумя главными полюсами: европейско-балканским, с центром — Советской Россией и средиземноморским — с центром в Англии. Правильной внешней политикой была бы такая, которая составила бы греческую ось, которая связала бы эти два полюса”.

Наступление на левые силы внутри Греции к концу лета 1945 г. стало активно сопровождаться обвинениями в адрес “народных демократий”. Правительственные круги осознавали угрозу, которую содержал в себе потенциальный альянс внутренней левой оппозиции с прокоммунистическими режимами Албании, Болгарии и Югославии. Усиление наступления правых сил на оппозицию в условиях нестабильного общественно-экономического развития увеличивало количество ее сторонни-

ков из числа представителей разных слоев. Стачки и забастовки осени 1945 г. дополнились политическими манифестациями. 27 сентября в Афинах состоялась массовая демонстрация, посвященная юбилею создания ЭАМ. В ней приняло участие свыше 250 тыс. человек. Складывавшаяся ситуация давала повод руководству КПГ рассчитывать на усиление позиций возглавлявшейся компартией коалиции ЭАМ. Вполне объяснимой на этом фоне становилась радикализация содержания установок греческой компартии как в социально-политической, так и экономической областях. Перспектива действий КПГ и ее ориентиры получили конкретное развитие на VII съезде, который проходил уже легально 1–6 октября 1945 г. в Афинах. Доклад на съезде, сделанный Н. Захариадисом, был составлен в резко конфронтационном духе, и в нем изначально доминировала схема двухполюсного противостояния противоположных “лагерей”: “плутократии” и “мира ЭАМ и народной демократии”. Заявления о неотделимости буржуазно-демократического этапа “народной революции” от социалистического со всей очевидностью свидетельствовали об общественно-политических ориентирах руководства греческой компартии и возможных практических шагах в этом направлении. В тоже время внешнеполитические ориентиры Греции, по мнению КПГ, заключались в том, что “подлинно национальной внешней политикой” страны будет “демократическое взаимопонимание” с Великобританией, “политика тесного сотрудничества с Советским Союзом”, “разрешение в духе взаимопонимания” проблем с соседними странами и “тесная дружба и сотрудничество также с великой демократией Америки и французской республикой”. Большие надежды лидеры КПГ начали вновь возлагать и на роль внешнего фактора — СССР, который в сентябре 1945 г. попытался энергично вмешаться в складывающуюся в Греции ситуацию, потребовав созыва заседания Совета министров иностранных дел Англии, США, СССР, Франции и Китая. В случае удачной подобной встречи коалиция ЭАМ могла получить нема-

лые политические дивиденды и рассчитывать на равное с поддерживаемыми англичанами силами участие в формировании правительства страны. Лондон, в свою очередь, ориентировался на изоляцию лево-радикального крыла оппозиции и привлечение к сотрудничеству ее конструктивной части.

Вплоть до декабря 1945 г. в правящих кругах Греции проходил процесс перегруппировки различных политических сил. Используя создавшуюся ситуацию, компартия через ЭАМ попыталась начать проведение своей программы в действие. 30 ноября 1945 г. от имени блока Национально-освободительного фронта Г. Сяндос и ряд других его руководителей встретились с зампредом Совета министров Э. Цудеросом и министром иностранных дел И. Софьянопулосом, потребовав выполнения Варкизского договора. Шаг ЭАМ был расценен в верхних эшелонах страны как первый сигнал приближающихся решительных действий левых. Для того, чтобы снять напряжение они окончательно приняли решение о проведении 31 марта 1946 г. всеобщих выборов. Одновременно правительство приняло 11 декабря 1945 г. “Закон об амнистии”, содержание которого, хотя и было намного демократичнее предыдущих вариантов этого документа, все же было неприемлемо для ЭАМ и КПГ. Закон не легитимизировал приказы и распоряжения ПЭЭА, в соответствии с которыми партизаны ЭЛАС уничтожали созданные марионеточным правительством “Греческой политики” и оккупантами “охранные батальоны” и другие подобные формирования.

События в Греции внимательно отслеживались как в Лондоне и Вашингтоне, так и в Москве. Советское руководство, лишенное возможности вмешиваться в греческие дела столь же беззастенчиво, как и британское, не упускало случая поднять “греческий вопрос” как контраргумент на обвинения англо-американцев в адрес советской политики в Восточной Европе. Советская сторона, не желая “освещать” своим участием в международной комиссии по выборам в Греции возможные неблагоприятные для левых результаты, отказалась послать

представителей. Главным аргументом такого шага было отсутствие гарантий свободного волеизъявления.

Подготовка к выборам проходила в крайне политизированной атмосфере конфронтации между правыми и левыми. При этом каждая из сторон не скрывала своей решимости использовать при необходимости жесткий прессинг в отношении оппонентов. У правых и промонархических сил, однако, в этом противостоянии было одно преимущество — они могли опираться на государственные структуры и покровительство западных союзников. Позиция КПП в отношении предстоящих выборов и плебисцита была предметом специального рассмотрения II Пленума ЦК КПП, проходившего 12–15 февраля 1946 г. В соответствии с принятыми на нем решениями компартия отказывалась от участия в выборах на том основании, что их проведение в создавшейся ситуации невозможно, а результаты объявлялись уже изначально сфальсифицированными. На секретном заседании, состоявшемся сразу после Пленума, достаточно подробно рассматривалась альтернатива перехода к партизанской войне. Бойкот парламентских выборов было отрицательно воспринят рядом руководителей КПП, а также представителями левых партий из числа участниц ЭАМ. Однако это уже не имело значения. 22 марта 1946 г. Национально-освободительный фронт и Союз народной демократии подписали протокол о бойкоте выборов и участия в них, только в случае переноса даты их проведения на 2 месяца, а также при предоставлении гарантий свободы волеизъявления. Консультации, проведенные лидерами КПП и, в частности, её Генсеком Н. Захариадисом с рядом руководителей западноевропейских компартий, прежде всего Италии и Франции, выявили их крайне отрицательное отношение к возможности начала боевых действий, результатом которых, по мнению собеседников секретаря греческой компартии, могло стать усиление антикоммунистических сил. В тоже время советское партийно-государственное руководство также рекомендовало Политбюро КПП

принять участие в выборах. Ситуация в Греции развивалась на общем фоне ухудшения отношений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, постепенно переходившими в откровенную конфронтацию, получившую чуть позже название “холодная война”. Вероятно, именно конфронтационный характер международных отношений весны 1946 г. давал очередной повод руководителям греческой компартии и прежде всего Н. Захариадису надеяться на вооруженную помощь извне.

Первые серьезные вооруженные столкновения начались уже в день выборов — 31 марта. Захват населенного пункта Литохоро свидетельствовал о переходе противостояния КПП и властей в новое русло. В тоже время на самих выборах основная борьба развернулась между правыми, которых поддерживали монархисты и Либеральной партией, блокировавшейся с правоцентристскими политиками. В результате выборов первая коалиция получила 206 мест из 354. Их оппоненты, которые не представляли собой единого целого, а объединились лишь на время выборов, заняли остальные сто с небольшим мест. КПП и ЭАМ обвинили власти в массовых фальсификациях и подтасовках. Однако зарубежные наблюдатели охарактеризовали их положительно. Новым премьер-министром, сформировавшим правительство страны, стал Константинос Цалдарис — племянник лидера Народной партии в межвоенный период Панайотиса Цалдариса. Первым его шагом, что во многом объяснялось полученным сторонниками правых большинством в парламенте, было объявление о проведении 1 сентября 1946 г. плебисцита о судьбе монархии. В соответствии с результатами плебисцита, за процессом организации которого и проведением не наблюдала международная комиссия, оказалось, что за реставрацию монархии проголосовало 68% участвовавших в процедуре и 32% голосов было дано против. 27 сентября 1946 г. король Георгиос II прибыл в Грецию. Но царствование монарха продолжалось недолго — в апреле 1947 г. он скончался и на престол взошел его брат Павлос I. Результаты плебисцита фактически лишали

КПГ и ЭАМ последних шансов на достижение компромисса с властями, взявшими курс на подавление коммунизма в стране.

Проведенные правительством мероприятия — выборы и плебисцит, способствовали ухудшению положения в Греции. Участились вооруженные нападения правых и левых на своих оппонентов. Новый премьер-министр не был в состоянии ни по своим политическим воззрениям, ни по степени влияния в обществе проводить политику национального примирения, рассчитанную на нейтрализацию как крайне правых, так и крайне левых. На международной арене Греция превращалась в зону нестабильности, чреватую для всего Балканского полуострова крупномасштабным военно-политическим конфликтом. Москва, Лондон и Вашингтон использовали трибуну Организации Объединенных Наций в борьбе за свои интересы на Балканах. В тоже время пришедшее к власти в Греции правительство К. Цалдариса начало проявлять активность на внешнеполитическом направлении, усилив нажим на Албанию относительно территории Северного Эпира и греческого национального меньшинства, населявшего этот район. Определенные требования территориального плана выдвигались Афинами и в отношении Болгарии. Достаточно жестко ставился вопрос о передаче Греции Додеканезских островов, находившихся еще с 1911 г. под контролем Италии. Часть из греческих требований в достаточно жесткой форме была отвергнута ее соседями и прежде всего теми из них, кто пользовался поддержкой Советского Союза, помогавшего устанавливать местным балканским компартиям так называемые народно-демократические режимы.

Внутри Греции к осени 1946 г. начинало разворачиваться спорадическое партизанское движение, участники которого в подавляющем большинстве были членами КПГ и бывшими бойцами ЭЛАС. На территории Югославии были организованы военно-тренировочные лагеря для перешедших греко-югославскую границу бывших бойцов Национально-освободительной армии Греции и тех из них, кто в силу сложившихся обстоя-

тельств (репрессий со стороны властей по политическим и этническим мотивам) не мог оставаться в Греции. Югославское партийно-государственное руководство оказывало всемерную поддержку в материально-техническом и моральном планах этим людям, что делалось, также и по договоренности с руководством КПГ. Греческие власти обвинили Белград и Тирану (которая участвовала в подготовке и снабжении греческих коммунистических партизан) во вмешательстве во внутренние дела Греции. В ответ на это СССР в достаточно жесткой форме обвинил Афины в проведении широкомасштабных провокаций на греческой северной границе и использовал трибуну Организации Объединенных Наций для защиты своих союзников — коммунистические режимы на Балканах. Повторное обращение греческого правительства в ООН в декабре 1946 г. привело к созданию на одном из заседаний Генеральной Ассамблеи Специальной комиссии ООН по Балканам (UNSCOB).

26 октября 1946 г. было объявлено об образовании Главного командования партизан Демократической армии Греции (ДАГ), командующим которой стал член Политбюро ЦК КПГ Маркос Вафьядис, выступивший под псевдонимом “генерал Маркос”. К середине ноября 1946 г. вопрос о помощи из-за рубежа (на которую так надеялись в руководстве КПГ) продолжал оставаться неясным. Советская позиция на данном этапе заключалась в том, чтобы избежать подталкивания руководства КПГ к полномасштабным партизанским действиям. В определенной степени это являлось результатом нескольких составляющих. Международные условия, главным элементом которых была прямая вовлеченность Великобритании и стоявших за ней США в “греческие дела”, не позволяли Сталину и его окружению допустить втягивания СССР в конфликт на европейском театре, где позиции Москвы цементировались создававшимся блоком “народно-демократических” режимов. К тому же участие Советского Союза в гражданской войне в Китае на стороне местной компартии сдерживало советское руководство, которое

опасалось “распыления сил” в борьбе на два фронта. Таким образом, Москвой фактически была выбрана тактика “раскачивания маятника” в Греции с помощью наиболее сильного ее северного соседа — титовской Югославии.

Наступление нового 1947 г. было отмечено расширением партизанского движения и усилением его активности в северных провинциях страны и Эпире. Правительственные круги, со своей стороны, стремились не допустить вовлечения все большего числа недовольных и разочарованных экономической и политической ситуацией в стране граждан в откровенно антигосударственные формы борьбы. С этой целью проводились превентивные аресты сторонников КПГ и ЭАМ, чистки в армии офицеров, которые сочувствовали или могли сочувствовать компартии и в целом левому движению. Одновременно предпринимались как военные, так и социальные мероприятия, направленные на отрыв городского населения от сельского, что было особенно важно для развития партизанского движения. Особую значимость для вооруженной борьбы в Греции имела степень открытости ее северных границ, за линией которых находились страны с “народно-демократическими” режимами — Албания, Болгария и Югославия и сочувствие партийно-государственного руководства которых по отношению греческой компартии было очевидно.

Упрочение позиций коммунистических повстанцев в Греции; расширяющееся противостояние в Китае между местной компартией и силами Гоминьдана, которые поддерживались Западом; начавшееся в северном Иране вооруженное движение прокоммунистической ориентации, а также усиление Советского Союза в Восточной Европе рассматривались правящими кругами Великобритании и США как вполне очевидная перспектива создания “дуги нестабильности”, проходящей от Балкан до Дальнего Востока, к которой вполне вероятно было подключение и Апеннинского полуострова (имея в виду рост влияния Итальянской коммунистической партии в своей стране). Брита-

ния уже была не в состоянии в силу своего экономического положения осуществлять контроль над средиземноморским и переднеазиатским районами — традиционными сферами “жизненных интересов” Империи. 12 марта 1947 г. стало днем “смены караула” — президент США Трумэн заявил конгрессу о необходимости оказания помощи Греции и Турции. Причем в расчет брался идеологический фактор — сдерживаете коммунистической экспансии. Свобода Греции рассматривалась Трумэном как противодействие “вооруженному меньшинству” (КПП) диктовать свою волю в стране, которая объявлялась символом и примером борьбы для других народов, находившихся в коммунистическом лагере. 5 июня 1947 г. Госсекретарь США Дж. Маршалл выступил с программой экономического развития стран после Второй мировой войны, одним из главных элементов которой являлась американская финансовая и промышленная помощь государствам Европы. Сочетание политических и экономических инструментов было важным в реализации долгосрочных стратегических интересов. Идеологическое обоснование имело вполне конкретное объяснение — геополитические интересы Москвы и Вашингтона сходились в горячих точках Европы и Азии и апелляция политиков этих стран к таким понятиям как демократия и свобода являлась лишь формой прикрытия собственного вмешательства в дела третьих стран. 20 июня 1947 г. было подписано американо-греческое соглашение о помощи. В соответствии с ним Греция получила 300 млн. долларов.

“Доктрина Трумэна” применительно к греческим реалиям требовала усиления антипартизанских акций и подавления коммунистического восстания в стране. Однако в руководящих кругах Греции назревал раскол. Даже в среде представителей консервативных антикоммунистических патриотических кругов понимали, что страна превращается в арену противоборства иностранных сил, за что предстояло расплачиваться греческой кровью.

Стратегический план партизан на начальных стадиях движения заключался в том, чтобы принудить официальные греческие власти к переговорам с КПП/ЭАМ, но при этом иметь гарантии, что предложения (а точнее, требования) КПП будут приняты. Со своей стороны афинское правительство получило увеличивающуюся американскую финансовую и экономическую помощь, координатором предоставления которой стала Американская миссия помощи Греции (АМАГ). В греческие правительственные войска были прикомандированы американские военные советники, занимавшиеся обучением и планированием (разработкой) антипартизанских мероприятий. В ноябре 1947 г. был создан Объединенный греко-американский генеральный штаб, а в феврале 1948 г. в Грецию прибыл американский генерал Ван Флит, занявший пост начальника американской Объединенной группы советников и планирования (JUSMAPG).

К середине апреля 1947 г. планы руководителей КПП существенно радикализировались и заключались в том, чтобы Демократическая армия Греции установила в стране, “несмотря на трудности, народно-демократический строй и национальную независимость”. Перед М. Вафьядисом ставилась цель создания так называемой свободной территории “не только в гористых местностях, но и в основных, с точки зрения политико-экономического значения областях”. При этом особое значение, как отмечали партийные руководители, придавалось Македонии. Взятие Салоник, этой северной столицы Греции, было стратегической целью ДАГ, как она определялась И. Захариадисом. Такая настойчивость объяснялась тем, что северная область (Македония), граничившая с Югославией и Болгарией, должна была играть роль военно-политического плацдарма, после объявления ее повстанцами государством (нечто сходное со “Свободной Грецией” периода Соппротивления).

Тем временем в правящих кругах страны произошли изменения — 24 апреля 1947 г. пришло правительство Д. Максимо-са, которое сменило неспособное противостоять партизанам

правительство К. Цалдариса. Смерть 1 апреля короля Георгиоса и коронация его брата Павлоса I — человека решительного, вносила в соотношение сил в высших эшелонах власти определенные коррективы. Греческое правительство приступило к реализации военной операции “Терминиус”, нацеленной против партизан и ставящей цель окружения и уничтожения ДАГ в центральной Греции.

Решив усилить нажим на афинское правительство не только с помощью боевых операций ДАГ, но и политически, руководство КПГ приступило к реализации второй части плана. 27 июня на XI съезде Французской компартии член Политбюро ЦК КПГ М. Порфириогенис определил уже более конкретные цели и задачи греческой компартии: “Создание свободной демократической Греции во главе с собственным правительством и собственной государственной организацией. Для этого существовали и существуют ныне все необходимые объективные стратегические, военные, материальные, моральные, психологические и географические предпосылки”. Тезис возможного создания “Временного демократического правительства” не оставлял сомнений в решительности греческой компартии получить свою долю власти.

Официальные греческие власти прибегли к ряду операций, направленных на локализацию коммунистической активности. В начале июля были арестованы многие из членов ЦК КПГ, ЭАМ и левого движения — Аграрной партии, Социалистической партии и др.

Одновременно правительство Максимоса постаралось использовать также и переговоры с повстанцами, согласившись на проведение 12 июля 1947 г. встречи с представителями КПГ и ЭАМ для обсуждения возможных путей решения внутривнутриполитического конфликта, превратившегося в полномасштабную гражданскую войну. Однако делегаты компартии и Национально-освободительного фронта потребовали создания правительства, находящегося фактически под контролем ЭАМ и отказа-

лись от прекращения партизанской войны, заявив, что в случае невыполнения их ультиматума “народное движение будет вынуждено решительно отмежеваться и ориентироваться на усиление вооруженной борьбы и подготовку создания временного демократического правительства в свободной Греции”. Попытка мирного урегулирования кризиса, таким образом, оказалась сорванной.

Операции правительственных войск против ДАГ летом 1947 г. достигли своего пика, но благодаря предпринятому командованием партизан маневру повстанцы избежали окружения в районе Граммоса и перешли в Эпир. Неудача правительственных войск усилила разногласия в высших эшелонах королевского правительства между сторонниками “жесткого” и “мягкого” курса в отношении инсургентов. Точка зрения руководства КПГ и ДАГ относительно перспектив повстанцев была достаточно оптимистичной, а вопрос о создании собственного правительства был фактически уже решен. Компартия через командование ДАГ, возглавлявшееся “генералом Маркосом” — членом Политбюро ЦК КПГ, приступило уже к юридическому оформлению устанавливаемого партизанами общественно-политического режима. 10 августа 1947 г. в “Свободной Греции” командование повстанцев объявило о введении на контролируемой ими территории “Закона об организации народной власти” и переходе власти до момента образования Временного демократического правительства в руки Главного командования ДАГ. 17 августа был принят закон об аграрной реформе, похожий на те, которые существовали в “народно-демократических” странах — соседях Греции. Республиканский строй, ссылки на демократию и народовластие, заверения в уважении прав частной собственности — всё это не могло скрыть главного, — фактического раскола страны, проведения коммунистических реформ восточноевропейского образца, диктатуру КПГ, которая через свои структуры и ЭАМ проводила террор в отношении тех, кто остался верен принципам неделимости страны и признания един-

ственным законным представителем Греции афинского правительства.

Приход к власти в Афинах либерала Ф. Софулиса, сторонника политики “примирения” и “гражданского мира”, обнадёжил руководство КПГ. Однако уже на следующий день после того, как он стал премьер-министром, Софулис развеял иллюзии о том, что компартия сможет навязать свою волю властям. Требования премьера были жесткими: разоружение ДАГ, прекращение повстанческой деятельности. После выполнения этих условий гарантировалось проведение амнистии и примирения. 9 сентября 1947 г. главнокомандующий Демократической армии Греции М. Вафьядис отказался подчиниться требованиям правительства, но заявил о готовности участвовать в правительстве “национального примирения”, состоящего из всех задействованных в конфликте сторон. Таким образом, вновь, но на этот раз в завуалированной форме, было заявлено о претензиях КПГ на власть. Прошедший в сентябре 1947 г. очередной Пленум ЦК КПГ принял решение о создании собственного правительства повстанцев на севере страны в Салониках и расширении партизанской борьбы с целью нанесения окончательного поражения центральному правительству.

Тем временем на международной арене “греческий вопрос” оставался одним из главных. Выступления в Совете Безопасности ООН представителей вовлеченных в конфликт сторон — СССР, США и Британии отличались резкостью и взаимными обвинениями в нарушении демократических норм и экспансии. В самой Греции в начале ноября 1947 г. правительственные войска повели наступление в горном массиве Вици и Граммос, которое, однако, захлебнулось к началу декабря. Складывавшаяся на первый взгляд благоприятная для ДАГ ситуация в действительности была переломным моментом в противостоянии между правительственными войсками и партизанами. Силы последних были на исходе, а недостаток, испытываемый Демократической армией как в вооружении, так и амуниции, делал

ее заложницей амбициозных планов руководства КПГ. Общая численность партизан к первой половине 1947 г. едва достигала 18,5 тыс. человек, которым противостояли правительственные силы, составлявшие 180 тыс. человек, прекрасно вооруженные и оснащенные тяжелым вооружением, авиацией и артиллерией. Несмотря на явное неравенство сил противостоящих сторон (хотя и имевших перспективу роста) Н. Захариадис настаивал на создании собственного правительства, которое, по его расчетам могло получить официальную поддержку со стороны стран “народной демократии” и прежде всего СССР. Видя, что невозможно захватить северную столицу Греции — Салоники, Генсек КПГ поставил задачу взять под контроль г. Коница, находящийся на северо-западе страны в горном массиве недалеко от границы с Албанией. Накануне боев за этот город 23 декабря 1947 г. было создано Временное демократическое правительство (ВДП). Радио повстанцев “Свободная Греция”, базировавшееся в Белграде по взаимной договоренности между югославским партийно-государственным руководством и руководством КПГ и нелегально вещавшее с югославской территории, объявило о его создании в Рождество (25 декабря) 1947 г. Поражение ДАГ под Коницей не повлияло на оптимистическую тональность прогнозов Генсека КПГ Н. Захариадиса. В ответ на создание ВДП афинское правительство приняло 27 декабря специальный закон № 509 “О мерах безопасности государства, государственного строя и защите гражданских свобод”, в соответствии с которым КПГ и ЭЛМ объявлялись вне закона, а 7 января 1948 г. все члены компартии, находившиеся на государственной службе, увольнялись в принудительном порядке. Создание ВДП, в котором не было ни одного представителя других, за исключением КПГ, партий Национально-освободительного фронта, с самого начала рассматривалось оппонентами повстанцев как действие, направленное на установление в стране в конечном счете в случае их победы коммунистического режима. Однако легализация на международной арене парти-

занского правительства наталкивалась уже изначально на непреодолимые трудности, обусловленные во многим нажимом западных стран на восточноевропейские коммунистические режимы и СССР — главную надежду руководства КПГ. Советский Союз был не в состоянии признать ВДП из-за опасений легализации, в таком случае, оппонентов “народно-демократических” режимов в Восточной Европе из числа эмигрантских правительств.

Стремление греческой компартии интенсифицировать партизанское движение вело к использованию и “этнической карты” в лице славянского населения греческой части Македонии. Учитывая чувствительность греческого общества к так называемому македонскому вопросу сам факт обращения к нему со стороны КПГ уже отталкивал многих, даже нейтрально настроенных или сочувствующих партизанам людей, от поддержки ДАГ.

В начале 1948 г. тактика ДАГ претерпела серьезные изменения по настоянию Генсека КПГ Н. Захариадиса. На повестку дня стал вопрос превращения ее в регулярную армию, ведущую не партизанскую, а конвенциональную фронтальную войну. В условиях начала 1948 г., когда Демократическая армия насчитывала 26 тыс. человек и имела на вооружение лишь стрелковое оружие (не считая легкие горные орудия), а в противостоящей ей правительственной армии было 350 тыс. военнослужащих, имелось американское оснащение, включая артиллерию и авиацию, говорить о проведении успешных войсковых операций со стороны даговцев не приходилось.

К лету 1948 г. в самом руководстве греческой компартии произошел конфликт между Генсеком КПГ Н. Захариадисом и командующим ДАГ М. Вафьядисом. В его основе лежали как разногласия по конкретным вопросам стратегии и тактики вооруженной борьбы партизан (прежде всего, преобразование Демократической армии в регулярную) и но политическим проблемам (откровенно коммунистический состав ВДП), так и

персональные амбиции двух деятелей. Этот конфликт закончился изгнанием “генерала Маркоса” с поста командующего и исключением его из партии с последующей депортацией в СССР.

Международные аспекты гражданской войны в Греции к 1948 г. начинали играть всё большую роль. Присутствие на Балканах американцев, непосредственно вовлеченных во внутриполитический конфликт в Греции, ослабляло позиции СССР в этом регионе. Гражданская война становилась отрицательным фактором для “большой” политики Кремля. Поэтому в разговоре с югославскими представителями зимой 1948 г. И. Сталин просил передать “греческим товарищам”, что партизанскую войну надо заканчивать. В тоже время сам он не заявлял об этом непосредственно руководству КПГ, не желая брать на себя всю ответственность за подобное решение. Видя, что советская позиция передается через “вторые руки”, руководители греческой компартии вполне справедливо полагали о рекомендательном, но не директивном характере высказываний Сталина. Более того, они убедили руководство компартии Югославии в положительном исходе Гражданской войны уже в 1948 г. Положение на Балканах к лету 1948 г. начало претерпевать уже серьезные изменения, главным из которых становился советско-югославский конфликт. Для КПГ этот новый фактор международной политики имел в перспективе угрожающие последствия, так как именно Югославия осуществляла главную помощь повстанцам. Боевые действия требовали концентрации больших усилий, тем более, что возможная альтернатива: или Тито или Сталин (хотя и чисто гипотетическая) заставляла отвлекаться от конкретных задач. Выбор в пользу Сталина, сделанный руководством КПГ, был во многом обусловлен историческими и конкретно-политическими условиями.

Однако ситуация развивалась в это время не по планам Политбюро ЦК КПГ. Афинское правительство готовилось к нанесению решительного удара по повстанцам. Задачей операции

“Коронис” (“Вершина”), разработанной греческим генеральным штабом совместно с американскими советниками, было уничтожение партизан летом 1948 г. в районе Западной Македонии, а осенью — на Пелопоннесе и остальной Греции. В то же время военно-стратегическое планирование отставало от реальных возможностей правительственной армии. 16 июля выявилась невозможность окончательно разбить силы ДАГ в районе Коницы и Граммоса. Наступление которым командовал генерал-лейтенант Калогеропулос, было прекращено.

Осенью 1948 г. в Варшаве прошло секретное консультативное совещание представителей восточноевропейских компартий и министерств обороны этих стран с представителями греческой компартии и ДАГ. На нем определялись дальнейшие шаги военно-технической и материальной помощи партизанам. В то же время выявилось, что на позиции стран Восточного блока во многом испытывают влияние как всё большего нажима, оказываемого со стороны Запада, так и явного нежелания Москвы усугублять конфликт на Балканах в момент, когда Югославия оказалась вне границ “народных демократий”, а ее поведение становилось всё труднее спрогнозировать.

Ситуация в самой Греции характеризовалась нарастанием для КПГ неблагоприятных моментов в военно-стратегическом плане. В политическом отношении правительство Ф. Софулиса испытывало трудности в привлечении на свою сторону как левых, так и правых политиков и пыталось объединить противоположные политические силы в рамках “национального представительного правительства”. Характерной особенностью создавшегося с осени 1947 г. положения, было выдвижение на первый план борьбы с коммунизмом в Греции центристских сил, олицетворявшихся партией либералов, которую поддерживали США. В то же время монархическая группировка, представителем которой был К. Цалдарис, несмотря на ограниченное участие в правительстве Софулиса, стремясь ослабить позиции ставленников американцев — либералов и других цент-

ристов, была склонна добиться определенного компромисса даже со своим врагом — греческой компартией. В середине января 1949 г. в результате очередного переформирования кабинета премьер-министром вновь стал Ф. Софулис, а министерские посты заняли К. Цалдарис, С. Венизелос, Г. Папандреу, П. Канеллопулос, Сп. Маркезинис, К. Караманлис, Ст. Стефанопулос, К. Цацос и Эв. Авероф. Правительство вновь занялось поиском решительных мер подавления партизанского движения в стране. Ставка на военных, особенно ту их часть, которая была связана с американцами, усилилась. Верные режиму войска были увеличены до 251,5 тыс. человек. Планы греческого Генштаба заключались в осуществлении трех последовательных операций: уничтожении сил ДАГ в районе Морей, Румелии и Фессалии, Македонии и Эпира. Несмотря на неблагоприятно складывающиеся для греческой компартии обстоятельства, ее руководство продолжало ориентироваться на ведение фронтальных операций, осуществление которых в конечном счете могло закончиться непосредственным уничтожением ДАГ или окружением ее сил в гористых областях, откуда они могли уйти только в соседние страны Восточного блока. В противном случае они планомерно уничтожались бы авиацией правительственных войск. В то же время Н. Захариадис и прежде всего узкая группа, начавшая занимать ключевые посты в КПГ и ДАГ (или укреплять свои прежние позиции) ставили на повестку дня вопрос о победе партизан в обозримом будущем и видели перспективы борьбы КПГ и Демократической армии в весьма оптимистических тонах. На прошедшем 30–31 января 1949 г. в Граммосе V Пленуме ЦК КПГ эти оценки и курс “на разгром монархофашизма” был поддержан, хотя силы партизан фактически оказались блокированы в горах, а преимущества положения правительственной армии, оснащенной американским вооружением и пользующейся услугами военных советников американской армии были очевидны. Еще одним фактором, влиявшим на партизанское движение в Греции было

ухудшение отношений между руководством греческой компартии и югославским партийно-государственным руководством. Так называемый коминформовский конфликт, в котором Югославия оказалась одна против стран “народной демократии” и СССР, имел для КПГ негативные последствия, так как ей пришлось перейти в стан оппонентов КПЮ. Имея в виду роль и значение Югославии в поддержке ДАГ легко представить дальнейший ход событий. В условиях Балкан не мог быть не задействован и этнический аспект — стремясь получить максимальную поддержку со стороны славянского населения греческой части Македонии, руководство КПГ пошло на беспрецедентный шаг, объявив 1 марта 1949 г. через радиостанцию повстанцев “Свободная Греция” об официальном признании независимости Македонии (без уточнения какой из частей этой области именно, но имея в виду Эгейский район). Со стороны Югославии такой жест был воспринят как откровенно враждебный, так как в соответствии с официальной югославской точкой зрения существовало только одно Македонское государство — республика в составе Югославской Федерации, а остальные части этой территории должны были инкорпорироваться в уже созданное государство. В Греции факт объявления Эгейской Македонии независимым государством рассматривался подавляющим числом греков как акт национального предательства и окончательная потеря влияния КПГ и ДАГ в обществе была неминуема. Более того, и в самой греческой компартии, и в Демократической армии нашлись многие недовольные подобным шагом руководителей КПГ.

К концу апреля 1949 г. военно-политическая ситуация в Греции складывалась уже окончательно в пользу афинского правительства. Попытки Н. Захариадиса и его окружения усилить мобилизационные мероприятия среди населения районов, находящихся под контролем ДАГ, не увенчалось успехом. Соотношение сил партизан и правительственных войск свидетельствовало о подавляющем превосходстве последних: 20 тыс.

бойцов ДАГ противостояло 300-тысячная национальная армия. К тому же реализация оперативно-тактического плана Захариадиса, заключавшегося в концентрации основных сил партизан в районе Граммоса и Вици, вела к постепенной их блокаде, окружению и уничтожению. Помимо всего прочего коммунистическое восстание в Греции совпало на своем последнем этапе с внутрикоминформовским конфликтом и руководство КПГ становилось в этой связи заложником в борьбе между Белградом и Москвой. Разрабатывавшиеся в Лондоне и Вашингтоне планы свержения коммунистического режима Э. Ходжи в Албании (о чем знали в Москве) заставляли советское партийно-государственное руководство принимать меры, чтобы обезопасить позиции СССР в Восточной Европе, избегая очевидных авантюр вне своего “домена”. Поэтому уже в апреле 1949 г. Кремль потребовал от руководства КПГ прекратить войну в течение мая текущего года и добиться в любой форме урегулирования вопроса без катастрофических последствий для греческой компартии и повстанцев. Со своей стороны Советский Союз попытался подкрепить данные рекомендации своими дипломатическими шагами в рамках ООН. Однако попытка мирных переговоров между СССР, США и Великобританией оказалась неуспешной, так как каждая сторона выдвигала по мнению противоположной неприемлемые условия. К тому же в Вашингтоне и Лондоне рассчитывали на окончательную ликвидацию партизан уже в ближайшее время и не видели смысла давать какие-либо возможности проигравшей стороне в лице КПГ и ДАГ, которые рассматривались не иначе как “рука Москвы” в Греции. Тем временем Югославия, являвшаяся одним из главных закулисных участников греческой Гражданской войны, была вынуждена закрыть свои границы с Грецией, чтобы избежать нажима Запада, обвинявшего, и не без основания, Белград в предоставлении военно-технической помощи и убежища повстанцам на своей территории. Аналогичный шаг был сделан и Албанией. Но в КПГ обратили внимание и активизировали пропаганду по

вполне понятным причинам именно “югославского предательства”. И. Тито, оказавшийся один на один и с Западом и Востоком, был вынужден исходить из вполне конкретных реалий. По стратегическим и тактическим интересам он не мог обострять отношения с соседними странами, к какому бы блоку они не относились. Более того, улучшение отношений с США и Великобританией объективно способствовало бы усилению позиций Югославии в регионе.

Несмотря на явно вырисовывающуюся перспективу поражения, руководство КППГ во главе с Н. Захариадисом продолжало рассматривать вполне серьезно планы нанесения ударов по правительственным силам в районе Граммоса и Вици — последней цитадели ДАГ. В свою очередь греческая правительственная армия предприняла отвлекающий маневр, рассчитанный на то, чтобы создать у командования повстанцев впечатление, что главный удар придется на Граммос, а лишь затем на Вици. Этот план греческого Генерального штаба удался — Военный Совет ДАГ в начале августа 1949 г. уже окончательно считал, что началась “битва за Граммос”. 10 августа правительственные войска неожиданно для руководства КППГ и партизан нанесли удар по Вици и 13 августа захватили этот неприступный, как заявлял о нем постоянно Захариадис, оплот ДАГ. Последующие атаки на Граммос и переход национальной армии к фронтальному наступлению были нацелены на то, чтобы отсечь партизан от спасительной для них греко-албанской границы. Понимая, что в случае продолжения сопротивления оставшиеся подразделения Демократической армии будут окружены и уничтожены, Захариадис был вынужден дать приказ о переходе границы и эвакуации в Албанию. 28 августа повстанцы получили этот приказ Н. Захариадиса и в массовом порядке стали уходить в соседнюю страну. Оставшиеся партизаны недолго продолжали сопротивляться и некоторые из них с боями перешли в Югославию. Поражение греческой компартии стало очевидным фактом. Для более чем 57 тыс. человек — партизан и

членов их семей начались годы эмиграции, а для руководства КПГ встал вопрос о дальнейших действиях.

Для внутривнутриполитического положения Греции окончание Гражданской войны означало уход из легальной политической жизни одного из крупных и активных ее участников — Коммунистической партии Греции, которая в силу сложившихся обстоятельств фактически патронировала левому движению в стране. Победа правых сил, однако, не принесла умиротворения греческому обществу, которое оказалось расколотым на победителей и побежденных. В то же время, со всей очевидностью выявилась невозможность для оппозиционных властям сил решения спорных вопросов с помощью методов военного давления или в открытой Гражданской войне.

Поражение КПГ в Гражданской войне изменило расстановку сил на Балканах, усилив позиции стран Западного блока в регионе. Коммунистические режимы, находившиеся под покровительством Советского Союза, столкнулись с очевидной и неприятной для них реальностью: западные державы приступили к созданию военно-политического союза государств, хотя и имевших во многом различные интересы, но противостоящие коммунистическому и советскому влиянию.

3. Греция в годы реконструкции и модернизации.

Окончание Гражданской войны в августе 1949 г. изменило политический мир Греции. Сложившаяся в годы конфликта правящая коалиция, сформированная во многом благодаря американской поддержке, включала представителей популистов и либералов. Правительства, возглавляемые восьмидесятилетним Ф. Софулисом, оказались более стабильными и долговечными чем те, которые образовывались исключительно из представителей популистов под руководством К. Цалдариса. После смерти на 88-ом году жизни Софулиса в июне 1949 г. его место

заял А. Диомидис, также возглавлявший коалиционное правительство, состоящее из представителей Народной и Либеральной партий. Его существование было недолгим — только до января 1950 г., когда был распущен парламент и образовано служебное правительство И. Теотокиса. Несмотря на сравнительно недавнее окончание боевых действий, в феврале 1950 г. было отменено военное положение в стране, а на март того же года были назначены очередные парламентские выборы, проведение которых предусматривалось на пропорциональной основе.

Политические силы Греции к весне 1950 г. представляли достаточно пёструю картину, что являлось результатом завершившейся Гражданской войны. Крупнейшими и наиболее влиятельными партиями были Народная и Либеральная, считавшиеся главными конкурентами на политической арене страны. Левый спектр, занимавшийся ранее греческой компартией, был поделен между несколькими организациями. Среди них главную роль играла созданная генералом Н. Пластирасом левоцентристская Партия прогрессивного либерального центра (КППК). К предстоящим выборам она блокировалась с Демократической прогрессивной партией (ДПК), возглавлявшейся Э. Цудеросом (известным политиком межвоенного периода и бывшим премьер-министром греческого эмигрантского правительства в годы Второй мировой войны). Именно эти две партии составили лево-центристскую коалицию, трансформировавшуюся впоследствии в партию Национального прогрессивного союза центра (ЭПЭК). Левее этого объединения был блок, представленный объединением Демократический лагерь, в который вошли Союз Демократических левых, возглавляемый И. Софьянопулосом, занимавшим некогда пост министра иностранных дел в послевоенном правительстве Пластираса; Социалистической партией — Союзом народной демократии, руководимой профессором А. Сволосом, бывшим председателем партизанского замовского правительства ПЭЭА в годы Второй мировой войны и Партией левых либералов, возглавлявшейся

генералом Н. Григориадисом, известным участником антифашистского Движения Сопротивления. Демократический лагерь пользовался благосклонностью КПГ и испытывал на себе ее идеологическое и политическое влияние. По своим подпольным каналам руководство греческой компартии, находившееся в Румынии, осуществляло контакты с отдельными представителями блока. Всего же накануне выборов 5 марта 1950 г. в Греции оформилось 44 партии из которых 25 создали 9 объединений в форме блоков.

Уже в ходе выборов стало ясно, что ни один из них, не говоря об отдельных партиях, не был в состоянии получить большинства, несмотря на использовавшуюся пропорциональную систему выборов. Народная партия получила 18,8% голосов, Либеральная — 17,2%, ЭПЭК — 16,4%, а партия, которую возглавлял бывший премьер-министр Греции Г. Папандреу (называвшаяся его именем после переименования из Демократической социалистической) — 10,7%. Результаты голосования со всей очевидностью показали диверсификацию политических предпочтений греков после Гражданской войны — ни левые, ни правые не получили большинства. Усиление центристского направления в общественно-политической жизни страны свидетельствовало об определенной усталости греков от крайних, полярных идейно-политических сил ещё в годы Гражданской войны. Но в то же время оказалась живучей лево-социальная направленность в общественном мнении Греции, использовавшаяся в предыдущие периоды местной компартии. Из 250 мест в парламенте 62 было отдано Народной партии, небольшие правые партии получили 24 места. Центристы в лице либералов, ЭПЭК и Г. Папандреу обладали 136 местами. Сложившаяся в стране ситуация ставила на повестку дня вопрос об образовании коалиционного правительства, основной составляющей которого становились центристы. Такое правительство имело своей задачей стабилизацию политического и экономического развития Греции. Более того, от возможности его создания за-

висела и предоставляемая США экономическая помощь — существенный фактор экономической стабилизации. Со своей стороны руководство греческой компартии, не удовлетворенное слишком “буржуазным” характером ЭПЭК, стало крайне негативно оценивать как само это объединение, так и его лидера — генерала Н. Пластираса. Не удержавшись долго у власти, последний ушёл в августе того же года в отставку, уступив место С. Венизелосу, опиравшемуся на поддержку нескольких партий — Либеральной, Народной и группы Г. Папандреу. Однако эта коалиция оказалась недолговечной и уже в ноябре 1950 г. Народная партия отказалась от поддержки премьера, что было сделано и Г. Папандреу в июле 1951 г.

К началу 50-х гг. в политической жизни Греции активизировались военные, которые, помимо прямого участия в партийной борьбе (пример отставных генералов Пластираса и Григорадиса), принимали участие в подпольной деятельности тайной организации правого антикоммунистического толка — “Священном союзе греческих офицеров” (ИДЭА), созданном в конце октября 1944 г. Рост рядов этой военно-политической группировки усилился в годы Гражданской войны (в 1946 г. она насчитывала 1100 человек, в 1947 г. — 1700, в 1948 г. — уже 2500 членов). Как сама организация, так и отдельные ее члены пользовались поддержкой со стороны многих право-консервативных политиков. Именно тогда ИДЭА начал активный процесс инфильтрации в наиболее важные структуры военного аппарата страны, имевшие отношение к политическим вопросам — Генеральный штаб и штабы отдельных видов, родов и подразделений вооруженных сил. В соответствии с программными установками “Священного союза греческих офицеров”, содержащимися в секретном приказе №8 от 14 июля 1949 г., ИДЭА ставила цель провести серьезные социально-политические изменения в Греции, путем оказания нажима на гражданских политиков и через инфильтрацию в государственный аппарат страны (как гражданскую, так и военную его части).

Характер этих реформ носил ярко выраженный антикоммунистический (в целом антилевый) право-консервативный характер, дополнявшийся местными греческими специфическими чертами. В тоже время кроме общих декларативных положений программа ИДЭА не содержала систематического плана переустройства.

Политическая нестабильность, вызванная новым правительственным кризисом в августе 1950 г., в результате которого Н. Пластирас покинул пост премьер-министра и к власти пришел С. Венизелос, затрагивала различные группы правящей элиты. Очевидная левизна генерала-центриста и его последователя — Венизелоса, стремившихся достичь общенационального компромисса, рассматривалась тайной организацией греческих офицеров как перманентная угроза для внутривластных условий и связям страны с ее стратегическими союзниками, главным из которых были США. Со своей стороны король Павлос I с тревогой наблюдал за расширением полномочий маршала А. Папагоса, назначенного главнокомандующим греческой правительственной армией в 1949 г. на заключительном этапе Гражданской войны. Рост политического влияния “героя албанской эпопеи” 1940–41 гг., победителя повстанцев в недавнем внутривластном конфликте, был особенно заметен среди вооруженных сил и офицерства. Греческий король опасался возможных силовых действий со стороны маршала вплоть до установления его личной диктатуры под прикрытием института монархии, но при фактическом ослаблении этого института. Такое развитие событий могло серьезно повлиять на позиции самого короля Павлоса I. В этом противоборстве, имевшем характер скрытой борьбы, каждая из сторон опиралась как внутри страны, так и за ее пределами на определенные силы. Монарха поддерживали гражданские политики правого и центристского толка, а за рубежом — британские политики и британский королевский двор. У А. Папагоса оказались более сильные друзья и соратники — ИДЭА, с которой он был

связан с конца 40-х гг. и американцы, видевшие в нем “сильного человека”, способного обеспечить стабильность в стране и поддержать ее курс на военно-политическое партнерство с Вашингтоном в районе Средиземноморья. Противостояние между различными группами правящих кругов страны Греции к весне 1951 г. усилилось до такой степени, что центристское правительство С. Венизелоса попыталось нейтрализовать Папагоса, проведя переговоры с Павлосом I относительно возможности ареста маршала. Однако любое силовое решение проблемы могло серьезно сказаться на процессе оформления и структуризации гражданской власти после пяти лет Гражданской войны. Это понимали все участники разворачивавшегося конфликта. Всё отчетливее вырисовывалась перспектива вовлечения А. Папагоса в политическую деятельность, но занимавший ими пост главнокомандующего греческими вооруженными силами не позволял заниматься какими-либо политическими делами. В мае 1951 г., несмотря на имевшуюся поддержку со стороны ИДЭА, Папагос решил подать в отставку. 30 мая 1951 г. он сообщил о своем решении в Генеральном штабе. Важность этого события была столь велика, что окончивший свою работу в этот день Высший военный совет армии собрался вновь, а его члены — генерал-лейтенанты принялись за обсуждение возможных последствий. Среди главных причин беспокойства генералитета было возможное падение влияние вооруженных сил в образовывавшейся властной триаде монархия-парламент-армия и перспектива понижения роли последней в принятии политических решений. Стремясь избежать силовых действий, они направили к А. Папагосу делегацию, которая попросила его забрать свое заявление об отставке обратно. Одновременно они обратились к С. Венизелосу с предложением не удовлетворять просьбу маршала. Однако решение, принятое Папагосом, было, как показали дальнейшие события, окончательным и не подлежащим отмене. События начали развиваться 30–31 мая 1951 г. очень динамично. В 22 ч. 15 мин.

афинское радио передало сообщение об отказе А. Папагоса забрать свое заявление об отставке. Руководящие члены ИДЭА из числа старших офицеров и генералов увидели опасность победы противников Папагоса, являвшегося символом армии и выразителем интересов ее кадрового ядра. В ночь с 30 на 31 мая 1951 г. руководитель “Священного союза” Ал. Христасеас и группа его единомышленников — членов ИДЭА, предприняла попытку военного переворота, результатом которого, на первый взгляд, должно было стать восстановление на службе А. Папагоса и устранение каких-либо противоречий между маршалом и Павлом I. Начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Григоропулос, поставленный перед фактом своего ближайшего ареста, обратился к А. Папагосу с просьбой подействовать на заговорщиков и вернуть войска в казармы. В 6 ч. 30 мин. 31 мая маршал прибыл в Генеральный штаб и потребовал прекратить какие-либо возможные действия армии. Основных соображений, которым руководствовался Папагос в сложившейся ситуации, было два: во-первых, нежелание, устраивать внутривнутриполитический конфликт после пяти лет Гражданской войны (что, по сути, означало бы катастрофу для страны) и, во-вторых, стремление не допустить ослабления международного статуса Греции как государства, где возможны антиконституционные действия. Со своей стороны ИДЭА, столь решительно поддержавший маршала, имел, как заявлялось об этом на проводившемся поспешно следствии якобы особый план. Его основу составляли два пункта: 1) создание правительства во главе с архиепископом — главой греческой православной церкви, который своим “присутствием во власти” должен был выполнять не только премьер-министерские функции, но и являться прикрытием для военных правителей, обладавших властью; 2) сохранить за А. Папагосом пост главнокомандующего греческими вооруженными силами, что гарантировало бы армейским кругам их место в общественно-политической жизни страны. Однако подлинное содержание планировавшихся действий было обнародовано

лишь в начале 70-х гг. одним из участников и организаторов событий 30–31 мая 1951 г. — генерал-лейтенантом запаса Г. Куруклисом, заявившем, что заговорщики хотели создания коалиционного правительства (в котором, фактически, доминировали бы правые) и проведение выборов по мажоритарной системе (что дало бы, как они полагали, возможность Народной партии, несмотря на незначительный отрыв от ее конкурента — либералов, получить подавляющее большинство и лишит левоцентристов шансов прихода в парламент). А. Папагосу в данной ситуации отводилась роль “верховного правителя”. Однако план был сорван самим маршалом, решившим отказаться от каких-либо незаконных действий по, как уже об этом говорилось выше, внутри и внешнеполитическим соображениям. Общая атмосфера в стране и сильные позиции офицерского корпуса, настроенного резко антикоммунистически, не позволила провести судебный процесс над заговорщиками в частности и распустить “Священный союз греческих офицеров”, в целом.

События в мае 1951 г. продемонстрировали и новые качественные изменения в политической культуре Греции, произошедшие после Второй мировой и Гражданской войн. Главными из них стали вновь окрепшие позиции армии в политике, усиление института монархии и представительной демократии в лице парламента. Несмотря на ярко выраженный антикоммунистический и антилевый настрой правых кругов страны и армии, левоцентристское и даже откровенно левое направление политического мира Греции продолжали пользоваться поддержкой в обществе. В августе 1951 г. впервые в послевоенной истории государства была создана и официально зарегистрирована левая партия — Единая Демократическая левая (ЭДА), чьи связи в кадровом и идеологическом отношении с потерпевшей поражение и запрещенной КПП не вызывали сомнений у греческих политиков. Процесс ее образования обуславливался как недовольством эмигрантского руководства греческой компартии, чья штаб-квартира находилась в Бухаресте, неустойчивостью офор-

мившегося перед парламентскими выборами 1950 г. объединения Демократический лагеря, так и стремлением единомышленников компартии из числа левоориентированных политиков и общественных деятелей размежеваться с левоцентристской партией Н. Пластираса ЭПЭК, созданной из существовавшего ранее предвыборного объединения с подобным названием.

К осени 1951 г. политический мир Греции существенно диверсифицировался, что объяснялось изменениями в общественно-политической жизни государства, где политические пристрастия и настроения распределялись уже в поддержку правого, центристского и левого направлений. Изменения в социальном составе населения Греции, обусловленные развитием хозяйственной и экономической активности, когда проходил процесс модернизации страны т.е. превращения ее в современное индустриальное государство, усиливали роль появлявшихся средних слоев. Именно этот факт придавал центристам и левым особую силу, но в тоже время, определенная патриархальность, традиционность и даже консервативность поддерживали значение правых как в политическом, так и социальном отношениях. После своего ухода со службы, маршал А. Папагос объявил о своем желании заниматься политикой, обосновав этот шаг стремлением способствовать достижению политической стабильности, с тем, чтобы впоследствии добиться и поступательного экономического роста. Вскоре им была создана партия Греческий Сбор, занявшая место на правом фланге. Фактически старая партийно-политическая элита правого толка получила нового вождя в лице Папагоса, ставшего лидером “новых правых” в Греции. К нему перешла большая часть политиков и кадров некогда мощной и влиятельной Народной партии. Существенную помощь маршалу оказывала и союзная ему Партия национального единства, во главе с Ст. Стефанопулосом и П. Канеллопулосом.

Центристский спектр греческой внутриполитической арены был занят Национальным прогрессивным союзом центра

(ЭПЭК), который возглавлялся отставным генералом Н. Пластирасом. Таким образом, существовавшая ранее партийная полифония, когда в выборах 1950 г. участвовало 44 партии, 25 из которых были объединены в 9 объединений, уступила место более структурированной партийно-политической системе, что во многом являлось проявлением изменений, произошедших в политических и общественных настроениях греков. Продолжавшееся сохраняться у власти правительство С. Венизелоса было неспособно проводить курс на политическую и хозяйственную модернизацию в крайне нестабильной обстановке противоборства между новыми политическими силами, оформившимися в три основные партии.

С тем, чтобы положить конец неопределенности и получить фактически мандат на создание правительства большинства власти пошли в сентябре 1951 г. на проведение парламентских выборов, о которых было объявлено в начале лета. Они состоялись 9 сентября 1951 г. по мажоритарной системе и в них приняли участие 9 политических партий. Однако основная борьба развернулась между Греческим Сбором маршала А. Папагоса, ЭПЭК генерала Н. Пластираса, Либеральной партией и ЭДА. Из 258 мест в парламенте 114 принадлежало сторонникам Папагоса, 74 — ЭПЭК, 57 — либералам и 10 — ЭДА. Каждая из четырех партий выступила в виде центров притяжения конкретных социальных и политических сил. Греческий Сбор, политическая программа которого во многом напоминала Объединение французского народа французского генерала-президента Де Голля, выражала интересы той части населения, которая ориентировалась на стабилизацию политической ситуацию в стране, традиционалистские ценности, “персональный вождизм”. Лево-центристский Национально-прогрессивный союз центра генерала Пластираса (ЭПЭК) являлся в определенной степени наследником венизелистских традиций, но с сильным элементом социальности в своих программных установках. Политическая программа Единой демократической левой (ЭДА) повто-

ряла многие, если не большинство идейно-политических принципов КПГ, с той лишь разницей, что не заявляла открыто о конечной цели — построение социализма в Греции. Используя исторические аналогии и историческую память греков о периоде Движения Сопротивления, когда ЭАМ/ЭЛАС являлись ведущей военно-политической силой страны, коллективное руководство ЭДА делало акцент на необходимость продолжения социальных традиций Национального Сопротивления. Более того, включение в списки кандидатов деятелей ЭАМ/ЭЛАС, находившихся в заключении или подвергавшихся репрессиям со стороны властей (как, например легендарного командующего ЭЛАС генерала Ст. Сарафиса) лишь усиливало этот аспект. Поддержку ЭДА оказывали представители средних городских слоев и жители тех районов Греции, где было сильно влияние Национально-освободительного фронта в годы войны. Со своей стороны, используя имеющиеся в ее распоряжении средства пропаганды, прежде всего вещавшей с территории Румынии партийной радиостанции “Голос правды”, руководство КПГ выдвинуло лозунг “Что Пластирас, что Папагос!”, отказавшись от того, чтобы рассматривать Пластираса союзником ЭДА. Объективно же подобная коалиция могла существенно изменить картину политического ландшафта Греции.

Несмотря на очевидную победу на прошедших выборах А. Папагос не смог сформировать правительство большинства, состоящее исключительно из представителей Греческого Сбора, что было обусловлено отсутствием подавляющего большинства представителей этой партии в парламенте. В связи со сложившейся ситуацией лидер партии обратился к королю Павлосу I с просьбой дать согласие на проведение новых парламентских выборов. Однако монарх, увидев для себя опасность усиления Папагоса, а также вероятность широкомасштабного политического кризиса из-за неизбежного противостояния между правыми и возможной объединенной группировкой центристов и левых, отказал маршалу. Это способствовало появлению коали-

ционного правительства из представителей ЭПЭК и Либеральной партии, во главе которого стал генерал Н. Пластирас, вскоре ушедший по состоянию здоровья в отставку. Его заменил на посту премьер-министра С. Вензелос. Таким образом, ситуация, сложившаяся накануне выборов и ставшая причиной их проведения, вновь повторилась, но в новых условиях: политический мир Греции оказался более структурированным чем ранее и все три спектра политической арены от правого до левого были заняты конкретными организационно оформленными силами — ответственными партиями.

Со своей стороны, парламент принялся за рассмотрение возможности редакции конституции страны, которая формально (после восстановления в 1935 г. монархии) действовала с 1911 г. лишь с небольшим перерывом 1927–1935 гг., когда существовала республиканская конституция. В январе 1952 г. обновленный вариант конституции вошел в силу. В новом основном законе страны заявлялось, что существование внутренней угрозы является причиной введения чрезвычайного положения и отмены всех гражданских прав и свобод. Не менее важным элементом этого документа было объявление запрета на проведение государственными служащими стачек и демонстраций. В тоже время в силе продолжали оставаться все принятые в годы Гражданской войны законы, направленные против коммунизма и его последователей в стране. Не произошла отмена обязательных разрешительных справок с целью подтверждения лояльности, выдаваемых полицией тем, кто собирался получить заграничный паспорт, устраиваться на государственную службу, поступать в высшее учебное заведение или получать водительские права. Несмотря на попытки смягчения ряда законов во имя “национального примирения”, в действительности большинство из них продолжало функционировать. Более того, был реанимирован предвоенный закон, в соответствии с которым 13 пограничных округов Греции на севере страны, население которых составляло свыше 1,5 млн. Че-

людей, были фактически отданы под административный контроль военных, что, помимо всего прочего, создавало возможность для правых рассчитывать на голоса избирателей этих территорий.

Внутриполитическое положение вызывало пристальное внимание к нему со стороны США, которые усиливали свое присутствие в Средиземноморье и рассматривали Грецию как особо ценный элемент своей военно-стратегической системы в районе Ближнего и Среднего Востока. Политическая нестабильность страны влияла и на размер американской финансовой помощи, игравшей значительную роль в реструктуризации экономики и процессе модернизации. Ее сокращение после прихода к власти Н. Пластираса с 225 млн. долларов до 182 млн. могло иметь серьезные последствия для хозяйственной и политической жизни страны. Развязка наступила в марте 1952 г., когда посол США в Греции Дж. Пиюрифой публично заявил, что сохранение пропорциональной системы выборов в стране не будет способствовать стабилизации политического положения в ней. При этом американский представитель аргументировал свою вмешательство во внутренние дела страны возможностью неэффективного использования экономической помощи США. Позиция руководства США в отношении основных политических сил в Греции становилась всё более понятна для греческого политического мира — основным претендентом на власть, способным добиться стабилизации, они видели А. Папагоса. Поэтому очередное заявление Пиюрифойя о необходимости прояснения ситуации в стране, лишь подтвердило этот факт. Одновременно столь открытое вмешательство во внутренние дела представителя иностранного государства не прошло незамеченным греками, всегда с определенной настороженностью относившихся к любым попыткам ущемления национального суверенитета. Поэтому С. Вензелос, оказался в достаточно затруднительной ситуации: с одной стороны, он не мог ссориться со стратегическими союзниками и экономическими патронами Греции, но, с другой, — не мог не ответить на подобные действия представителя США.

По требованию парламентариев ЭПЭК и ЭДА премьер сделал достаточно жесткое заявление о том, что только греки могут решать вопрос о системе проведения выборов. Сам Венизелос, как и большинство греческих политиков, понимал, что изменения системы необходимо и является одним из главных условий возможной политической стабилизации. Поэтому работа над ней велась достаточно активно летом 1952 г. В октябре она была официально принята. В соответствии с ней впервые в истории страны женщины получали с 1953 г. право голоса. Сама система проведения выборов являлась во многом повторением уже имевшейся в Греции мажоритарной системы, использовавшийся в межвоенный период. Проведенные 16 ноября 1952 г. парламентских выборов должно было обеспечить создание правительства большинства и прекратить постоянную ротацию премьер-министров и их правительств, создававшихся на коалиционной основе и не способных проводить четкий курс. Соотношение политических сил и их группировка на выборах была следующей. Греческий Сбор (партия А. Папагоса) выступила как самостоятельная политическая сила, рассчитывавшая на получение большинства мест в парламенте и не желавшая делить ни с кем лавров победы. В свою очередь Национально-прогрессивный союз центра, Партия либералов и Социалистическая партия — Союз народной демократии создали предвыборный блок Союз партий, с тем, чтобы получить как можно больше голосов избирателей, придерживавшихся центристских, левых и просоциалистических взглядов и не допустить их распыления по мелким партиям. Единая демократическая левая и Народная партия выступили самостоятельно, не найдя для себя союзников. Позиция ЭДА, председателем которой стал Я. Пасалидис, во многом формировалась эмигрантским руководством КПП, которое продолжало считать возможным проведение “внеблоковой” тактики и критики П. Пластираса. В результате выборов стала очевидна победа Греческого Сбора, получившего 49,2% голосов избирателей. Его оппоненты из Союза партий

набрали 34,2%, ЭДА получила 9,6%, а некогда могущественная и влиятельная Народная партия — 1%. Распределение мест в 300-местном парламенте было следующим: 247 принадлежало Греческому Сбору, 24 — ЭПЭК, Партии либералов — 27 и два места получили независимые депутаты. ЭДА и Народная партия оказались за пределами представительного органа власти. После фактического поражения ЭПЭК на выборах для него не кончились трудные времена. Следующий год для этой партии был отмечен новыми испытаниями — она резко начала терять свое влияние после смерти в июле 1953 г. ее лидера, генерала Н. Пластираса.

Таким образом, на этот раз А. Папагос получил конституционное право сформировать собственное однопартийное правительство и начать заниматься воплощением в жизнь своей политической и экономической программы. Уже с самого начала выявилось стремление маршала приступить к радикальным мероприятиям, направленным на стабилизацию положения в стране и интенсификацию экономического роста. Министром-координатором своего правительства он назначил Сп. Маркезиниса, предоставив ему выработку экономического курса. Одним из главных элементов в нём стала ориентация на создание свободной рыночной экономики. В ходе проведения этих реформ была проведена деноминация национальной валюты — драхмы и определена ее четкая зависимость от американского доллара. В соответствии с новым законодательством Греция гарантировала защиту иностранного капитала, снижала ставку процента, ослаблялся контроль за импортом. Все эти мероприятия были призваны привлечь иностранные и местные инвестиции в производство и другие сферы национальной экономики. Однако основная трудность в усилении заинтересованности греков вкладывать капитал в экономику заключалась в том, что многие граждане (если не подавляющее их большинство) боялись возможной нестабильности, как это было в прошлом, и предпочитали приобретать собственность — в частности, жилые дома,

квартиры, — но не делать серьезных инвестиций в национальную экономику.

По мере проведения реформ, отношения между А. Папагосом и Сп. Маркезинисом начали ухудшаться из-за разногласий по тактическим вопросам, что закончилось в конце 1954 г. выходом последнего из правительства и партии Греческий Сбор и последующим образованием в парламенте страны Прогрессивной партии.

Особое значение для Греции на протяжении всей ее истории играл и так называемый внешний фактор. Не был исключением и период конца 40-х — начала 50-х гг. Основными направлениями внешнеполитической активности страны стали североатлантическое, региональное балканское, “кипрское”. 18 февраля 1952 г. Греция была официально принята в Североатлантический блок, созданный в 1949 г. западными государствами при активной роли и по инициативе США. Усиление военно-политических и экономических отношений с Соединенными Штатами рассматривалось в Афинах и в частности А. Папагосом как стратегически важное для страны, во первых, граничащей с государствами коммунистического блока и Турцией, и, во-вторых, проходящей период реконструкции в политическом и экономическом отношении, с другой. Условия “холодной войны” усиливали центробежные силы и способствовали расширению военно-политических блоковых структур. 28 февраля 1953 г. в столице Турции г. Анкаре был подписан протокол о дружбе и сотрудничестве Греции и Турции, что являлось во многом не только и не столько успехом дипломатии этих двух стран, сколь координирующей роли США, заинтересованных в усилении южного фланга НАТО, направленного против СССР и его союзников в Балканском регионе. 9 августа 1954 г. в югославском г. Блед был подписан трехсторонний военно-политический договор между Грецией, Турцией и Югославией, которая, оказавшись вне советского блока, испытывала определенные опасения относительно возможных действий коминфор-

мовских стран, поддержавших Сталина в его споре с Тито. Создание Балканского пакта, как назывался этот трехсторонний союз, обеспечивал каждому из его участников военно-политические гарантии, а связь Турции и Греции с НАТО (членами которого они являлись) делали его своеобразным “филиалом” этой организации на Балканах. В рамках созданной структуры, однако, каждое из трех государств пыталось занять лидирующие позиции, что делало задуманную ее организаторами схему крайне уязвимой. Во многом, положение Греции в НАТО и Балканском пакте определялось ее позициями по так называемому кипрскому вопросу, являвшемуся на протяжении многих десятков лет проблемой в общественном и национальном сознании греков — жителей собственно Греции и острова Кипра. Учитывая тот факт, что из 600 тыс. его населения свыше 80% составляли греки и меньше 18% турки, становится понятным желание первых объединиться со своими соплеменниками, тем более, что искусственное разделение материка и острова в государственно-политическом и территориальном отношениях являлось последствием неравноправных договоров Греции с европейскими странами, а также Турцией, которой они оказывали покровительство. Требования объединения Кипра с Грецией (Ἑνωσις) раздавались среди местных греков давно, но к 50-м гг. они усилились и в британской колонии (каковой являлся остров) расширилось движение за воссоединение с Грецией. В ней самой тоже всё отчетливее заявлялось о необходимости восстановления исторической справедливости. На референдуме, имевшем скорее форму опроса, чем реального легитимного форума, чьи решения не имели юридических последствий, проведенном в январе 1950 г. Греческой православной церковью Кипра, выяснилось, что 96% греков выступают за эносис. Важную роль в усиливающемся национально-освободительном движении греков-киприотов с начала 50-х гг. играет архиепископ Макариос, избранный на свой пост в марте 1950 г. Попытка А. Папагоса разрешить кипрский вопрос, предпри-

нятая им при обращении к министру иностранных дел Великобритании Идену, однако, не дала позитивных результатов. Англичане не хотели никак отказываться от выгодного в стратегическом отношении острова, о чем было открыто заявлено одним из членов британского правительства в 1954 г. Обращение Греции к Организации Объединенных Наций по “кипрскому вопросу” не дали также никаких результатов. Тем временем ситуация начала выходить из-под контроля властей. В апреле 1955 г. на острове начались волнения, активное участие в которых приняла организованная выходцем с Кипра греческим полковником Гривасом подпольная группировка, называвшаяся Национальная организация кипрских борцов (ЭОКА). В самой Греции также прошли демонстрации. Понимая, что сохранить остров под своим контролем традиционными мерами не удастся, британцы решили прибегнуть к реализации имперского принципа “разделяй и властвуй”: они усилили свою работу среди турецкой общины острова с тем, чтобы противопоставить его жителей на этно-конфессиональной основе. Одновременно Лондон активизировал свои контакты с турецкими властями по “кипрскому вопросу”, играя на национальных чувствах последних. Если ранее Анкара особенно не интересовалась Кипром, то теперь, в 1955 г., она решила занять более жесткую позицию (чему в немалой степени способствовали внутривлоковые осложнения в Балканском пакте). Более того, в характерных для Турции культурно-политических традициях в сентябре 1955 г. по Стамбулу, где проживало 100 тыс. греков, прошла волна погромов, убийств и грабежей. Как оказалось впоследствии и что было подтверждено фактами, турецкое правительство по мере сил и возможностей способствовало возрождению средневекового вандализма времен “Блестящей Порты”. Греция решила, что дальнейшее пребывание ее военного персонала в Турции более не возможно и отозвала своих представителей с натовской базы в Измире.

Смерть в октябре 1955 г. премьер-министра маршала А. Папагоса серьезно повлияла на расстановку политических сил внутри страны. Греческий Сбор, как постепенно становилось ясно большинству политиков, был партией лидера и, таким образом, обречен на постепенную (или быструю) эрозию. В немалой степени этому способствовали и оппоненты партии, и король Павлос I, опасавшийся сильной партии. А. Папагос, стремившийся сохранить Греческий Сбор — свое детище, назначил приемником на посту лидера партии Ст. Стефанопулоса. По традиции он занял бы и место премьер-министра. Однако накануне выборов лидера Греческого Сбора Павлос поручил К. Караманлису — деятелю этой партии и министру общественных работ правительства Папагоса, сформировать новое правительство. Его оппонент — Ст. Стефанопулос отказался от претензий на власть. Выбор Павлоса пал на Караманлису по двум причинам: во-первых, он не являлся представителем ни одного из существовавших кланов, так или иначе связанного с обширной клиентелой, и, во-вторых, его прозападная ориентация (активная поддержка греко-американского партнерства и натовской солидарности) делали молодого политика приемлемым на этом посту для монарха. К тому же король не исключал и личную зависимость нового премьера от себя лично, что было бы объяснимо и чисто с человеческих позиций — “в знак благодарности за доверие”. В определенной степени и внешнеполитические проблемы страны могли быть решены на бесконфликтной основе.

Помимо очевидных политических последствий смерти Папагоса и имевших общенациональное политическое измерение, были и такие, которые были известны только узкому кругу посвященных. Среди таких основным событием стала переориентация тайной организации Священный союз греческих офицеров с фигуры маршала на институт монархии. Для Павлоса, постоянно подозревавшего Папагоса в стремлении узурпировать власть при опоре на армию, было важно получить ее поддерж-

ку. Таким образом усиливалась связь между двумя из трех “центров силы” — трон и 200-тысячными вооруженными силами, представлявшими достаточно мощного союзника в случае необходимости. В этих условиях парламент существенно проигрывал по возможностям своего влияния на ситуацию.

Расчет монарха во многом оправдался. Прежде всего К. Караманлис взялся за активную перестройку доставшейся ему “по наследству” партии — Греческого Сбора. Это было необходимо с целью создания политической организации, связанной с новым лидером и новыми условиями, но сохраняющей свою правую ориентированность. Новый лидер распустил в начале 1956 г. Греческий Сбор и на его основе создал Национально-радикальный союз (ЭРЭ), куда вошли практически все сподвижники А. Папагоса. С целью легитимизации власти своей партии Караманлис пошел на проведение 19 февраля 1956 г. парламентских выборов. Стремясь обеспечить для своей партии их благоприятный исход, новый премьер провел через парламент накануне его роспуска новый избирательный закон, сочетавший в себе элементы мажоритарной и пропорциональной систем. В деревнях, в соответствии с ним, фактически сохранялась мажоритарная система — они традиционно считались оплотом правых. Но в городах, где оппозиционные партии могли получить большинство над ЭРЭ начинала действовать пропорциональная система. Более того, К. Караманлис, распустив парламент, не ушел в отставку и не назначил так называемое служебное правительство. Нарушение этой традиции ознаменовало новый этап в развитии политической системы Греции в 50-е гг., когда к власти начали всё активнее приходить молодые силы, не желавшие расставаться с властью или делиться ею на основе всякого рода бесперспективных и связывающих руки компромиссов. В ответ на действия Караманлиса политические силы, представлявшие самые различные спектры общественно-политической жизни Греции, объединились в предвыборную коалицию Демократический Союз. Его членами стали право-консервативная

и во многом промонархическая Народная партия во главе с К. Цалдарисом, ЭДА (председатель Я. Насалидис), Партия либералов (лидер — Г. Папандреу), Демократическая партия трудящегося народа (А. Сволос, Г. Карталис) и еще несколько более мелких партий. Отдельно выступили партии, возглавлявшиеся Сп. Маркезиисом и Ст. Стефанопулосом, покинувшими в разное время и при различных обстоятельствах Греческий Сбор.

Прошедшие 19 февраля 1956 г. выборы (в которых впервые принимали участие женщины) принесли следующие результаты: 47,4% было отдано за Национально-радикальный союз, 48,2% — за блок партий Демократического Союза. Однако, учитывая, что ЭРЭ выступала как единая партия, а ДС представлял собой блок, преимущество (в соответствии с новым избирательным законом) отдавалось Национально-радикальному союзу. Он получил 165 из 300 мест в парламенте. Демократический Союз имел 132 места. При этом Либерально-демократический союз С. Венизелоса обладал наибольшим числом мандатов среди депутатов ДС (39). Следующими шли Партия либералов (25), Демократическая партия трудящегося народа и ЭДА (по 18 мест) и др. Независимы кандидаты вне сложившейся двухполюсности ЭРЭ — ДС получили всего три места. Немаловажным для греческих реалий фактом стало голосование более 77% армии и государственных служащих в поддержку ЭРЭ.

Таким образом, к середине 50-х гг. всё отчетливее начала просматриваться тенденция создания в Греции двухпартийной системы, основными элементами которой должны были стать правый и “антиправый” полюса. Однако процесс консолидации и поляризации сил в стране проходил за счет ликвидации и дробления некогда сильного центристского спектра. Однако как показывала греческая действительность рассчитывать на быструю структуризацию партийно-политической системы в короткое время не приходилось. Достигнутые в 1956 г. формы про-

тивостояния и консолидации, оказались способны сохранять баланс сил в парламенте на протяжении двух лет. В то же время курс, начатый А. Папагосом, фактически был продолжен. Однако к началу 1958 г. в рядах правящей партии разразился кризис: два министра правительства К. Караманлиса — П. Папалигурис и Г. Раллис вышли в отставку, а 15 депутатов парламента от ЭРЭ отказались от предоставления вотума доверия правительству собственной партии. Более того, премьер-министр, предвзяя возможные форс-мажорные обстоятельства в виде правительственного кризиса и роспуска парламента, попытался провести закон об изменении системы выборов. По мере того, как всё очевиднее для большинства политиков становилась неспособность Караманлиса удерживать положение, греческий король проявлял активность, направленную на усиление собственных позиций арбитра и “сильной личности” греческой политики. К концу 1957 г. премьер столкнулся и с разросшимся влиянием на офицерский корпус страны подпольной организации ИДЭА, которая стала оказывать нажим на него, требуя улучшения статуса офицерского корпуса, находившегося итак всегда в привилегированном положении. Полученные в Генеральном штабе, контролировавшемся не входившими в ИДЭА офицерами, данные подтверждали факт наличия в стране тайной организации. Попытки наказать откровенных заговорщиков наталкивались или на нежелание многих военных “обострять ситуацию”, или, стремление сторонников ИДЭА минимизировать для себя последствия. Сопротивление со стороны и тех и других было столь велико, что с ответственных постов в армии стали увольнять всех тех, кто настаивал на расследовании подрывной деятельности конспиративной организации ИДЭА.

Подготовка к предстоящим выборам началась с принятия нового избирательного закона служебным правительством К. Георгакопулоса, назначенным королем Павлосом I после отставки К. Караманлиса. Этому предшествовали межпартийные консультации в конце 1957 — начале 1958 гг., когда, в

конце концов 27 февраля 1958 г. было подписано соглашение между Г. Папандреу и министром внутренних дел Греции Д. Макрисом относительно новой системы. В соответствии с ним, вводилась так называемая усиленная пропорциональная система, использовавшаяся на выборах 1951 г. Однако на этот раз на пути карликовых партий и организаций был поставлен мощный “процентный барьер”, определявшийся участием конкретных партий во втором и третьем раунде (для партий и блоков он был разным).

Уже с самого начала подготовки партий к предвыборным баталиям определилась новая черта политической жизни Греции — стремление ряда политиков и партий не допустить однозначного доминирования каких-либо сил, как прокараманлисовской направленности, так и выступающих против ЭРЭ. При этом не каждая из потенциально участвующих в выборах партия желала идти на создание предвыборного блока, так как видела в этом лишь усиление партнера по возможной коалиции, но не путь противодействия тому или иному полюсу. “Политический эгоизм” нашел столь отчетливое проявление, что выборы 11 мая 1958 г. вошли в новогреческую историю своими результатами: 41,2% голосов было подано за ЭРЭ, 24,4% получили впервые в Греции левые — Единая Демократическая левая (являвшаяся в определенной степени прикрытием для запрещенной в стране компартии. Партия либералов получила 20,7% голосов. Созданные в последний момент предвыборной борьбы два блока, объединивших центристов различных оттенков получили всего 13,5% и смогли провести а парламент чуть больше 20 своих кандидатов. Основные места в 300 местном парламенте были поделены между тремя партиями-победительницами (ЭРЭ — 171, ЭДА — 79, Партия либералов — 36). Результативность выборов для ЭДА во многом объяснялось двумя главными обстоятельствами. Во-первых, это было обусловлено начавшимися изменениями социального облика греческого общества и с его расслоением, связанным с про-

ведением модернизации. Левые ориентиры в социально-экономической и политической сферах появлялись как реакция на незащищенность в рамках существующей общественно-политической системы. Во-вторых, победа ЭДА имела и внешнеполитические причины — позиция западных стран по кипрскому вопросу порождала антинаатовские настроения, чем умело воспользовалась Единая Демократическая левая.

Процесс политических изменений затронул расстановку сил внутри партий. Политические предпочтения, колебавшиеся между тремя основными спектрами — левым, центристским и правым, всё более концентрировались вокруг двух полюсов — право и левоцентристского. Победа ЭДА, однако, способствовала активизации тех сил, которые рассматривали как вполне реальную угрозу приход к власти левого или даже прокоммунистического правительства. Основной среди них была ИДЭА, получившая после назначения на должность начальника Генерального штаба греческих вооруженных сил генерала Кардамаиса возможность усиления своего присутствия в руководящих структурах армии.

Результаты майских выборов 1958 г. были настораживавшим сигналом для большинства представителей греческого политического мира. Появление на втором месте после правой партии ЭРЭ организации, известной своей связью с запрещенной компартией, давало основания для весьма неутешительных выводов: “левая альтернатива” всё еще была жива в греческой политической традиции после четырех лет Национального Сопrotивления (1941–1944 г.) и пяти лет Гражданской войны (1946–1949 г.) Партия Либералов обвинила правых в том, что они сами виноваты, так как своими действиями способствовали “полевению” электората. Одновременно один из руководителей либералов С. Венизелос обратился к королю с письмом, в котором оценивал победу ЭДА как угрозу национальной безопасности страны.

Создание правительства К. Караманлиса давало основание для противников ЭДА считать возможными решительные действия против левых и прокоммунистических сил. Однако победа Единой Демократической левой не означала единства в рядах левого спектра политического мира Греции. Более того, уже в начале сентября 1958 г. двенадцать депутатов ЭДА в парламенте откололись от неё и создали собственную партию Демократический союз под руководством И. Циримокоса, что было обусловлено их несогласием практикой “директивного руководства” левыми со стороны эмигрантского руководства КПГ.

К началу 1959 г. деятельность греческой компартии определялась во многом развитием политической ситуации в Греции. Эйфория от победы ЭДА на майских выборах начала постепенно проходить. Правительство ЭРЭ во главе с К. Караманлисом, а также оппозиционная Либеральная партия резко реагировали на попытки Единой демократической левой легализовать КПГ и фактически реабилитировать ее. Коммунистическая угроза, которой пугали ранее обывателей, становилась реальностью — заседающая в парламенте ЭДА, легализованная КПГ и недовольство значительной (хотя и не подавляющей) части населения общественно-политическими условиями Греции, проходящей период модернизации — вот те составляющие, которые делали абстрактную угрозу (как ее представляли оппоненты компартии в правых кругах страны), реальной опасностью. По линии официальных органов были предприняты соответствующие шаги. Премьер-министр Караманлис создал секретную комиссию из представителей спецслужб (Г. Пападопулос), представителей университетской интеллигенции (профессор А. Прокопиу) и журналистов (С. Костандопулос). В ее задачу входило изучение политической деятельности и идейно-теоретического развития комдвижения в Греции с целью выработки рекомендаций, направленных на недопущение его активизации в стране. В тоже время создавались две специальные службы — Главное

управление безопасности при Министерстве внутренних дел и Служба информации и просвещения при администрации премьер-министра. В задачу первой из них входила координация деятельности правоохранительных и карательных служб в борьбе против коммунизма. Вторая организация занималась сбором информации, мониторингом общественного мнения и планированием информационно-пропагандистских мероприятий. При государственной поддержке и при посредничестве отдельных государственных служб были созданы такие объединения как Антикоммунистический крестовый поход, Национальный социальный штурм и т. д.

Политическая и экономическая программа правительства Караманлиса имела резко выраженную ориентированность на привязывание Греции к европейским политическим, экономическим и военным структурам. Объявив о необходимости самой широкой частной инициативы в сфере производства, ЭРЭ рассчитывало на привлечение инвестиций в производственные отрасли экономики. Учитывая значение для в целом пока еще аграрной страны сельскохозяйственного производства, Караманлис планировал создание как можно большего количества рабочих мест в нем. Придерживаясь политики поощрения импорта, начало которой было положено еще А. Папагосом, правительство Национально-радикального союза не ограничилось лишь партнерством с США и Западной Европой, но и заявило о готовности сотрудничать с Восточной Европой, правда, оговорившись, — на паритетной основе. Верность союзническим обязательствам в рамках НАТО, особым отношениям стратегического партнерства с Соединенными Штатами и желание разрешить “кипрский вопрос” — таковы были внешнеполитические ориентиры Караманлиса. Особое значение для Греции в эти годы приобретает “кипрский вопрос”. Его разрешение затрагивало весь комплекс взаимоотношений страны с партнерами по НАТО. Пытаясь найти приемлемый выход и обеспечить национальные интересы Греции, К. Караманлис пошел на переговоры

с премьер-министром Турции А. Мендересом в феврале 1959 г. Они договорились о создании независимого Кипра и в кратчайшие сроки обе стороны подготовили проект протокола, который был представлен англичанами, греками и турками лидерам турецкой и греческой общины — Ф. Кучюку и Архиепископу Макариосу. В соответствии с одной из основополагающих статей этого документа Британия соглашалась на предоставление независимости острову при сохранении на нём британских военных баз в Декелии и Акротири, пользующихся правами экстерриториальности. В августе 1960 г. Кипр был провозглашен республикой в составе Британского Содружества. При этом гарантами государственной независимости выступали Британия, Греция и Турция. Греческой стороне разрешалось иметь на острове воинский контингент не превышающий 950 военнослужащих, а турецкой — 650. Президентом страны становился грек, а вице-президентом турок. При этом каждый из них имел право накладывать вето в вопросах, затрагивавших внешнеполитические вопросы, проблемы обороны и безопасности. Одновременно вводилась пропорциональная система найма на государственную службу, в соответствии с которой представители турецкой общины имели право занимать не менее 1/3 всех мест. На состоявшихся в декабре 1959 г. выборах Макариос был избран президентом, а Кучюк — вице-президентом страны. Уже с самого начала существования этого государства закладывалась очень опасная для полиэтнического общества пропорциональная система представительства в государственной, общественной и политической жизни, что было чревато возникновением конфликтных ситуаций по самым неожиданным на первый взгляд вопросам.

Подписание цюрихских протоколов между Караманлисом и Мендересом в 1959 г. и последующие договоренности рассматривались сторонниками эносиса в Греции как предательство премьер-министра во имя натовского партнерства. Таким образом, Караманлис оказался в глазах левых и крайне правых

виновником “поражения страны”, несмотря на тот факт, что в тех условиях противодействовать британскому и турецкому сопротивлению относительно Кипра Греция была не в состоянии, так как никто из партнеров по НАТО не собирался выступать однозначно в поддержку воссоединения острова с материком на откровенно выгодных для Греции условиях.

Помимо внешнеполитической деятельности главной заботой К. Караманлиса, как он сам об этом постоянно заявлял, была программа экономического развития страны. Привлечение зарубежных инвестиций, использование финансово-кредитных ресурсов Греции (прежде всего упорядочивание сбора налогов), создание рынка рабочих мест — таковы были приоритеты премьер-министра. Период 50-х гг. стал для страны важным этапом ее политического и экономического развития, вошедшего в историю новогреческого государства как крайне противоречивый, болезненный, но необходимый для Греции процесс модернизации. В это время закладывались основы нового индустриального общества в Греции, которая должна была пережить серьезные политические, социальные и психологические трансформации с тем, чтобы не оказаться на периферии европейского развития и стать равноправным членом континентального сообщества.

V. “НЕСТАБИЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ”, ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА

(1960-е гг. — 1996 г.)

1. В поисках собственной идентичности.

К началу 60-х гг. греческая политическая система представляла собой так называемую триархию, т.е. “троевластие”, когда основными центрами силы являлись армия — парламент — трон. Это объективно вело к доминирующей роли правых, имевших твердые позиции во всех трех институтах и осуществлявших контроль над политической жизнью страны.

После выборов 11 мая 1958 г. партия либералов — одна из некогда крупнейших греческих политических партий, стоявшая на центристской платформе, раскололась на три части, одну из которых, “группу десяти” возглавил Г. Папандреу, бывший короткое время в 1944 г. премьер-министром Греции накануне и после ее освобождения. После продолжительных переговоров между ним и рядом политиков, которые возглавляли соответствующие группировки, трансформировавшиеся после раскола Партии либералов, 19 сентября 1961 г. Папандреу удалось создать собственную общенациональную партию (в которую вошли его бывшие коллеги по либеральной партии) называвшуюся Союз Центра (ЭК). К ней присоединились также политики ЭПЭК и ряд малочисленных партий центристской и левоцентристской направленности. В соответствии с достигнутыми договоренностями все партии, вошедшие в Союз Центра, самораспустились, а Г. Папандреу признавался единственным руководителем ЭК. Высшим органом Союза Центра, как определял его устав, становился съезд партии. Заявления Г. Папандреу о том, что он видит своей задачей сокращение влияния на обще-

ство Единой Демократической левой, свидетельствовали о его стремлении вытеснить на периферию общественно-политической жизни сторонников левых. Добиться таких радикальных изменений можно было лишь с помощью усиления в идейно-политической платформе и практике Союза Центра “левого спектра”. Парадокс ситуации заключался в том, что Папандреу создавал партию, занимавшую центристские позиции, но объективно ориентировался на поглощение и левой части политической сцены Греции. Фактически создавалась двухпартийная конструкция, в которой Национально-радикальный союз К. Караманлиса объединял бы силы, правее политического центра, а Союз Центра — все центристские и умеренно-левые. В такой системе места для Единой Демократической левой не нашлось бы. Дальнейшая политическая практика показала правильность расчетов Папандреу, так как центробежные тенденции в ЭДА в начале 1960 г. усилились из-за разногласий в ее рядах относительно роли и места руководства КПП в выработке и реализации политического курса Единой Демократической левой. В сложившихся явно неблагоприятных для ЭДА и соответственно КПП условиях шансы на удержание второго места в парламенте становились меньше. Определенные надежды руководство греческой компартии и ЭДА, однако, связывали с новым избирательным законом, принятым летом 1961 г.

Несмотря на умеренный характер Союза Центра, ориентированного на средние слои, провозглашенная им программа расширения демократических свобод (отмена проверок на благонадежность, освобождение политических заключенных), снижения диспропорции в распределении национального дохода, планирования и реформ образования, “защиты перед союзниками (по НАТО) справедливых требований Греции” вызвала опасения у короля Павлоса I и правых сил во главе которых находилась партия Национально-радикальный союз, возглавлявшаяся К. Караманлисом. Поэтому уже через три дня после образования ЭК, т. е. 21 сентября был опубликован королевский

указ о роспуске парламента и проведении 29 октября парламентских выборов. Такая поспешность объяснялась стремлением как К. Караманлиса, так и греческого монарха, увидевшего в Союзе Центра опасность для себя, не дать Г. Папандреу время для подготовки к предстоящим выборам. Одновременно, приверженцы ЭРЭ из числа наиболее правых элементов, начали прибегать к актам запугивания и психологического террора. Так, в ряде сельских районов в ночь с 27 на 28 октября группы вооруженных лиц стучались в дома с “предупреждением”, что “те, кто не голосует за ЭРЭ, будут интернированы” и что “если в деревне будет найден хотя бы один бюллетень, поданный не за ЭРЭ, многие дети окажутся сиротами”.

Несмотря на то, что вновь измененный закон о выборах давал некоторые преимущества оппозиционным партиям и порог при распределении мест (продолжала действовать так называемая система усиленной пропорциональности) для партий был сокращен с 25% до 15%, ситуация складывалась не в пользу Г. Папандреу — ему не хватало времени для консолидации Союза Центра и создания более широкой коалиции. Прямая заинтересованность греческого монарха, поддерживавшего ЭРЭ, сказалась и еще в одном факте — выборы проводились служебным правительством, главой которого был генерал К. Довас, являвшийся начальником королевского военного кабинета, а в прошлом занимавший пост начальника Генерального штаба. В само правительство были включены ближайшие сподвижники Павлоса.

Кризисная ситуация в Греции, начавшаяся развиваться с августа 1961 г., когда многим, находившимся “во власти” стала ясна очевидность предстоящих досрочных парламентских выборов из-за неспособности Караманлиса контролировать политическое положение, имела и скрытые от глаз наблюдателей аспекты. Одним из них была активизация крайне правого крыла в руководстве вооруженными силами страны. В течение августа-сентября прошли заседания секретной “Высшей коор-

динационной комиссии”, членами которой были начальник Генерального штаба генерал Кардамакис; начальник КИП (местная разведывательная и контрразведывательная служба) генерал Нацинас, являвшийся одновременно руководителем конспиративной организации ИДЭА; начальник службы безопасности генерал Гогусис и начальник полиции Ракидзис. Основной темой секретных консультаций была политическая обстановка в стране и меры по ее стабилизации, т. е. недопущения усиления левых и предотвращения их прорыва к власти на возможных досрочных парламентских выборах. В соответствии с разработанным на случай чрезвычайной ситуации еще в 1960 г. “планом Перикл” предстояло реализовать комплекс мероприятий, включавших элементы пропагандистско-психологической войны, силового давления со стороны армии и полиции, широкомасштабного подкупа в форме всякого рода благотворительных акций (финансировавшихся из секретных фондов спецслужб и армии), арестов лидеров и активистов коммунистической и левой оппозиции.

Прошедшие 29 октября 1961 г. в обстановке запугивания со стороны правых сил и с использованием властями масштабных фальсификаций парламентские выборы принесли победу Национальному радикальному союзу, выступившему без каких-либо союзников — 50,8%. Союз Центра и Партия прогрессистов (лидер — Сп. Маркезинис) объединились в предвыборный блок и получили 33,7% голосов. Левые, которые создали предвыборный блок под названием Вседемократический аграрный фронт Греции (ПАМЭ), включавший Единую Демократическую левую (ЭДА) и Национальную аграрную партию (ЭАК), смогли обеспечить себе лишь 14,6% голосов избирателей. Таким образом, из 300 мест в парламенте ЭРЭ, в соответствии с результатами выборов, получила 176 мест, Союз Центра — 86, Партия прогрессистов — 14, ЭДА — 20, ЭАК — 2. Два оставшихся места досталось независимым кандидатам.

Сразу же после проведенных выборов оппозиционные партии выступили с многочисленными заявлениями о фальсификациях, насилии над избирателями и обвинениями в адрес властей относительно грубейших нарушений избирательного законодательства. Статистика свидетельствовала, что в период накануне выборов и в день их проведения было убито 2 человека, отмечались многочисленные случаи насильственных действий (622 инцидента) во время которых пострадали не только избиратели, но и кандидаты от оппозиции (169), 839 арестов по надуманным предлогам и со фальсифицированными свидетельствами.

Однако несмотря на очевидные нарушения и фальсификации победа ЭРЭ не решила главного для себя вопроса, поставленного на повестку дня его лидером К. Караманлисом — превращение Национального радикального союза в партию абсолютного большинства в масштабах страны. Союз Центра, в свою очередь, смог вытеснить левых в лице ЭДА на периферию политической жизни.

Прошедшие выборы не только не способствовали политической стабилизации, но наоборот, еще больше усилили противостояние различных общественно-политических сил страны. 1 ноября 1961 г. лидер Союза Центра Г. Папандреу сделал заявление для печати, в котором охарактеризовал победу ЭРЭ как государственный переворот при помощи проведения лжевыборов. Более того он объявил о начале ведения со стороны ЭК так называемой непоколебимой борьбы (*ανεξότως άγων*), нацеленной на справедливое решение политических вопросов в Греции. Обратившись к королю Павлосу I, Г. Папандреу призвал его объявить о проведении новых парламентских выборов. Жесткая непримиримость лидера Союза Центра в отношении оппонентов из рядов ЭРЭ и ЭДА, его ораторские и организационные способности, элементы политического везения — всё это способствовало усилению его роли в общественно-политической жизни страны и создавало возглавляемой им партии образ

“народной партии справедливости”, не разделяющей ни лево, ни правоэкстремистских установок.

Кампания борьбы, о которой провозгласил Г. Папандреу, началась 4 декабря 1961 г., когда депутаты от Союза Центра не явились на открытие парламента страны, чтобы принести присягу вместе с парламентариями от правительственной ЭРЭ. Они не присутствовали и при произнесении королем Павлосом I традиционной тронной речи по поводу открытия парламента и объявлении премьер-министром К. Караманлисом программы правительства. Впервые представители ЭК появились в парламенте лишь спустя месяц после его открытия — 9 января 1962 г. Однако сразу их присутствие внесло оживление в парламентские сессии, так как депутаты Союза Центра потребовали судебного разбирательства с устроителями октябрьских выборов и наказания виновных, включая министров правительства ЭРЭ. При этом они отказались голосовать в поддержку вотума доверия возглавляемого Караманлисом правительства. Поняв, что ожидать поддержки со стороны короля не следует, Г. Папандреу решил использовать верный с точки зрения пропаганды ход: он обратился к Павлосу как высшему арбитру в государстве с тем, чтобы он отстранил от власти правительство ЭРЭ, способствовал процессу чистки государственного аппарата и введению нового избирательного закона. Продолжая курс на расширение борьбы с монархом, оказывавшем поддержку Национальному радикальному союзу, лидер ЭК фактически блокировался в парламенте с фракцией ЭДА, категорически выступив против, когда встал вопрос о предоставлении в виде приданого дочери короля принцессе Софии в размере 9 млн. драхм накануне ее свадьбы с наследником испанского короля. Резкие выступления персонального характера против Павлоса I были продолжены Папандреу и в более широкой плоскости — он всё более открыто ставил под сомнение существовавший институт монархии и выполняемые им функции “режима коронованной демократии”.

Тем временем всё очевиднее становилась исчерпанность идейно-политического потенциала ЭРЭ, который в создавшихся условиях противостоял Союзу Центра. Так, например, большая часть социально-экономических мероприятий К. Караманлиса воспринималась в обществе как направленная на удовлетворение интересов узких слоев истеблишмента. Предлагавшаяся Караманлисом программа конституционных реформ, направленных на усиление роли исполнительной власти, оценивалась в политических и общественных кругах как его стремление к укреплению персональной власти, хотя сам премьер подчеркивал необходимость создания Конституционного суда с достаточно широкими полномочиями и компетенцией.

Не останавливаясь лишь на политической борьбе в рамках парламента, лидер Союза Центра начал “апеллировать к массам”. Весной 1962 г. он организовал многочисленные политические митинги и протесты, основным лозунгом которых было требование демократизации политической и общественной жизни в Греции. В ряде случаев ЭК действовал совместно с ЭДА. Развернутая Г. Папандреу кампания имела широкомасштабный характер и проходила в выгодных для него условиях, так как престиж и репутация правых в обществе резко падала. В немалой степени этому способствовали социально-экономические и политические факторы. Широкий спектр затрагивавшихся Союзом Центра вопросов, имевших принципиальное для страны значение, как то: предоставление социальных гарантий широким слоям населения, демократизация политической жизни, решение проблемы занятости, определение формата полномочий короля и места самой монархии в институциональном поле Греции. Стратегия и тактика “непоколебимой борьбы”, разработанные Г. Папандреу, принесли, хотя и не сразу, победу Союзу Центра. Концепция борьбы “на два фронта”, т. е. как против левых, так и против правых, была ориентирована на воссоздание политического центризма, начавшего дезинтегрировать в 50-е гг.

Развязка в противостоянии Союза Центра и Национального радикального союза наступила весной 1963 г. 11 мая во время мирной демонстрации в Салониках был убит представитель ЭДА в парламенте Г. Ламбракис. В ходе расследования этого уголовного дела выявилась тревожная картина положения в политической жизни страны, а именно — наличие устойчивых и хорошо прослеживаемых связей между истеблишментом правых политических партий и тайными правоэкстремистскими тайными организациями, получившими в греческой традиции название “парагосударственных” (*παράκρατικός οργανώσεις*), т.е. относящихся к подпольному, неформальному структурированному “миру” правых. Уже через месяц после политического убийства в северной столице Греции правительство К. Караманлиса, оказавшееся под жестким общественно-политическим нажимом, к которому добавились сложности с получением американской экономической помощи, было вынуждено подать в отставку. При этом официально причиной ухода правительства ЭРЭ были названы разногласия его лидера с королем по крайне щепетильному для трона вопросу: визиту монаршей четы — короля Павлоса I и королевы Фредерики в Великобританию. К. Караманлис полагал, что этот визит необходимо отложить, так как во время предыдущей частной поездки Фредерики в Англию она была встречена массовыми демонстрациями протеста в связи с действиями властей по отношению к участникам Гражданской войны — бойцам ДАГ, которые продолжали оставаться в тюрьмах страны. Однако решимость Павлоса все-таки совершить визит возобладала в этом своеобразном споре. Подлинными же причины отставки Караманлиса коренились в его растущем недовольстве позицией короля по двум главным вопросам. Во-первых, усилением роли парламента, способствовавшим всё большей зависимости правительства как от этого государственного института, так и от другого — монархии, стремившегося тем самым поднять свой статус “арбитра”. Во-вторых, премьер и лидер ЭРЭ считал, что армия играет слишком

большую роль в политической жизни страны и выполняет функции главной опоры монархии. Особенно это проявилось, когда Караманлис попытался провести перестановки в руководстве вооруженных сил и спецслужб. Ознакомившись с планом мероприятий премьер-министра, начальник Генерального штаба генерал Сакеллариу и ряд других генералов обратились к королю с просьбой не допустить каких-либо перестановок, мотивируя это политическими причинами. В свою очередь Павлос, заинтересованный в усилении своего престижа среди генералитета, поддержал демарш военных.

Политическая модернизация, проходившая на протяжении 50-х гг. и ведшая к появлению двухполюсной партийно-политической системы, в начале 60-х гг. столкнулась с необходимостью изменений статуса института монархии, системы его взаимодействия с другими институтами — парламентом и армией. Стремясь выйти из создавшегося положения с пользой для возглавляемой им партии и себя лично, как ее вождя, К. Караманлис обратился с просьбой к Павлосу о проведении внеочередных парламентских выборов. Вскоре после своей отставки он покинул страну, отправившись в добровольную эмиграцию, перепоручив руководство Национальным радикальным союзом триумvirату, включавшему П. Канеллопулоса, П. Папалигуриса и К. Родопулоса.

На время до образования нового правительства королем был создан служебный кабинет, во главе которого был поставлен член ЭРЭ и один из министров К. Караманлиса П. Пипинелис, известный как ярый монархист. Однако оппозиция резко выступила против такого назначения, увидев опасность повторения сценария октябрьских выборов 1961 г., когда “технический кабинет” во главе с генералом Довасом способствовал массовым фальсификациям и нарушениям процедуры выборов. Поэтому уже 28 сентября Пипинелиса сменил на его посту председатель Верховного Суда Ст. Мавромихалис. Выборы были назначены на 3 ноября 1963 г. Уже накануне их проведения выявился

очевидный парадокс — за введение пропорциональной системы выборов выступали король Павлос I и Союз Центра, в то время как ЭРЭ настаивала на мажоритарной системе. В определенной степени столь странная на первый взгляд ситуация была связана с тем, что престол был заинтересован в ослаблении потенциально опасных для него общенациональных массовых партий, а Союз Центра — в разрушении монополии ЭРЭ на власть, которую он получал благодаря мажоритарной системе. Однако несмотря на всё это, выборы 1963 г. проводились по той же системе, что и два года назад, что было обусловлено, в конечном счете опасениями Павлоса относительно возможного “прорыва” Союза Центра.

Основная предвыборная борьба развернулась между четырьмя партиями: Национальным радикальным союзом (ЭРЭ); Прогрессистской партией (Сп. Маркезинис), Союзом Центра (ЭК), а также ЭДА. Тактический план Единой Демократической левой, заключавшийся в создании широкой коалиции с участием Союза Центра и прогрессистами на платформе общей борьбы с ЭРЭ не удался, так как Г. Папандреу и Сп. Маркезинис отвергли его. Этому способствовала общая антилевая направленность идейно-политических установок Союза Центра. Возвращение К. Караманлиса из Парижа для того, чтобы возглавить свою партию в предвыборной борьбе не изменило, в свою очередь, ситуацию в пользу ЭРЭ. Даже апелляции бывшего премьера к таким фактам как экономический рост в последние годы, увеличение зарплат, отмена отдельных законов периода Гражданской войны не смогли изменить положения. Для Г. Папандреу выборы 3 ноября были шансом на получение победы для себя лично и возглавляемой им партии, ведшей, по словам ее лидера, “непреклонную борьбу”, результатом которой и должны были стать победные результаты. Единая Демократическая левая, как в силу объективных условий, так и субъективных факторов, уже не могла рассчитывать на статус “второй партии”. Результаты голосования были следующими:

Союз Центра получил 42,1% (138 мест в парламенте), ЭРЭ — 39,4% (132), ЭДА — 14,3% (28), Прогрессистская партия получила 3,7% голосов и 2 места в 300-местном парламенте. Характерной особенностью прошедших выборов было отсутствие на них каких-либо коалиций или блоков партий — нетипичный для греческой политической жизни случай.

Немногочисленный перевес в пользу партии Г. Папандреу существенно повлиял не только на комплекс взаимоотношений между ЭК и ЭРЭ, но и повысил, как это не парадоксально, статус Единой Демократической левой, которая превращалась в “партию решающего меньшинства” в парламенте, от которой зависело сохранение баланса между двумя “гигантами” — Союзом Центра и Национально-радикальным союзом. Политическая игра, развернувшаяся после выборов за формирование нового правительства и за пост премьер-министра, велась по всем законам жанра политической интриги. Прежде всего проявил инициативу К. Караманлис, обратившийся к королю с предложением сформировать коалиционное правительство, в котором пост премьера занял кто-либо помимо Г. Папандреу и его самого, Караманлиса. В ответ на это Павлос I решил поступить по-иному: он поручил лидеру Союза Центра сформировать правительство, но при этом лишил его права роспуска парламента в случае отказа с его стороны предоставить вотум доверия такому правительству. Иными словами, греческий монарх продолжал избранный им еще ранее курс на усиление своей роли “арбитра”, без которого политическая жизнь будет постоянно заходить в тупик противостояния соревнующихся партий и их лидеров. Такое решение было воспринято Караманлисом как полностью неприемлемое и лидер ЭРЭ отправился в добровольное изгнание во Францию, заявив об окончательном отходе от политических дел.

Несмотря на проявленную готовность к сотрудничеству с Союзом Центра и подчеркнутое миролюбие в отношении его со стороны эмигрантского руководства КПГ, охарактеризовавшего

результаты выборов как “победу демократии”, Г. Папандреу с подозрением относившийся к КППГ и левому движению, был далек от мысли, что неожиданно примирительный тон компартии является изменением ее позиции по вопросу сотрудничества с ЭК. Поэтому он взял курс на борьбу как с ЭРЭ, так и ЭДА/КППГ — этими двумя крайними силами политической сцены Греции.

Деятельность Г. Папандреу на посту премьер-министра была отмечена освобождением политических заключенных; проведением либеральных реформ в области просвещения, заключавшихся в предоставлении возможности получения образования; увеличением зарплат и пенсий. Особое внимание было уделено уменьшению долгового бремени крестьян, долги которых из краткосрочных конвертировались в долгосрочные. Предпринимались шаги по модификации трудового законодательства и прежде всего той его части, которая касалась заключения трудовых договоров, арбитража производственных споров и т. д. Помимо этих программных мероприятий, премьер-министр активно начал усиливать свой контроль над Союзом Центра, вовлекая в политические и реформаторские начинания своего сына Андреаса Папандреу, который вернулся в 1959 г. в Грецию из США как американский гражданин, пробыв в этой стране с начала 1940 г. и став там известным экономистом, профессором в одном из американских университетов. Сначала молодой Папандреу прибыл на предоставленную ему стипендию фондов Гугенхайма и Фулбрайта с целью изучения экономической ситуации в Греции и выработки оптимальной экономической модели управления хозяйством страны. Однако вовлеченность его еще в молодости в политические события Греции и близость к левому движению накануне Второй мировой войны (являвшиеся причиной преследования со стороны властей) не прошли и к началу 60-х гг. Уже вскоре после прибытия на родину он получил от греческого правительства предложение создать Центр экономического развития с правом подбора

студентов для него. Финансирование нового института обеспечивалось Рокфеллеровским фондом и некоторыми американскими университетами. В ходе изучения особенностей греческой экономики он выдвигает 4 основных принципа в соответствии с которыми должна была выработываться экономическая модель для Греции: устранение основных структурных диспропорций греческой экономики и изменение ее основ в течении 15 лет; полная перестройка экономической структуры страны и ее переориентация; участие всех занятых в производстве в получении прибавочного продукта; децентрализация.

Деятельность Г. Папандреу на посту премьер-министра вызвала противодействие правоконсервативных сил в парламенте и постоянные нападки ЭДА. К тому же не оправдывались надежды лидера ЭК относительно возможного перехода депутатов ЭРЭ в стан Г. Папандреу. Это заставило лидера Союза Центра прибегнуть к испытанному маневру — подать в отставку и пойти на проведение досрочных выборов с тем, чтобы получить абсолютное большинство в парламенте и вести более независимую от своих оппонентов политику. 24 декабря 1963 г. премьер покинул свой пост, однако король Павлос постарался не допустить проведения новых выборов и укрепить свое влияние, выступив в роли арбитра. Он предложил создать коалиционное правительство во главе с П. Канеллопулосом (что фактически означало бы существование постоянной угрозы правительственного кризиса, разрешение которого целиком зависело от воли греческого монарха). Получив отказ Папандреу, король был вынужден сформировать служебное правительство во главе с заместителем управляющего Национальным Банком И. Параскевопулосом и назначить новые выборы, которые планировались на 16 февраля 1964 г.

Предвыборная борьба, развернувшаяся в начале 1964 г., свидетельствовала о решимости бывшего премьер-министра Г. Папандреу, являвшегося лидером партии Союза Центра, получить максимально возможное большинство в парламенте и лишить своих

оппонентов как из числа крайне правых, так и крайне левых возможности воздействовать на его политику в будущем. В январе он предложил своему сыну Андреасу участвовать в борьбе за место в парламенте, на что последний дал согласие и, посетив американское посольство в Афинах, отказался от американского гражданства. Молодой и динамичный А. Папандреу, уже известный в стране как экономист-профессионал, пользовался популярностью среди молодежи — фактор не маловажный в период предвыборной борьбы для любой партии. Программные лозунги Союза Центра включали широкий набор требований-обещаний: отмена репрессивных законов периода Гражданской войны; защита национальных интересов Греции перед лицом ее партнеров по военно-политическому блоку НАТО; реорганизация системы образования и повышение его уровня; справедливое распределение доходов среди различных групп населения; создание новых рабочих мест. Прошедшие 16 февраля 1964 г. выборы принесли абсолютную победу возглавлявшемуся Г. Папандреу Союзу Центра, получившему 52,7% голосов и 171 место в 300-местном парламенте. На втором месте оказался блок партий — ЭРЭ и прогрессистов (35,2% голосов, 99 и 8 мест соответственно). Единая Демократическая левая оставалась третьей по величине партией в стране — 11,8% и 22 места в парламенте. Таким образом, борьба Г. Папандреу на два фронта — против правого ЭРЭ и левой ЭДА принесла свои плоды. Победа Союза Центра была во многом обусловлена сложившимися социально-экономическими условиями Греции — резкой диспропорцией между высокими темпами экономического роста, происходившим в годы правления Национального радикального союза и недовольством широких слоев населения распределением среднего уровня доходов среди различных социальных групп. Выдвигавшиеся Союзом Центра программные лозунги на этот счет являлись мощным инструментом мобилизации электората против ЭРЭ.

Процесс формирования нового правительства, во главе которого стал Г. Папандреу, отличался крайней противоречивостью и выявил очевидное желание нового премьера не обострять отношений с престолом: многие из министров оказались из правого лагеря или имели самые тесные связи с королем. Более того, министр обороны страны П. Гаруфальяс, хотя формально и являлся членом ЭК, в действительности был ставленником монарха. Баланс между выполнением программных обещаний, имевших социально-политическое значение и умеренностью, присущей ЭК, предстояло сделать принципом политической стратегии правительства Союза Центра. Однако среди членов нового кабинета были и левоориентированные представители партии Папандреу. Одним из них являлся сын лидера ЭК А. Папандреу. В новом правительстве он занял пост министра-координатора, отвечающего за экономические мероприятия и планирование. Его точка зрения на сложившуюся в стране социально-экономическую ситуацию выражалась в требовании “справедливого участия в распределении национального продукта в пользу непривилегированных слоев” и “борьбы против бюрократии за демократические преобразования”.

Программа реформ, начавшаяся осуществляться правительством Союза Центра, включала серьезные преобразования в области образования, усиления социальных гарантий, увеличения заработной платы. Одновременно были приняты меры, направленные на облегчение получения кредитов. Важным решением стало предоставление правительством гарантий минимальной закупочной цены (которая существенно повышалась) на сельскохозяйственную продукцию греческих товаропроизводителей.

Смерть 6 марта 1964 г. греческого короля Павлоса I и восшествие на престол его сына 24-летнего короля Константиноса серьезно повлияло на расстановку политических сил в стране. Прежде всего для правящей партии Союза Центра облегчалась задача налаживания связей с престолом, так как скончавшийся

монарх находился в крайне натянутых если не сказать враждебных отношениях с лидером ЭК Г. Папандреу. Стремление модернизировать институт монархии и изменить его роль в сторону минимизации влияния, оказываемого на формирование правительства и проведение им соответствующего курса, было одной из главных причин усиления контактов премьера с молодым королем.

Деятельность Г. Папандреу на посту премьер-министра характеризовалась активностью в нескольких областях. Прежде всего это казалось национальной экономики. Для разработки методик и стратегического плана предстоящих реформ был создан Центр планирования и исследований (переименованный из Центра экономического развития, возглавлявшегося А. Папандреу). Фактически он стал главным “мозговым трестом” хозяйственной реформы и входил в структуру Министерства координации. В соответствии с общими направлениями развития, разработанными этим подразделением, предстояло усилить взаимосвязи как со странами европейского Общего рынка, так и развивающимися государствами других континентов. Одновременно правительство начало предпринимать усилия по налаживанию торговых и экономических связей с коммунистическими странами и СССР. Перед Грецией стояла перспектива реструктуризации ее экономики, вовлечения в общеевропейские хозяйственные механизмы и повышение жизненного уровня большинства слоев населения за счет проведения этих мероприятий, тем более что промышленный и экономический рост, достигнутый на протяжении предыдущих 10 лет позволял говорить о реализации такой перспективы.

Во внутривнутриполитической жизни страны предстояло решить вопросы, связанные с последствиями Гражданской войны в Греции 1946–1949 гг. С этой целью произошло освобождение политических заключенных, находившихся в заключении не менее 15 лет или отбывших 2/3 своего срока. Из компетенции военно-судебного делопроизводства выводились и переводились

в гражданские суды дела, связанные со шпионажем (часто обвинение в совершении этого преступления выносилось в отношении членов КППГ).

Продолжая начатый ранее курс на реформирование системы просвещения, Г. Папандреу настоял на принятии закона об обязательном образовании, повысив возраст выпускников до 15 лет. Более того, легализировалось преподавание предметов на димотике в средней школе (ранее здесь господствовала кафаревуса).

Внешнеполитическое направление деятельности правительства Союза Центра являлось особой заботой, так как связи страны с ее партнерами по НАТО и особенно США определяли не только форму поведения Афин на международной арене, но и внутривнутриполитические коллизии по конкретным вопросам национальной безопасности и интересов Греции. Кипрская проблема была одной из таких. Противоречия между двумя этническими общинами острова — греками и турками обострялись, так как каждая из сторон крайне недоверчиво относилась к противоположной, чему в немалой степени способствовало “процентное квотирование” должностей в государственном аппарате и общественно-политической жизни страны. Особое недовольство у греков вызывало закрепленное за турками право на гарантированные 30% мест на государственной службе, что не соответствовало процентному распределению граждан по этническому признаку и ущемляло права греков. Осенью 1963 г. президент Кипра Архиепископ Макариос обратился к вице-президенту страны Кучюку с целым списком предложений, касавшихся возможных изменений конституции. Среди них были отказ от права вето со стороны президента и вице-президента, а также уменьшение гарантированной процентной квоты для турок, находящихся на государственной службе. Турецкое правительство, ознакомившись с предложениями, отвергло их. После этого и Кучюк заявил о невозможности принять такие предложения. Анкара не собиралась расставаться со своей ролью ар-

битра в кипрских делах и минимизировать присутствие в средиземноморском бассейне, рассчитывая занять место регионального лидера. Последовавшие за этим в конце 1963 г. события свидетельствовали о нарастании кризиса на Кипре: массовые волнения и демонстрация военной мощи со стороны Турции начинали приобретать региональную масштабность. Партнеры Афин по НАТО внимательно следили за происходившим. На первое место среди посредников вышли американцы, отправившие генерала Лемницера с особой миссией в Турцию и Грецию, так как Анкара пригрозила военным вторжением на остров. Одновременно и Великобритания начала предпринимать усилия, направленные на сдерживание сторон от применения силы. Периодически повторявшиеся турецкие угрозы в адрес правительства Кипра в конце концов были восприняты в Вашингтоне как угроза военно-политического конфликта в стратегически важном для США регионе и президент Джонсон предупредил премьер-министра Турции И. Инёню о возможных серьезных последствиях для Анкары любой попытки прибегнуть к военной интервенции на Кипр. Практически весь 1964 г. прошел под знаком межэтнических столкновений на острове и постоянной угрозы со стороны Турции применить силу. Позиция Г. Папандреу по “кипрскому вопросу” была нацелена на сохранение за этим островом статуса независимого государства, находящегося в очень близких отношениях с Грецией. Поэтому он с тревогой наблюдал, как Президент Макариос стремится выработать собственный внешнеполитический курс и опираться на так называемое движение неприсоединения. Вопрос о воссоединении Кипра и Греции не стоял в повестке дня. Со своей стороны американцы, преследовавшие цель решить “кипрский вопрос” таким образом, что бы получить стратегические преимущества и обезопасить себя на будущее от возвращения к этой проблеме, предложили Г. Папандреу свой план урегулирования проблем. Они высказались за воссоединение Кипра с Грецией, но при условии создания военных баз Турции на острове

и образования административно-территориальных единиц с этническим турецким населением и передачи небольшого греческого островка туркам. Этот план, выдвигавшийся бывшим госсекретарем США Д. Ачесоном, был отвергнут по вполне понятным причинам. Отношения Греции с ее партнерами внутри Северо-атлантического альянса претерпевают некоторые изменения, что выразилось прежде всего в расширении сотрудничества Афин с Бонном и Парижем.

Проведение нового, отличного от того, который проводил ЭРЭ, политического курса серьезно влияло на поведение правых консервативных сил страны. Существовавшая в рядах вооруженных сил тайная организация ИДЭА отслеживала попытки Г. Папандреу провести какие-либо реформы в армии и тем самым нарушить сложившуюся корпоративную систему офицерской круговой поруки и откровенной политизированности. Попытки соблюдать закон о ротации офицеров и размещении их по прошествии определенного срока в новых местах службы, предпринятые зам. министра обороны, наталкивались нередко на противодействие короля Константиноса, покровительствовавшего армии и видевшего в этом институте опору. Среди противников Союза Центра в рядах военных всё отчетливее проявлялось недовольство “левым курсом” правительства. 29 ноября 1963 г. во время празднования очередной годовщины акции партизан ЭАМ/ЭЛАС на мосту Горгопотамос в толпе взорвалась бомба, но виновные так и не были найдены. Однако ряд бывших деятелей Национально-освободительного фронта оказался на скамье подсудимых “за нарушение общественного порядка”. В ряде войсковых подразделений были обнаружены прокламации, в которых содержались антиправительственные призывы и требования к Министерству обороны “спасти отечество от красных и предателей”. Агитационно-пропагандистская деятельность ИДЕА расширялась и приобретала черты откровенной борьбы с правительством Г. Папандреу.

Ситуация в Греции на протяжении — осени 1965 г. развивалась в явно неблагоприятном для левых направлении. В марте 1965 г. правительство Папандреу усилило нажим на “левые силы, прежде всего их коммунистическую часть. Стремясь не допустить расширения влияния подрывной идеологии, премьер-министр издал специальный циркуляр, адресованный Генеральному инспектору Министерства среднего образования, в котором призвал бороться с проникновением коммунизма, “являющегося врагом нации и демократии”. В свою очередь военное ведомство обратилось к королю Константиносу II с предостережением об активизации коммунистической молодежной организации “Ламбракис”, а также стремлении КПП добиться легализации не только парламентским путем, но и организацией массовых беспорядков — с помощью своего рода силового давления на правительство. Особо пристальное внимание активизации левых коммунистов уделяли спецслужбы. По линии Второго Бюро Генерального штаба, занимавшегося контрразведкой, велось наблюдение за ЭДА и подпольными структурами КПП. В мае 1965 г. греческой контрразведке удалось выйти на хорошо законспирированную военно-политическую организацию, в состав которой входили молодые офицеры как вооруженных сил, так и Центральной службы информации (КИП) — греческого аналога ЦРУ. Одновременно обнаруживались связи с гражданскими политиками левоцентристской ориентации. В соответствии с полученной информацией ведущее место среди них занимал А. Папандреу — сын премьер-министра Греции, один из министров правительства Союза Центра и лидер левого крыла этой партии. В ходе оперативных мероприятий было выяснено название организации — АСПИДА (“Щит”), каждая из букв которого одновременно являлась начальной соответствующего слова, образуя призыв: “Офицеры, Спасите Родину, Идеалы, Демократию, Честь!”

Имея в виду, что в греческих вооруженных силах с середины 40-х гг. действовала секретная, пользовавшаяся поддержкой

правых политиков праворадикальная организация ИДЭА, существование еще одной подпольной структуры к тому же противоположной по своей идейно-политической ориентации было невозможно сохранить в тайне. В мае-июне 1965 г. греческие газеты получили через каналы спецслужб информацию о “деле Аспида” и вовлеченности в заговор А. Папандреу. В свою очередь Г. Папандреу, почувствовав, что правые переходят в наступление и в создавшихся условиях контроль над армией является составляющей успеха в этом конфликте, потребовал смены близкого ко Дворцу министра обороны П. Гаруфальяса и передачи этого ведомства под собственное начало. В немалой степени решительным действиям премьера способствовало обнародование существовавшего “Плана Перикл”, с помощью которого была одержана, фактически, победа ЭРЭ на выборах в начале 60-х гг. Однако выбранный лидером Союза Центра момент (в это время в отношении его сына А. Папандреу начали проводиться следственные мероприятия на предмет его возможной вовлеченности в дело АСПИДА) был крайне невыгоден. К тому же и Гаруфальяс, несмотря на то, что являлся членом Союза Центра, вел себя независимо и не собирался подавать в отставку. После обращения к королю Константиносу с просьбой воздействовать на министра обороны Г. Папандреу, получив отказ, подал 15 июля 1965 г. в отставку. Ситуация развивалась столь драматично, что министр обороны и начальник Генерального штаба, ожидавшие непредсказуемых событий, объявил готовность “номер один” для половины войсковых частей, расквартированных в области Атика. В столицу страны также были подтянуты войска. Тем временем сторонники подавшего в отставку премьера вышли на улицы городов, организовавшись в массовые демонстрации в знак протеста против того, что они назвали “королевский государственный переворот”.

Разразившийся правительственный кризис был проявлением назревших противоречий между новыми политическими реальностями страны и сформировавшимися в предшествующие годы

взаимосвязями триархии, т. е. институтом монархии — армией — парламентом. Компетенция этих составляющих греческого политического механизма элементов явно не соответствовала прошедшей период модернизации страны. Традиционалистская патриархальность “коронованной демократии”, суть которой заключалась в том, что монарх царствует, но не правит; дает рекомендации, но не занимается созданием правительства, исчерпала себя. На повестку дня вставал вопрос реструктуризации центров власти и переход к гражданскому обществу с характерной для него системой разделения полномочий между исполнительной, законодательной и судебной властями. В Греции середины 60-х гг. нарастал так называемый “кризис роста” периода модернизации.

2. Военный режим и его ликвидация (1967–1974 гг.)

Уход в отставку Г. Папандреу и активизация правых сил, поощряемых престолом, обострили ситуацию в обществе. Развившийся правительственный кризис лишь усилил процесс фрагментации правящей элиты, отдельные группировки и кланы которой, не будучи в состоянии выступить в роли единственно сильного претендента на власть, были вынуждены всё сильнее зависеть от поддержки двух, набравших силу институтов существовавшей триархии — армии и престола. Попытки создания правительств, возглавляемых отдельными политическими деятелями, отколовшимися от Союза Центра или близкими к нему, Г. Атанассиадис-Новасом и И. Циримокосом, — не увенчались успехом. Тактика короля Константиноса заключалась в привлечении на свою сторону недовольных из рядов ЭК и образовании правительства, полностью зависимого от воли монарха, а также вынужденного сотрудничать с оппозиционными Национальным радикальным союзом и Партией прогрессистов. В конечном счете король сумел найти нужную фи-

гуру, которая смогла удовлетворить парламентариев, голосовавших два предыдущих раза против вотума доверия правительству. Пост премьер-министра в сентябре 1965 г. занял представитель правого крыла Союза Центра Ст. Стефанопулос. Среди политических кругов распространились слухи о “финансовых инструментах” разрешения правительственного кризиса и участия в этом процессе как короля Константиноса, так и американского посольства в Греции. В ходе голосования по вопросу о вынесения вотума доверия правительству Стефанопулоса, выяснилось что 152 депутата парламента высказались “за”, а 148 “против”. Выход из Союза Центра 45 депутатов, названных их бывшими коллегами по партии “отступниками”, существенно повлиял на расстановку сил в парламенте. Все они получили министерские или высокие государственные посты, а Атанассиадис-Новас и Циримокос были назначены заместителями премьер-министра. Однако эти события воспринимались крайне отрицательно как основной частью политиков Союза Центра, так и Единой Демократической левой, отказавшихся признать законность создания правительства Стефанопулоса и действий короля в целом. Фактически на протяжении последующих 15 месяцев в стране развернулась борьба, возглавляемая Г. Папандреу, за проведение новых парламентских выборов. При этом, лозунгом оппозиции стал девиз “*Eva eva téssera*” (“один один четыре”) — номер статьи Конституции 1952 г., в которой говорилось о необходимости “поддерживать патриотизм греческой нации”. Помимо массовых манифестаций и волнений в различных городах, политическая жизнь страны столкнулась и с проявлениями терроризма в форме “бомбовой войны” — взрывами общественно-значимых объектов (редакций газет и журналов) и психологического давления (угрозы лево-экстермистского толка в адрес властей). В свою очередь последние активизировали расследование “дела АСПИДА”, в результате чего начались аресты среди офицеров не только армии, но и спецслужб, прежде всего КИП, а также жандарме-

рии. 1 октября 1966 г. был обнаружен обвинительный акт в отношении 28 офицеров. Более того, в обвинительном заключении недвусмысленно заявлялось о вовлеченности в заговорщическую деятельность подпольной организации руководства Союза Центра и, в частности, А. Папандреу. В адрес Г. Папандреу высказывалось обвинение как оказывавшего покровительство своему сыну и не принявшего решительных мер по предотвращению “антиконституционного заговора”. Генеральный прокурор потребовал лишения А. Папандреу депутатской неприкосновенности в связи с вовлеченностью сына лидера ЭК, как полагали судебные власти, в готовившийся АСПИДА переворот. Имея в виду начавшиеся развиваться тесные связи между левым крылом ЭК и ЭДА, многие из аналитиков и профессиональных политиков видели перспективу прихода к власти откровенно левых сил.

На фоне разворачивавшегося судебного процесса, имевшего огромный резонанс в обществе, так как были обнаружены данные о деятельности специальных служб страны, их связей с американским ЦРУ; расширяющихся волнений в разных регионах страны и сохраняющегося правительственного кризиса, вопросы внутренней безопасности превращались в важный элемент жизни Греции в целом.

Уже в 1966 г. военно-политическое руководство страны предприняло меры по внесению изменений в существовавший на случай чрезвычайных обстоятельств “План Прометей”. В соответствии с этим документом, разработанным при активном участии НАТО, в случае существования опасности для боеготовности страны-участницы Северо-атлантического пакта, предусматривался комплекс решительных действий (включая участие армии), направленных на стабилизацию положения в данном государстве. Отличительной особенностью греческого плана реагирования на чрезвычайную обстановку был механизм его “запуска” в действие: приказ о начале действий давался начальником Генерального штаба, а не главой государства или

Совета министров. Дополнение к “плану Прометей”, сделанное в 1966 г., представляло собой отдельный документ, названный “Приложением № 1”, и представлявший собой аналитический материал, который уточнял обстоятельства, при которых сам план мог быть введен в действие. Среди основных параметров “кризисного положения” были создание коммунистического народного фронта, проникновение коммунистической агентуры в армию, подготовка коммунистического восстания с целью захвата власти и вероятность помощи повстанцам со стороны коммунистических стран и прежде всего Болгарии. Частью этого плана было составление списков “неблагонадежных подрывных элементов”, способных нанести ущерб национальной безопасности Греции.

Приход к власти правительства Стефанопулоса, хотя и принадлежавшего к Союзу Центра, не ознаменовался продолжением начатых Г. Папандреу реформ. Не обладая большинством в парламенте и полностью завися от трона и оппозиции в лице ЭРЭ, оно не могло проводить самостоятельной политики и было вынуждено считаться с обстоятельствами. Внутри него начался процесс консолидации и организационного оформления новой партии — Либерально-демократической. В некогда едином Союзе Центра, в свою очередь, усилились центристские тенденции, выразившиеся в разрастании противоречий между левым крылом партии, возглавлявшимся сыном бывшего премьер-министра Андреасом Папандреу и правым сектором ЭК, состоявшем из единомышленников старшего Папандреу. Не менее серьезным было положение и в Единой Демократической левой, где уже давно назревал конфликт между безусловными сторонниками КПП, использовавшими ЭДА как легальное прикрытие для запрещенной компартии и теми, кто выступал за полную самостоятельность Единой Демократической левой от нее и ориентацию на социал-демократическую, а не коммунистическую перспективу. Начавшиеся конфиденциальные контакты между отдельными руководителями ЭДА и людьми из

ЭК, близкими к Папандреу и его сыну — А. Папандреу, к лету 1966 г. стали устойчивыми.

В условиях фрагментации основных политических сил (внутри ЭРЭ также проходили дезинтеграционные процессы), всё чаще раздавались призывы о необходимости проведения досрочных парламентских выборов, а среди политиков высказывались планы создания правоцентристской коалиции. К декабрю 1966 г. между соперничавшими силами в лице Союза Центра, возглавляемого Г. Папандреу и ЭРЭ, лидером которого являлся П. Канеллопулос, было достигнуто секретное соглашение относительно проведения предстоящих выборов и механизма реализации взаимных интересов в случае возникновения “патовой ситуации”, суть которого состояла в возможности создания коалиционного правительства. Особую роль в ведшихся секретных переговорах принадлежала королю Константиносу II, выступавшему как посредник и арбитр (чего он постоянно добивался уже и ранее).

20 декабря 1966 г. руководитель Национального радикального союза П. Канеллопулос выразил своё недоверие правительству Ст. Стефанопулоса и последний был вынужден подать в отставку, которая была принята королём. Вскоре был создан кабинет под руководством с И. Параскевопулоса, в задачу которого входило проведение выборов. Правые политические силы в лице ЭРЭ проявили обеспокоенность возможным исходом выборов, результаты которых могли оказаться не в пользу Национального радикального союза, и потребовали создания однопартийного правительства ЭРЭ, что и произошло” 3 апреля 1967 г. В правых политических кругах, частью которых являлись представители военного истеблишмента, проявилось осознание опасности потери контроля над ситуацией и перехода в руки их оппонентов из числа Союза Центра и Единой Демократической левой реальной власти. В рядах ЭРЭ всё чаще слышалось недовольство “слишком мягкой политикой в отношении врагов нации” (каковыми рассматривались все, кто так или

иначе был связан с ЭК и ЭДА). В среде военных и прежде всего в офицерском корпусе росла уверенность в необходимости решительных действий. Проводившиеся изменения в руководстве вооруженных сил способствовали приходу на ключевые посты членов ИДЭА или сочувствовавших этой организации генералов. Во главе Генерального штаба встал генерал-лейтенант Спандидакис, а заместителем начальника Третьего бюро (Оперативное управление ГШ) — полковник Пападопулос. Создание в июне 1966 г. Седьмого бюро (Управление психологических операций) и назначение его начальником Пападопулоса, усилило позиции наиболее решительно настроенного круга греческого офицерства, разделявшего праворадикальные антикоммунистические установки. Со стороны высшего руководства армии все резче проявлялось недовольство складывающейся обстановкой. Более того, строились конкретные планы силовых действий в случае победы на парламентских выборах Союза Центра. В кругах противостоящей стороны — левого крыла Союза Центра и ЭДА также разрабатывались проекты возможного воздействия на обстановку, если парламентские выборы будут отменены или их результаты объявлены недействительными. 15 апреля 1967 г. отставной генерал-майор А. Аргиропулос составил план активных мероприятий, в число которых входило создание ударных групп, которые на первом этапе должны были выступить организаторами и костяком мирных массовых протестов, а на втором — прибегнуть “в случае необходимости к действиям организованных народных масс, врукопашную, на центральных улицах и площадях городов и за пределами, против органов антидемократической олигархии”.

Тем временем в вооруженных силах Греции к концу марта 1967 г. сформировавшейся группой старших офицеров и генералов, стоявших на жестких правых позициях, активно велась подготовка к проведению государственного переворота с целью не допустить прихода к власти тех, кто мог считаться ими как левые или коммунисты. Предстоящие парламентские выборы,

намеченные на 28 мая 1967 г., могли быть не в пользу правых в случае блокирования Союза Центра с Единой Демократической левой. Перспектива усиления позиций левых сил с тревогой воспринималась в военных кругах страны и во Дворце. Поэтому подготовка к возможным неблагоприятным последствиям шла по двум направлениям. Во-первых, близкие к престолу члены военной элиты во главе с генералом Спандидакисом, активно вели секретные консультации с рядом высокопоставленных военных и гражданских политиков относительно перспектив проведения переворота, позволившего бы изменить конституционный порядок на несколько ближайших лет “для нормализации положения” под контролем правительства генерала Доваса с участием гражданского политика Пипинелиса и запасного генерала Цакалотоса. Однако участники складывающейся в тайне группировки, называвшейся потом “королевской хунтой” или “большой хунтой”, не могли прийти к единому мнению о сроках возможного переворота: проводить ли его до выборов (в отношении которых у них существовала надежда на победу ЭРЭ) или после них.

Вторая группировка, целиком состоявшая из старших офицеров армии и службы безопасности, главную роль среди которых играли полковники, вошла в историю под названием “малая хунта”. Она ставила своей задачей не допустить проведения выборов вообще, так как считала, что их результаты будут в пользу левых. При этом существовали довольно активные связи между первой и второй группой заговорщиков, но члены “королевской хунты” не знали о планах другой группы и рассматривали ее как организацию “патриотически настроенных офицеров”. К середине апреля 1967 г. события начали развиваться уже быстрее. 17 апреля на проходившем заседании Высшего военного совета сухопутных войск помимо обсуждения чисто военных вопросов были подняты и проблемы внутриполитического развития страны. Уже в ходе обмена мнениями между генералами и старшими офицерами — членами Со-

вета были высказаны предложения о необходимости вмешательства армии во внутривнутриполитический процесс “в связи со сложившейся в стране опасной обстановкой”. При этом, выявилось два подхода к участию вооруженных сил в создавшейся ситуации. Часть из присутствовавших заявляла о необходимости получения одобрения у короля возможных решительных действий. Однако другие настаивали на большей самостоятельности от престола и собирались поставить Константиноса II перед фактом. Противоречия, возникшие в результате обсуждений внутривнутриполитического положения Греции и касавшиеся прежде всего вопроса отношений вооруженных сил с институтом монархии, так и не были устранены на протяжении последовавших трех дней заседаний Высшего военного совета. В середине дня 20 апреля участники обсуждений решили сделать перерыв на несколько дней, с тем, чтобы выработать единую позицию по главному вопросу — предстоящих действиях армии и ее отношениях с королем.

В то время как проходили заседания в Высшем военном совете, практически одновременно с ними, шли консультации членов группы старших офицеров во главе с полковником Г. Пападопулосом. На этих секретных встречах, количество участников которых то сокращалось, то увеличивалось (в зависимости от обсуждавшихся проблем), рассматривались достаточно важные вопросы: план проведения военного переворота; состав будущего правительства; реформирование системы государственной власти; основные направления хозяйственно-экономического развития Греции после установления военного правления. 20 апреля 1967 г. генерал-лейтенант Г. Зоитакис, участвовавший в работе Высшего военного совета и выступавший там за то, чтобы не согласовывать действия с королем в случае использования армии во внутривнутриполитических событиях, сообщил полковнику Г. Пападопулосу относительно планов генералитета. В военных кругах страны уже никто не ставил под сомнение потенциальную возможность вовлечения вооруженных

сил во внутривосточные коллизии и прежде всего откровенного силового давления или даже насилия в отношении центристских и левых сил страны, которые рассматривались военными как угроза национальной безопасности и территориальной целостности Греции. 20 апреля 1967 г. активность военных достигла своего апогея — вопрос о возможном государственном перевороте переставал быть лишь гипотетической альтернативой “мирному урегулированию”, о котором говорили гражданские политики. Цепь ряда событий свидетельствовала о многоходовости задуманной различными военными группировками операции. Так, в частности, получив сведения от анонимного информатора, сообщившего начальнику Генерального штаба генералу Спандидакису о возможности его ареста, последний постарался получить подтверждение лояльности членов другой военной группировки, которой руководил полковник Г. Пападопулос, что тот и сделал. В свою очередь член той же группы начальник управления КИП по Северной Греции полковник Гандонас представил премьер-министру страны и руководителю ЭРЭ П. Канеллопулосу доклад о том, что на предстоящих выборах Национальный радикальный союз ждет в Северной Греции поражение, которое обернется для страны приходом к власти лево-центристов, или, что, по его словам, нельзя было исключать, леваков в лице ЭДА. Таким образом заговорщики проводили зондаж относительно возможной реакции тех или иных военных и политиков, в которых они не были уверены. Подготовка к выступлению подходила к своей завершающей стадии.

В ночь с 20 на 21 апреля 1967 г. события начали развиваться очень быстро. Руководитель военной группировки, состоявшей из старших офицеров, полковник Г. Пападопулос, являвшийся заместителем начальника Третьего бюро Генерального штаба, дал в 2 часа утра 21 апреля приказ частям афинского гарнизона действовать в соответствии с планом, носившим экзотическое название “Голодная собака” и предусматривавшим

объявление тревоги среди подразделений афинского гарнизона, а также сосредоточение их в определенных, имеющих военно-стратегическую значимость, местах города. Танки, бронемашины и боевые машины пехоты М-59 американского производства заблокировали основные правительственные здания, в число которых вошли Национальный Институт радиовещания и Национальная организация телекоммуникаций. Следующим шагом, который предстояло незамедлительно сделать, было приведение в действие разработанного совместно с натовскими специалистами “Плана Прометей”. Он предусматривал целый комплекс мероприятий, направленных на стабилизацию положения в стране в момент существования потенциальной внутренней угрозы. В число таких мер входили приостановка действия ряда статей Конституции, гарантировавших гражданские права и свободы; введение военной цензуры; введение или усиление (там где он уже был) контроля за средствами коммуникации — телефонной и телеграфной связью; запрет политической и общественной деятельности партий и организаций; арест политических и государственных деятелей, представляющих опасность для национальной безопасности страны. Однако для того, чтобы этот план реализовать был необходим приказ начальника Генерального штаба генерала Спандидакиса. Рано утром 21 апреля 1967 г. он был задержан по приказу Г. Пападопулоса и доставлен в здание Генштаба. Пикантность ситуации заключалась в том, что генерал считал себя руководителем происходившего переворота и был несколько удивлен обстоятельствами, подтверждавшими противоположную картину — он выступал в роли инструмента военной группировки, состоявшей из старших офицеров. Его приказ о введении в действие “Плана Прометей” обуславливалось стремлением сохранить свои личные позиции в армии. Вскоре после того, как танки заняли стратегически важные места в столице, начались аресты политических и государственных деятелей, имевших среди военных репутацию оппозиционеров или либералов, способствовавших

росту влияния левых. В отношении подпольных структур КПГ, а также легальных организаций ЭДА были предприняты силовые действия — аресты активистов этих партий, конфискация их материалов и архивов. Среди арестованных оказались многие известные политики и государственные деятели — премьер-министр П. Канеллопулос, А. Папандреу, адъютант короля Константиноса II Арнаутис, руководители и видные члены ЭРЭ, Либеральной партии и ЭДА. Арест крупных политических деятелей из числа как левого, так и правого лагеря, не говоря уже о коммунистах, свидетельствовал о боязни оппозиции новому режиму со стороны гражданских политиков. Попытки министра общественного порядка Г. Раллиса, проинформировавшего короля о происходящем перевороте, противодействовать заговорщикам не дали результатов, так как его радиogramма, адресованная командиру III-го армейского корпуса, расквартированного в Салониках, бригадному генералу Видалису не была получена. В тоже время генерал Спандидакис приказал Видалису приступить к реализации “Плана Прометей”. Стремительность, с которой проводилась операция, выявила и определенные нюансы положения, сложившегося в вооруженных силах страны. Как показала практика многие из командиров войсковых подразделений не имели представления о происходившем в Афинах перевороте и рассматривали реализацию “Плана Прометей” как признак начала вооруженного конфликта с Турцией. Лишь позже, с рассветом, они успокоились — в переданном по радио сообщении говорилось, что Константинос признал переворот. Особое внимание группа Г. Пападопулоса уделяла реакции военного истеблишмента на свои действия. Особая роль армии в развертывавшихся событиях требовала полного единогласия в ее руководстве в момент и после проведения переворота. Поэтому, в целях не допустить возможного противодействия со стороны отдельных высокопоставленных армейских командиров, организаторы переворота арестовали практически весь командный состав греческих

вооруженных сил, собравшийся на заседания Высших военных советов сухопутных войск и военно-воздушных сил. Через некоторое время большая часть задержанных была освобождена и отправлена на военно-транспортных самолетах в свои части. Лишь некоторые из них были отправлены в отставку.

Рано утром 21 апреля 1967 г. руководители военного переворота полковники Г. Пападопулос, Н. Макарезос и генерал Ст. Паттакос явились на встречу с королем. Они старались убедить Константиноса признать военный переворот, однако, монарх потребовал встречи с начальником Генерального штаба Спандидакисом. Молниеносного признания со стороны короля действий заговорщиков, на что последние надеялись, не последовало — Константинос сначала встретился со Спандидакисом, который советовал признать переворот, а затем отправился в Генеральный штаб на встречу с находившимися там временно задержанными генералами. Некоторые из них рекомендовали королю не признавать военного переворота. Там же произошла встреча и с арестованным премьером П. Канеллопулосом. Через некоторое время Константинос смог добиться компромисса с руководителями заговора: в ответ на его признание совершенного ими государственного переворота он получал право назначить членами нового правительства по своему усмотрению отдельных его членов. Так, в частности, премьер-министром был назначен Генеральный прокурор страны К. Коллиас, его первым заместителем и министром обороны генерал Спандидакис. Программное заявление нового премьера было достаточно своеобразным для текущего момента: он резко выступил против деления греков на левых, правых и центристов, объявив о существовании “только одних греков — верящих в Грецию”.

В тот же день новое правительство принесло клятву королю. Официально было объявлено, что на основании статьи 91 Конституции страны власть переходит в руки армии и приостанавливаются те статьи основного закона, которые касались гарантий гражданских прав и свобод. Так был разрешен многолетний

политический кризис и порожденная им нестабильность в стране. Король Константинос II выступил гарантом легитимности действий армии. Задачами военного режима, как об этом было официально объявлено, являлось достижение стабильности политического развития; ликвидация коммунистической угрозы и борьба с экстремистскими элементами; проведение экономических и социальных реформ, направленных на оздоровление хозяйственной жизни. Сам Г. Пападопулос сразу же после переворота заявил, что пребывание у власти военных будет недолгим периодом перехода к «устойчивой демократии».

Официально события 21 апреля 1967 г. в Греции назывались «Революцией», «революционным движением вооруженных сил». Его символом стала эмблема, на которой был изображен солдат с винтовкой на фоне возрождающейся из пепла мифической птицы Феникс.

Резкая антикоммунистическая направленность идейно-политических установок режима, его жесткие меры в отношении недовольных как из числа левых, так и правых, с одной стороны, и экономические мероприятия (списание старых долгов с крестьян, повышение пенсий, улучшение медицинского обслуживания, увеличение размеров стипендий в высших учебных заведениях) — с другой, были нацелены на преодоление существовавшего до 21 апреля 1967 г. кризиса, вызванного модернизацией. Постоянные правительственные кризисы и частые смены кабинетов полностью разбалансировали политическую систему страны, подготовив почву для самых решительных изменений.

Основными причинами военного переворота стали как кризисные моменты развития греческого общества, так и процессы в вооруженных силах страны. Офицерство, являвшееся на протяжении всего существования новогреческого государства одним из важных статусных слоев общества, почувствовало ослабление своих позиций, а начавшиеся изменения в социально-политической структуре Греции лишь способствовало вызрева-

нию у него недовольство своим социально-экономическим положением.

Назначение Коллиаса по ходатайству короля премьер-министром страны не смогло нейтрализовать тех, кто устроил военный переворот и не собирался выпускать власть из своих рук. Со всей очевидностью это проявилось в создании так называемого Революционного совета, куда входил триумvirат — Г. Пападопулос, Н. Макарезос и Ст. Паттакос. Они взяли под контроль все главные министерства. При этом двое из трех перечисленных имели непосредственное отношение к греческим спецслужбам, занимая там ответственные посты. Так, в частности, Г. Пападопулос на протяжении долгого времени являлся вторым человеком в Центральной службе информации (КИП) — греческом аналоге американского ЦРУ и выступал в роли связующего звена между американскими и греческим разведывательными сообществами, занимаясь координацией деятельности греческой контрразведки и ЦРУ. Созданный пришедшими к власти военными Революционный совет выполнял функции директивной инстанции в отношении других государственных структур. Сам полковник Пападопулос занял ответственный пост при премьер-министре и ведал контролем над прессой и другими средствами информации. Паттакос был назначен министром внутренних дел, а Макарезос — министром-координатором при премьер-министре и занимался вопросами экономики.

Ситуация в стране, однако, несмотря на активные попытки пришедших к власти военных, не ознаменовалась стабилизацией. Массовые репрессии, развернутые в отношении всякой оппозиции, дополнялись и откровенной компрометацией режима его же собственными вождями. Сложные взаимоотношения внутри хунты, вылившиеся в явное противоборство нескольких составлявших ее группировок не свидетельствовали о “единстве власти”, провозглашенном полковниками 21 апреля 1967. Среди пришедших к власти военных не было ни одного представителя военной элиты или просто интеллигентных представителей

греческого офицерского корпуса. “Кухаркины дети”, как за глаза звали их многие греческие офицеры, получив образование в военных училищах и академиях Греции и США, не стали утруждать себя особыми изысками и “философствованиями”, а воплотили на практике “лучшие” установки “тех, кто был ничем, но стал всем”.

Идеологические основы нового режима активно разрабатывались двумя главными специалистами в этой области — издателем газеты с претенциозным названием “Ελεύθερος κόσμος” (“Свободный мир”) С. Констандопулос, являвшимся личным другом полковника Г. Панадопулоса и бывшим сторонником КПГ, порвавшим с ней в начале 60-х гг. Г. Георгаласом. Выдвигавшиеся ими установки, нацеленные на усиление “патриотического духа нации” и культивирование патриархальных традиций имели вполне конкретное необычное для своего времени воплощение. Так, в частности, как курьез воспринимались греками распоряжения правительства о запрете ношения девушками и женщинами платьев и юбок, длина которых была больше 15 см от земли или запрете ношения юношами длинных волос; об обязательности посещения студентами воскресной литургии и недопустимости для них такого развлечения, как игральные автоматы. Тем же декретом от 27 апреля 1967 г. министр внутренних дел бригадный генерал Ст. Паттакос установил порядок входа в общественный транспорт с задней двери и выхода из передней. 9 мая правительство заявило, что “иностранные туристы, чей внешний вид будет сочтен похожим на хиппи, будут высылаться из Греции”. Несмотря на отмену этих “туристских законов” 15 мая, образ “новой Греции” как внутри страны, так и за ее пределами (особенно среди международной общественности), становился крайне негативным.

Стремясь упрочить свое положение, пришедшие к власти военные оказывали сильное давление на короля Константиноса с тем, чтобы он встал на их сторону и фактически выступил с ними в тандеме. Сам монарх, с одной стороны, отказался от

того, чтобы подписать указ (уже обнародованный от его имени) о введении чрезвычайного положения, а с другой, — поддерживал отношения с руководителями переворота. Особо щепетильным вопросом в создавшейся ситуации были отношения Греции с ее западными союзниками, многие из которых крайне негативно оценили приход военных к власти. Однако вскоре был найден выход из этого крайне затруднительного положения: большинство правительств объявило о том, что их дипломатические миссии аккредитованы не при греческом правительстве, а при короле. Молчаливое противостояние между Константиносом и полковниками продолжалась вплоть до сентября 1967 г., когда греческий монарх недвусмысленно заявил во время визита в США о своем осуждении установленного военно-политического режима. Вскоре после возвращения по настоянию Революционного совета он был вынужден подписать указ об увольнении со службы ряда офицеров — сторонников монархии. Отношения между королем и руководителями нового режима стали резко обостряться, а вскоре наступила и развязка — Константинос оказался организатором крайне непродуманного и непрофессионально подготовленного контрпереворота. 13 декабря 1967 г. он попытался, используя свое влияние в отдельных воинских частях и на кораблях греческих ВМС, отстранить от власти военных. Однако расчет на то, что после начала действий сторонников монарха на севере страны к ним присоединятся вооруженные силы на всей территории Греции не оправдался. Константинос не был готов на решительные шаги, чреватые крупными столкновениями и после неудачи был отправлен властями вместе с семьей и премьер-министром К. Коллиасом в почетную ссылку в Рим. Г. Пападопулос и его сподвижники использовали эти события для проведения чисток в армии против тех, кто так или иначе не был согласен с новым режимом. Другим направлением деятельности Революционного совета был отказ от формально существовавшей системы гражданского управления страной. Вскоре генерал Зоитакис был назначен

регентом, а полковник Г. Пападопулос премьер-министром. Законодательно оформить преобразования должна была новая конституция, которая вырабатывалась специально подобранной комиссией взамен существовавшего с 1952 г. основного закона страны. В новом документе на первый план выдвигалась исполнительная власть, усиливалась роль вооруженных сил в политической жизни, оформлялся “мягкий” вариант авторитарного режима, причем власти в нужный момент могли по своей воле ужесточить его. В соответствии с проектом, вынесенным на плебисцит 29 сентября 1968 г., Греция оставалась монархией, а роль премьер-министра становилась ключевой и решающей. Власть парламента была резко ослаблена, количество его членов сокращено вдвое (с 300 до 150 человек). Допускалось снятие депутатской неприкосновенности по требованию руководства режима в случае, если депутат или группа депутатов считались виновными в совершении антигосударственных преступлений. Вопросы внешней политики, обороны и безопасности решались при консультативной, а не решающей роли правительства. Гарантия прав и свобод граждан в проекте конституции ставилась в прямую зависимость от “недопущения злоупотреблений конституционными нормами”. Идеологической основой режима, как объявлялось об этом в документе, была концепция “греко-христианской цивилизации”.

Политическая практика военного режима встретила сопротивление как внутри Греции, так и за ее пределами. Органы безопасности — асфалия и военная полиция (ЭСА), вели активную работу по подавлению всякого инакомыслия в стране. Однако уже с самого начала существования диктатуры стали образовываться тайные организации, ставившие своей целью борьбу с ней. В начале мая 1967 г. из сторонников КПГ и ЭДА был создан Патриотический антидиктаторский фронт (ПАМ), а летом того же года сын бывшего премьер-министра Греции Г. Папандреу — Андреас Папандреу основал организацию Всегреческое освободительное движение (ПАК), к которой при-

соединилась немногочисленная группировка лево-либеральной интеллигенции под названием “Демократическая оборона”. Период 1967–1974 гг. стал для Греции временем так называемого второго Соппротивления (по аналогии с Национальным сопротивлением в годы оккупации 1941–1944 гг.).

Программы действий созданных организаций, несмотря на разные оттенки в истолковании причин прихода к власти военных и роли в этом отдельных политиков, имели общие черты: в них провозглашалась борьба с режимом “черных полковников”, выдвигалась задача восстановления демократии, ограничения влияния США на внутренние дела Греции, выхода из НАТО. В целом, однако, говорить о серьезном противодействии режиму внутри Греции в первое время после переворота не приходилось. В основном борьба развернулась за пределами страны и выражалась в активной мобилизации общественного мнения западных демократических стран и влиятельных общественных кругов с целью осуждения военного режима. Сыграла свою роль и позиция ряда социал-демократических правительств государств Северной Европы. Одной из самых серьезных демонстраций протест в годы военного правления были похороны 3 ноября 1968 г. 80-летнего Г. Папандреу, когда несмотря на официальный запрет на улицу вышло 50 тыс. человек, что, учитывая обстоятельства, было немало.

Проведенный в условиях военного положения плебисцит не предусматривал ни серьезного обсуждения проекта конституции, ни принятия поправок как в целом, так и по отдельным статьям. Органы информации, находившиеся под полным контролем военного режима, были недоступны для оппозиции. Любая критика режима воспринималась как “красная пропаганда” и “агитация крайне правых радикалов”. Вполне естественным стало поэтому почти единодушное одобрение проекта новой конституции: за нее было подано 92% голосов.

Ситуация в Греции вызывала обеспокоенность чувствительной к ущемлению прав и свобод западной общественности.

Правительства скандинавских стран настаивали на исключении Греции из Совета Европы. Чтобы избежать этого, правящий режим решил прибегнуть к упреждающим действиям, и в декабре 1969 г. объявил о выходе страны из этой организации.

К началу 70-х гг. стране удалось достигнуть за счет привлечения иностранных инвестиций серьезных успехов в различных областях экономики. Даже советские эксперты — специалисты по хозяйственному развитию Греции, которых трудно было заподозрить в симпатиях военному режиму, отмечали в аналитическом обзоре, рассчитанном на высшие партийно-государственные инстанции СССР, что в 1972 г., как и на протяжении предыдущих двух лет, темпы роста экономики Греции были одними из самых высоких во всем западном мире.

В общественно-политической области военный режим начал постепенно отказываться от жестких мер в отношении оппозиции, и той ее части, которая так или иначе была связана с левым движением, включая КПГ¹². Весной 1970 г. из ссылки и тюрем были освобождены многие из осужденных за антигосударственную деятельность, а также члены и руководители ЭДА. Г. Георгалас — идеолог военного режима, занимавший пост заместителя министра при премьер-министре, заявил, что коммунисты более не представляют опасности для государства.

Военный режим намеревался начать постепенные изменения в стране как в политической, так и экономической сферах. Во многом это было связано со стремлением смягчить нарастающее сопротивление со стороны оппозиции и давление зарубежного

¹² В 1968 г. Коммунистическая партия Греции разделилась на две части: на просоветскую КПГ и другую, известную впоследствии как ККЕ (εσσωτικο), т. е. КПГ (внутренняя). Последнее определение должно было подчеркивать близость новообразованной партии к греческим реалиям, в то время как просоветская КПГ называлась ее оппонентами из КПГ (вн.) внешней компартией, т. е. оторванной от Греции. Впоследствии КПГ (вн.) стала близка по своим идейно-политическим программным установкам ряду западноевропейских компартий.].

общественного мнения, которое создавало для правительства серьезные трудности, угрожая международной изоляцией. 21 декабря 1970 г., обращаясь с новогодним посланием к народу, премьер-министр Г. Пападопулос заявил, что планирует вернуться к конституционной системе правления, но не имеет права “рисковать судьбой страны, прибегая к преждевременным акциям”.

Первым шагом на пути ослабления системы военного режима стало назначение Пападопулосом 56 членов законодательного консультативного комитета, своего рода мини парламента, не имевшего власти, но выступавшего в роли экспертного совета при обсуждении законопроектов. Одновременно велись интенсивные секретные переговоры при посредничестве президента Кипра архиепископа Макариоса с королем Константиносом, который выдвинул два условия своего возвращения в Афины: освобождение всех политических заключенных и предоставление гарантий возвращения к демократическому режиму после его прибытия в страну. Достаточно серьезной была ситуация и внутри самого Революционного совета. Пападопулос уже тяготился необходимостью сообразовывать свои шаги с его членами — министром координации Макарезосом, начальниками полиции и управления службы безопасности полковниками Иоаннидисом и Ладасом. 17 января 1971 г. официоз режима газета “Элефтерос козмос” опубликовала редакционную статью своего директора С. Констандопулоса. В ней открыто заявлялось, что “Греческая национальная революция, родившаяся в результате военного государственного переворота 1967 г. беспрепятственно завершила стадию коллегиального руководства и находит теперь свое конкретное выражение во власти одного человека (премьер-министра Георгиоса Пападопулоса).

К марту 1972 г. Пападопулос сконцентрировал в своих руках неограниченную власть, заняв помимо кресла премьера посты министра образования, иностранных дел, координации, а затем и регента. Однако выдвижение полковника как “лидера

революции 21 апреля”, а также его шаги, направленные на частичную демократизацию общественно-политической жизни (смягчение законодательства о профсоюзах, освобождение политзаключенных и т. д.) вызвали недовольство в корпоративном слое старшего офицерства и генералитета, с которым Пападопулос был вынужден считаться. 31 июля 1972 г. все уволенные прежде со своих постов сторонники “жесткой линии” были возвращены в государственные структуры и вооруженные силы. Для того, чтобы гарантировать плавный переход от военного режима с ярко выраженными чертами авторитарной диктатуры к некоей форме персонально им контролируемой демократии, Г. Пападопулосу было необходимо получить более широкую поддержку общественности. У военного режима были определенные достижения в социально-экономической области, которые он мог использовать. Так, например, на 1 июля 1971 г. в Греции было зарегистрировано 17 тыс. 520 безработных, т.е. на 50,3% меньше, чем на это же число прошлого года. Общее число безработных за период с 1966 г. по 1971 г. снизилось на 77,3%. Расширение объема общественных работ и развитие инфраструктуры, в частности, строительство дорог, способствовало увеличению занятости.

Определенные изменения происходили и в международном положении Греции. Несмотря на частые заявления зарубежной прессы об изоляции военного режима, Запад и страны Восточного блока расширяли дипломатические и торговые отношения с Грецией. Внешнеполитический курс страны; как и прежде, определялся ее особыми отношениями с США, но в то же время, для немногих посвященных (включая советских экспертов из спецслужб и МИДа) всё больше вырисовывалась неоднозначность поведения военного режима. С одной стороны, делались традиционные заверения в дружбе и партнерстве с США, а с другой, — расширялись связи с арабским миром, и, в частности, с такими странами, как Ливия, государствами Восточного блока. Пападопулос, как человек хорошо знавший внутрен-

нюю “кухню” США, имевший опыт работы в спецслужбах, связанных напрямую с ЦРУ и другими инстанциями, искал для Греции сбалансированных подходов к проблемам внешней политики, не раздражая при этом Вашингтон своей самостоятельностью. В определенной степени в во внешнеполитическом курсе Афин проявились черты прагматизма, когда экономические интересы рассматривались как превалярующий элемент двусторонних и многосторонних отношений. Стремясь привлечь инвестиции из-за рубежа для развития горнодобывающей, химической и радиоэлектронной промышленности, власти пошли на установление режима благоприятствования для иностранного капитала. Отдельные из экономических мероприятий полковников имели сомнительный характер и давали основание для подозрений о разрастающейся в высших государственных эшелонах коррупции. Несмотря на принятый Конгрессом США закон, запрещающий поставку вооружений в Грецию, военно-техническое сотрудничество между Афинами и Вашингтоном продолжало существовать. Посещение Греции вице-президентом США Спиро Агнью (Спиром Анагностопулосом) в 1971 г. лишний раз подчеркивало важность для американской внешней политики “греческого направления” в контексте развития событий на Ближнем Востоке и в целом в регионе Средиземноморья.

Попытка выступить в роли “персонального гаранта демократического развития” со всей очевидностью просматривалась в провозглашении Пападопулосом 1 июня 1973 г. республики и упразднении монархии. Проведенный 29 июля 1973 г. референдум был призван подтвердить легитимность этого шага. Президентом стал Г. Пападопулос (срок его полномочий определялся семью годами). Место вице-президента занял генерал Ангелис.

Руководство военного режима, внимательно отслеживавшее состояние оппозиционных сил, делало ставку на смягчение положения в стране. Поэтому к началу осени 1973 г. у Пападопулоса и его ближайшего окружения складывалось впечатление, что с помощью поспешных реформ удастся перейти к режиму

“управляемой демократии”, отказавшись, с одной стороны, от наиболее радикальных консервативно настроенных сподвижников из числа активных деятелей “Движения 21 апреля”, а с другой, — привлекая к диалогу и достижению компромисса гражданских политиков умеренного толка. В основе должно было лежать согласие сохранить президентский пост на ближайшие 7 лет за Г. Пападопулосом. С целью показать свою решимость в деле перехода к демократии он объявил амнистию политзаключенным, сняв обвинения даже с таких оппонентов режима как лидер Всегреческого освободительного движения (ПАК) А. Папандреу. Последний вел активную пропагандистскую кампанию против военного режима в европейских странах и США, где ему удалось заручиться поддержкой университетской лево-либеральной профессуры. В то же время, несмотря на освобождение подавляющего числа осужденных коммунистов, власти заявили, что “Коммунистическая партия и все остальные тоталитарные партии исключены из политической жизни Греции в соответствии с Конституцией”, поскольку “их цели и деятельность противоречат основным принципам греческого режима”.

Пападопулос приступил к реализации плана реформирования социально-политической системы в Греции при сохранении реальной власти в его собственных руках. Продолжая курс на частичную либерализацию, президент постепенно расширял трактовку прав и свобод граждан, приступил к реформе судопроизводства. 8 октября 1973 г. он вновь (как и летом 1972 г.) вывел из правительственных и силовых структур сторонников “жесткого курса”, заменив их гражданскими лицами или нейтрально настроенными военными. Пост премьер-министра был дан С. Маркезинису — давнему руководителю партии прогрессистов. Одновременно было объявлено о проведении в 1974 г. парламентских выборов.

Некоторые представители наиболее консервативных кругов из числа высших военных, а также гражданских сторонников

режима, даже обвинили премьера в прокоммунистических симпатиях. Основанием для этого стали попытки Маркезиниса войти в контакт с левыми силами.

Так возникло явное противоречие между авторитарными методами правления и устремлениями главы режима Г. Пападопулоса провести “цивилизованную демократизацию” общественно-политической жизни, не допуская усиления радикалов как слева, так и справа. Баланс между двумя этими тенденциями сохраняться долго не мог.

Начавшийся процесс частичной либерализации был воспринят крайне левыми политическими кругами как свидетельство слабости находящейся у власти группы военных, падение которых неизбежно под действием “революционных ударов народных масс”. Подпольные ультралевые молодежные организации активизировались. Наибольший успех эти установки имели среди молодежи и студенчества — традиционного детонатора социально-политических движений, ориентированных на насилие. Начавшиеся 9 ноября 1973 г. студенческие волнения, выражавшие протест против судебного процесса над 17 жителями Афин — участниками столкновений с полицией, достигли через неделю своей кульминации, когда студенты Политехнического института организовали в столице массовые беспорядки. Требования выхода Греции из НАТО, суда над руководителями военного режима и восстановления демократии были главными. Использование против демонстрантов танков и отборных воинских частей окончательно подорвало веру в возможность политических реформ, о которых заявлял Пападопулос. Итогом студенческого выступления стали массовые аресты, жертвы, установление осадного положения с возобновлением деятельности специальных судов.

Главе режима стало ясно, что для сохранения личной власти и проведения реформ в рамках существовавшей системы нужны методы, друг с другом несовместимые. Более того, в военных кругах проявлялось недовольство попытками президента изме-

нить формы и содержание “принципов движения 21 апреля”, главными из которых были резко очерченные правые общественно-политические ориентиры и соответствующие им социально-экономические представления. Немаловажное значение имел и принцип коллегиального руководства (что, практически, перестало существовать с установлением единоличной власти Пападопулоса). Внутриполитическая нестабильность, вызванная неспособностью военного руководства провести структурные реформы государственной власти, в сочетании с мировым экономическим спадом и энергетическим кризисом начала 70-х гг. серьезно ударила по социально-экономическому положению Греции. В этих условиях правящие круги начали возвращаться к испробованным методам военного правления. Сторонники жесткого курса, входившие в число руководителей военного режима, видели причину неудач в “мягкости” Пападопулоса, одним из признаков которой считали назначение парламентских выборов. В руководстве выделилось консервативное крыло во главе с начальником военной полиции генералом Д. Иоаннидисом. Утром 25 ноября 1973 г. эта группа провела бескровный переворот и арестовала Пападопулоса. Новым президентом стал генерал Ф. Гизикис, но реальная власть сконцентрировалась в руках всемогущего Иоаннидиса. Реформы, начатые Пападопулосом, провалились, а перспектива проведения выборов окончательно исчезла с горизонта. Новые власти, несмотря на амнистию части политзаключенных, развязали открытый террор. Для оппозиции, а особенно для КППГ, которую в последние месяцы правления Пападопулоса преследовали не столь интенсивно, настали трудные времена.

В области внешней политики руководители военного режима особое внимание уделяли “турецкому направлению”. Открытие в 1973 г. нефтяных месторождений на острове Тасос обострило взаимоотношения между Грецией и Турцией в вопросе о принадлежности континентального шельфа одной из двух стран. В апреле-мае 1974 г. военный режим в Греции активно использовал

сложившуюся ситуацию для поднятия своей популярности среди населения страны, прибегая к военно-патриотической фразеологии.

Иоаннидис и его ближайшие сподвижники заняли крайне негативную в отношении кипрского президента архиепископа Макариоса позицию и, даже более того, планировали смещение его со своего поста за “непатриотичное” отношение к проблеме эносиса. Поддержка со стороны военного режима подпольной организации ЭОКА-2, стремившейся к свержению Макариоса и существование связей между офицерами греческой разведки и Президентской Национальной гвардией Кипра, — всё это лишь усиливало противостояние между Афинами и Никосией, давая повод для вмешательства в кипрские дела негреческих сил. 15 июля 1974 г. Президентская Национальная гвардия, состоявшая в основном из сторонников эносиса, провела государственный переворот и сместила Макариоса с его поста. Новым президентом стал бывший офицер и член ЭОКА Н. Сампсон. Используя сложившуюся ситуацию, турецкая сторона постаралась активизировать свою деятельность, направленную на недопущение каких-либо изменений — премьер-министр Турции Бюлент Эджевит потребовал совместных действий стран-гарантов (в числе которых были Турция и Великобритания) против изменения статус-кво. Лондон, однако, отреагировал крайне вяло на такой призыв и фактически предоставил туркам действовать самостоятельно. 20 июля турецкие экспедиционные части из числа отборных подразделений высадились на севере острова и начали быстрое продвижение к его центру. В ответ на это руководство военного режима в Афинах объявило о мобилизации и фактически начало подготовку к полномасштабной войне. Однако выявившаяся неспособность греческих вооруженных сил провести даже мобилизацию резервистов подействовала отрезвляюще на большинство представителей военной верхушки. Командир элитных воинских частей III-го армейского корпуса, расквартированных в северной части Греции, гене-

рал Давос выступил от имени офицеров своего соединения с ультиматумом, адресованном генералу Ф. Гизикису, в котором потребовал восстановление гражданского правления в Греции. В достаточно короткие сроки удалось собрать представителей большинства политических партий (за исключением КПП, продолжавшей оставаться под запретом с 1947 г.) и военных. 24 июля 1974 г. из Франции, где он находился в эмиграции около 12 лет, прибыл 67-летний Константинос Караманлис, которого встречали у трапа самолета толпы людей.

16 августа 1974 г. из Парижа в Афины вернулся и А. Папандреу. Уже в аэропорту он заявил о своей уверенности “в решимости греческого народа бороться за национальное возвеличение”. Огромные портреты его отца, выставленные по пути следования младшего Папандреу к семейной вилле “Кастри”, а также возгласы “Старик, проснись!”¹³ символизировали надежду многих членов ПАК и политиков, принадлежавших некогда к ЭК на преемственность прибывшего из изгнания Андреаса в проведении линии его отца. В “Кастри” А. Папандреу заявил о необходимости создания новой политической организации, тем самым отказавшись от возрождения Союза Центра.

Военный режим в Греции, установленный в апреле 1967 г. и просуществовавший чуть более семи лет, был ликвидирован.

3. *Переход от военного режима к гражданскому управлению и основные итоги общественно-политического развития Греции в 80-е — 90-е гг.*

Падение диктатуры в июле 1974 г., произошедшее при сочетании внутри и внешнеполитических факторов, тем не менее,

¹³ Прозвище “старик”, данное народом Г. Папандреу, в сложившейся греческой политической традиции означало уважительное отношение нации к нему.

поставило на повестку дня вопрос о формах и методах демонтажа военного режима, продолжавшего функционировать в виде созданных в годы его существования государственно-политических институтов. Временному правительству К. Караманлиса, в которое вошли представители консервативного и центристских сил, находившихся в оппозиции к военному режиму, предстояло решать два круга проблем. Первый касался конкретных вопросов внешней политики Греции (отношения с Турцией, США, НАТО в контексте кипрского вопроса), проведение расследования коррупции, фактов политических преследований в период 1967–74 гг. и наказание виновных. Вторым кругом задач определялся перспективой структурных изменений в общественно-политической и экономической жизни. В том числе выработки конституционных и правовых основ новой системы власти и управления, механизма контроля над производством и распределением национального богатства, определения места и роли отдельных политических сил и социальных групп в процессе создания демократической формы государства.

Сторонники Караманлиса считали, что предстоит решить четыре задачи: преодолеть национальный кризис (отношения с Турцией в вопросе о Кипре), восстановить и укрепить демократию, обеспечить функционирование сильного правительства и создать сильную партию “с умеренной идеологией”, которая играла бы ведущую роль в обществе. Достаточно точно позиции К. Караманлиса характеризовала в этой связи британская пресса, считавшая, что “многое в деятельности премьер-министра со времени его возвращения к власти наводит на мысль о том, что он искренний демократ, хотя и демократ с почти голлистской окраской”.

На первом этапе правительство Караманлиса изолировало на одном из островов руководителей и ключевые фигуры военного режима — Пападопулоса, Макарезоса и Паттакоса, приступив к расследованию кровопролития у Политехнического института в ноябре 1973 г. Следующим шагом должна

была статья “дехунтизация” (αλοχουντοποίηση) государственного аппарата и армии — то есть чистка их от активных сторонников военного режима. Однако проведение этой и других широкомасштабных акций, затрагивавших функционирование государственного механизма, могло осуществить лишь правительство, получившее широкое доверие. Пока же была временно восстановлена конституция 1952 г. По просьбе Караманлиса до избрания президента на “переходный” период его функции продолжал исполнять генерал Ф. Гизикис.

Учитывая характер жесткого противостояния с Турцией, было нежелательно ослабление вооруженных сил и органов национальной безопасности в результате “дехунтизации”. Поэтому первые шаги предстояло предпринять во внешнеполитической области, что стало бы ключом к решению и внутренних проблем. Смягчение греко-турецких противоречий по кипрскому вопросу при посредничестве США и Великобритании имело большое значение и для укрепления позиций Караманлиса.

Стремясь легитимизировать свое правительство и получить мандат на осуществление широкомасштабных перемен Караманлис назначил на 17 ноября парламентские выборы, а на 8 декабря — референдум о будущем монархии. Ноябрьские выборы проводились по пропорциональной системе с тем, чтобы дать всем значимым политическим силам возможность получить представительство в парламенте.

На выборах были представлены четыре блока партий и организаций. Первый состоял из вышедших из подполья КПП и КПП (вн.), образовавших вместе с рядом деятелей ЭДА союз под названием “Объединенная левая”. Отмена 28 сентября 1974 г. законов, запрещавших деятельность компартии была воспринята руководством КПП, как “народная победа”. Лидерами этого предвыборного объединения стали Генсек КПП Х. Флоракис, руководители ЭДА Л. Киркос, И. Илиу.

Во второй блок вошли политические силы правой ориентации — партия Новая Демократия (НД), во главе которой стал

К. Караманлис, объединивший близких к нему политиков из бывшего Национального радикального союза. Они выступали за широкое участие Греции в ЕЭС, за активную поддержку НАТО. НД не высказывала своего отношения к монархии. Экономическая программа блока ориентировалась на создание свободных рыночной экономики при ключевой роли государства в некоторых отраслях, имеющих общенациональное значение (транспорт, телевидение, военная промышленность). Предвыборная программа Караманлиса была оформлена в виде 6-ти страничной брошюры под названием “12 вопросов и 12 ответов” и составлена как интервью лидера НД.

Третий блок создала новая для Греции политическая сила — Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК) во главе с А. Папандреу. Среди тех, кто составил ядро новой организации оказались представители ПАК, выступавшие с левоцентристских позиций; члены Демократической обороны; группа “Студенты вокруг Папандреу”, придерживавшаяся либерально-националистических взглядов и критически относившаяся к ленинской версии социализма; группа политиков ЭК, поддерживавших экономические установки А. Папандреу по вопросу национализации отдельных отраслей промышленности. Помимо этого лидер ПАК интенсифицировал свои контакты и с малочисленными группами троцкистов, эмблема одной из которых — поднявшееся наполовину над горизонтом зеленое солнце с многочисленными лучами того же цвета — стала символом ПАСОК, созданного 3 сентября 1974 г. В этот же день была обнародована и декларация о политических, экономических и национальных целях и задачах новой политической организации. Достаточно широкая программа действий была направлена на реализацию четырех главных целей: национальной независимости, народного суверенитета, социальной свободы и демократического устройства. Эта логическая цепочка, составленная А. Папандреу, должна была означать, что “борьба Всегреческого социалистического движения за национальное возрождение,

социалистическую и демократическую Грецию, базирующаяся на принципах нашей национальной независимости, является предпосылкой для реализации народного суверенитета; народный суверенитет является предпосылкой социального освобождения и национальное освобождение является предпосылкой реализации демократии”.

Новосозданное движение требовало наказания инициаторов переворота 1967 г., виновных в репрессиях, отказа от восстановления монархии и усиления связей с ЕЭС, предлагало установить контроль государства над распределением национального продукта.

Следующий блок представляли Союз центра под руководством Г. Мавроса и Объединение новых сил. Во многом он выступал с позиций, сходных с предвыборной программой Караманлиса, однако негативно относился к идее реставрации монархии.

Выборы 17 ноября продемонстрировали один из феноменов греческого общества периода демонтажа структур военного режима: вместо логичной, на первый взгляд, ориентации большинства населения страны влево (как это было в 1944 г.), выбор пал на “солидные” политические силы, способные по мнению избирателей, вывести страну из сложившейся ситуации без радикальных перегибов влево или вправо. Тем самым на практике стал воплощаться тезис руководства НД: “Не революции, а реформы!” партия Караманлиса получила 54% голосов, а в парламенте 220 из 300 мест, Союз центра/Новые силы — 60, ПАСОК — 12, а блок Объединенные левые — 8 мест. Это свидетельство об убедительности для электората политической программы Новой демократии, его приверженности традиционным западным ценностям и гарантиям безопасности в рамках демократического выбора.

Полученный мандат доверия от большинства греческого общества позволил Караманлису сформировать однопартийное правительство, а проведенный 8 декабря 1974 г. плебисцит о

судьбе монархии (69% проголосовавших выступили против этого института) снял с повестки дня вопрос о структуре исполнительной власти. Действующим президентом был избран М. Стасинопулос. Правительство активизировало деятельность в двух параллельных направлениях — строительство конституционно-правовых основ государственного устройства и “дехунтизация” общественно-политической жизни страны. 24 декабря 1974 г. был опубликован проект будущей конституции Греции. Он содержал как некоторые положения конституции 1952 г., так и новые принципы: усиление полномочий правительства, социальную ориентированность его деятельности, расширение прав президента, прежде всего в области законодательной инициативы. Создание комитетов и комиссий в парламенте ограничивалось, а военные проблемы фактически отдавались в ведение правительства, которое в течение трех дней могло выполнять свои решения, принятые без консультаций с парламентом по срочным вопросам. Президент республики наделялся исключительным правом роспуска правительства, приостановки действий законов.

Роль государства в имущественных отношениях усиливалась и распоряжение частной собственностью не могло быть направлено против общественных интересов. Нарушение этого принципа вело к серьезным последствиям вплоть до конфискации имущества. Вводилось ограничение на владение рудниками, шахтами, карьерами, археологическими раскопками, залежами полезных ископаемых. Усиливалась роль государства в вопросах образования, медицинского обслуживания, жилищного строительства. Обеспечение занятостью становилось одной из приоритетных задач правительства, вместе с социальным страхованием и материальной поддержкой безработных. Частная инициатива, направленная на ущемление свобод и человеческого достоинства, а также затрудняющая развития национальной экономики, запрещалась. При этом в определенных случаях предусматривался обязательный выкуп предприятия. Элек-

тронные средства информации ставились под государственный контроль.

Гражданские свободы, равенство полов, запрет на использование телесных и психологических мер воздействия на граждан страны — все это свидетельствовало о новых качественных изменениях правовой и конституционной системы Греции. Идея создания парламентской президентской республики, как определялась новая форма правления, вызвала резкую критику со стороны коммунистов и левых, которые, не имея возможности влиять на деятельность правительства, могли выступать в парламенте лишь как оппозиция, от которой не зависит решение серьезных вопросов. Принятие 9 июня 1975 г. конституции завершило процесс перехода страны от военного режима (авторитарного по своей сути) к демократии, основы которой предстояло выработать в ходе дальнейшего социально-политического и хозяйственного развития. Новая конституция вызвала резкую критику А. Папандреу, назвавшего ее тоталитарной. Президентом страны на ближайшие пять лет стал 19 июня бывший университетский профессор и член НД 76-летний Константинос Цацос.

Созданное К. Караманлисом правительство включало достаточно сильные фигуры греческого политического мира. Среди них были Г. Маврос, занявший пост заместителя премьера и Э. Авероф, назначенный министром обороны.

Следующим шагом правительства Караманлиса стало принятие парламентом закона “О перевороте 21 апреля 1967 г., связанных с ним вопросах и наказании преступников”. В соответствии с ним в июле 1975 г. Верховный суд начал рассмотрение дел обвиняемых. Уже через месяц он закончился. Г. Пападопулос, С. Паттакос и Н. Макарезос были приговорены к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В основу обвинения легли статьи об “измене родине”, нарушении конституции и захвате власти. Многие одиозные фигуры военного

режима получили большие сроки тюремного заключения. Часть представших перед судом была оправдана.

Деятельность К. Караманлиса вызывала недовольство в армии, которая постепенно начала терять позиции в политической жизни страны. В феврале 1975 г. группа офицеров попыталась осуществить переворот, но заговор был раскрыт. Началась чистка армии от нелояльных офицеров.

Достаточно тревожным продолжало сохраняться внешнеполитическое положение Греции, которая находилась в открытой конфронтации с Турцией. Система натовских сдержек и противовесов позволяла избежать межгосударственного военного конфликта, но ситуация на Кипре складывалась не в пользу греков. Более 180 тыс. жителей северной части острова были вынуждены бежать из-за враждебных действий в отношении них со стороны турецкого экспедиционного контингента и местных националистически настроенных членов экстремистских организаций, ведущую роль среди которых играла группировка “Серые волки”. Позиция ряда американских политических и государственных деятелей, прежде всего Г. Киссинджера, фактически вставшего на сторону Анкары, также усиливала трения между Афинами и Вашингтоном. Вопрос о восстановлении на своем посту кипрского президента Архиепископа Макариоса и смещение Сампсона, объявившего себя президентом, было одним из требований греческого правительства. В греческом общественном мнении, помимо этого, сохранилась память о предоставленной со стороны США поддержке военному режиму в Греции. К февралю 1975 г. ситуация на Кипре продолжала оставаться тревожной и взрывоопасной. Так, в частности, на севере острова была создана марионеточная республика “Турецкое Федеративное государство Кипр”, название которого в последствии было изменено на “Турецкая Республика Северный Кипр”. Единственная страна, признавшая это образование, была Турция. Анкара начала проводить активную политику по изменению этнического состава северной части, поощряя пере-

селение турок из Турции. Оккупационные турецкие войска продолжали оставаться на острове, хотя никто уже не угрожал ни туркам-жителям Кипра, ни Турции как государству. Обострение греко-турецких отношений имело и еще одну “составляющую”, а именно — проблему континентального шельфа, который оказался богат нефтяными ресурсами. Не менее драматично развивался вопрос контроля воздушного пространства над Эгейским морем. Вновь усилилась эмиграция греков из Стамбула, где некогда греческая диаспора составляла 100 тыс. человек. К середине 70-х там насчитывалось едва 10 тыс. греков.

Внешнеполитический курс К. Караманлиса, заключавшийся в стремлении достичь компромисса с Анкарой, усилить взаимодействие с США и способствовать вступлению Греции в Общий рынок, практически на протяжении его первого премьерства начал реализовываться в своеобразной манере. Натянутые отношения с Соединенными Штатами и Турцией всё более способствовали активизации “европейского направления” в политике Караманлиса, надеявшегося добиться для своей страны гарантий со стороны европейских стран, традиционно соперничавших с США за влияние на континенте. Следующим его шагом, являвшимся ответом на общественные настроения в Греции, был выход из структуры военного управления НАТО и инициирование дискуссии о будущем американских баз в Греции.

Последующие два года жизнь страны испытывала характерные для переходного периода крайне противоречивые процессы экономического и общественно-политического развития. Период с 1976 г. до начала 80-х гг. стал для Греции переходным временем формирования, развития и укрепления институтов. Конституционные реформы осени 1974 — лета 1975 гг. потребовали существенных изменений в хозяйственной жизни страны. Опасность для национальных экономических интересов, вызванная открывшимися возможностями усиления внедрения европейских и американских экономических структур в Греции, заставляла Караманлиса сочетать либеральные методы поощрения

хозяйственной и политической деятельности с жестким государственным контролем. За пять лет после принятия конституции, с помощью ряда экономических мер была реконструирована промышленность. Обнаружившийся к середине 1977 г. перекося развития в сторону непроизводственных отраслей (банковского дела, туризма) серьезно влиял на общественно-политическую ситуацию, прежде всего, из-за появившихся признаков экономического кризиса и разрыва в уровне доходов различных категорий населения. Усиление налогового бремени дополняло картину. Специфика кризиса (хотя и не настолько сильного, чтобы говорить о крупномасштабной рецессии) в том, что он носил “кустовой”, избирательный характер и подчеркивал необходимость перелива капитала из непроизводственных сфер в промышленность.

Немаловажным было и влияние внешнеполитических факторов, главными из которых продолжали оставаться американо-греческие отношения, греко-турецкое противостояние и стремление официальных Афин усилить греческое присутствие в европейских экономических и политических структурах. Все эти обстоятельства рассматривались К. Караманлисом как повод для проведения досрочных парламентских выборов. В сентябре 1977 г. он сумел убедить президента К. Цацоса провести такие выборы в ноябре того же года. Официально причина такого шага объяснялась премьером как необходимость получения нового мандата доверия у нации для проведения серьезных реформ. Внешнеполитические проблемы, при этом, занимали в пропаганде Новой Демократии особое и значимое место. Против плана Караманлиса выступил лидер оппозиции Г. Маврос, назвавший назначенные на 20 ноября выборы конституционным переворотом. Руководитель ПАСОК также отрицательно и достаточно жестко охарактеризовал поступок Караманлиса, но при этом не был против вновь попытаться получить большинство в парламенте страны.

Подготовка к предстоящим выборам выявила существенные изменения в расстановке и группировке политических сил страны. Прежде всего, появилась и организационно оформилась крайне правая партия Национальный лагерь (ЭП), во многом похожая на существовавшую ранее недолго так называемую Национальную народную партию. Ее лидер — Стефанос Стефанопулос, являлся на протяжении долгого времени политическим оппонентом К. Караманлиса. Вторым человеком в ЭП был Сп. Теотокис. Программа этой партии включала требования о возвращении Греции в структуры НАТО, улучшении отношений с США и т.д. Позиции остальных основных политических сил в лице Новой Демократии, ПАСОК, Союза Демократического Центра (ЭДИК), КПГ и предвыборного блока Союза прогрессивных и левых сил мало чем отличались от их же программ на парламентских выборах 1974 г. Результаты голосования показали продолжающую сохранять силу Новой Демократии, получившей 41,9%, но в то же время, они дали основания говорить ее оппонентам о сокращении популярности НД по сравнению с выборами 1974 г., когда за нее было подано 54%. На второе место вышло ПАСОК с 25,3%. Третье и четвертое место заняли соответственно ЭДИК и КПГ (12% и 9,4%). Национальный лагерь получил всего 6,8%. Таким образом из 300 мест в парламенте 171 принадлежало Новой Демократии, 93 — ПАСОК, 16 — ЭДИК, 11 — КПГ и 5 — Национальному лагерю. Остальные несколько мест занимали более мелкие партии. Несмотря на сложившуюся палитру политических предпочтений избирателей уже на этих выборах четко проявилась главная тенденция общественно-политического развития Греции, а именно — создание основ двухпартийной системы. Фактически начал складываться баланс сил и политических интересов основных слоев греческого общества, когда крайний радикализм уходил постепенно со сцены, уступая место центризму двух “окрасок” — правому и левому. Несмотря на заостренность программных установок ПАСОК, стоявшего

на социалистической или, точнее, социал-демократической платформе, голосовавшие за него избиратели видели в А. Папандреу силу, способную укрепить социальную ориентированность греческое общество, в отличие от Караманлиса с его Новой Демократией. Последний, однако, отождествлялся со строительством нового “постдиктаторского” государства и новым внешнеполитическим курсом, главной составляющей которого стал европеизм, что и нашло отражение в предвыборных лозунгах “74 Ελπίδα – 77 Εγγύηση” (“74 надежда – 77 гарантия”) и “Ελλάς – Ευρώπη – Καραμανλής” (“Греция – Европа – Караманлис”).

Прошедшие выборы дали К. Караманлису и возглавлявшейся им партии Новая Демократия возможность продлить свое пребывание у власти и проводить провозглашенный курс. Это касалось прежде всего внешнеполитического направления. Несмотря на продолжавшуюся сохраняться враждебность в греко-турецких отношениях греческий премьер-министр встретился в марте 1978 г. со своим турецким коллегой Б. Эджевитом для обсуждения всего комплекса двусторонних отношений, но прежде всего кипрской проблемы. Хотя обе стороны оказались не в состоянии решить сколько-нибудь стоявшие на повестке дня вопросы, тем не менее, уже появилась определенная надежда на выработку подходов к их обсуждению. Наиболее серьезно и крайне негативно в Афинах было воспринято в августе 1978 г. известие о снятии американского эмбарго с военных поставок Турции. Единственной крупной удачей Караманлиса в 1978 г. стало окончательное решение ЕЭС о принятии Греции в эту организацию в ближайшем будущем. Наиболее активно против европейского направления, т. е. участия страны в общеевропейских структурах, выступали ПАСОК и КПП, которые исходили из своих идейно-политических установок “вредности для Греции связей с Европой” на том основании, что страна станет чересчур зависеть от международных органов, а не руководствоваться своими национальными интересами (понима-

емыми, кстати, ПАСОКом и КППГ по-разному). Обе эти партии фактически бойкотировали обсуждение вопроса в парламенте в июне 1979 г., после того как Греция подписала 28 мая этого года договора о вступлении в Общий рынок¹⁴.

Последствия структурных изменений в экономике и планы профессиональной переориентации в рамках ее отдельных областей вызвали протесты профсоюзов, а требования о повышении зарплаты и предоставлении социальных гарантий заставляли правительство Караманлиса более строго следовать данным ранее обещаниям и конституционным принципам, провозглашенным в 1975 г.

К началу 80-х гг. в политической жизни Греции начали складываться новые условия, ставшие результатом реформ, проводившихся правительством Караманлиса и его партией. Прежде всего произошло усиление исполнительной власти; была достигнута управляемость экономическими и социально-политическими процессами. Произошла демилитаризация государственного аппарата и деполитизация силовых структур. Работа парламента в соответствии с жесткими правилами, ограничивавшими влияние малочисленной оппозиции на принятие стратегических решений, свидетельствовала о переходной форме такого парламентаризма. Она переставала отвечать реалиям — в общественном сознании постепенно происходил отказ от идеологической доминанты, выраженной в формуле: “Караманлис и Новая Демократия — единственные спасители демократии”. Более того, проводившиеся в стране коммунальные выборы, на которых всё большее влияние приобретали представители левого спектра политической сцены во главе с ПАСОК, демонстрировали тот факт, что период безраздельного господства принципов “национальной необходимости” завершился и правящие силы начинали уступать свои позиции оппонентам

¹⁴ Вступление Греции в ЕЭС произошло в 1981 г., когда правительства всех стран-участниц этого объединения ратифицировали документ.

из числа левых, близких к политическому центру. Политический лозунг Всегреческого социалистического движения, сформулированный А. Папандреу в одно слово “Αλλαγή” (“Изменения”), включал требования социализации, децентрализации и рабочего самоуправления. При этом социализации, как заявлял об этом лидер ПАСОК, должны были подвергнуться основные отрасли хозяйственно-экономической жизни страны: энергетика, банковское дело, химическая промышленность, судостроение, транспорт. Ставка делалась на развитие мелких и средних фирм, которые могли бы участвовать в работе социализированных отраслей экономики, составляя определенную конкуренцию внутри них и обеспечивая занятость населения. Особое внимание уделялось ликвидации частного образования, так как его распространение в Греции приобрело непропорциональные и не отвечавшие требованиям времени формы. Представительная власть в концепциях ПАСОК имела преимущественное значение перед исполнительной. В области внешней политики Всегреческое социалистическое движение требовало отказа от участия страны в блоке НАТО, который рассматривался не иначе как орудие США по достижению своих политических и экономических целей. Аналогичную негативную позицию А. Папандреу занимал в отношении Общего рынка, ставя под сомнение возможность равноправных и выгодных отношений Греции с этим европейским объединением.

Избрание Караманлиса в мае 1980 г. президентом Греции на смену Цацосу превращало первого, несмотря на то, что его политические предпочтения оставались прежними, в общенационального арбитра. В тоже время выборы Караманлиса были достаточно трудными. В соответствии с конституцией 1975 г. кандидат на пост президента должен был получить поддержку 2/3 голосов депутатов парламента, что означало необходимость заручиться голосами 200 парламентариев. Такой порядок действовал для первого и второго раундов. В случае проведения третьего раунда, кандидату было необходимо набрать голоса

180 парламентариев. Если же и третья попытка оказывалась неудачной для соискателя, то парламент подлежал роспуску и объявлялись досрочные парламентские выборы. Караманлис лишь с третьего раза, заручившись поддержкой 183 депутатов парламента, был избран президентом. Представители ПАСОК воздержались от участия в голосовании, заявив, что состав парламента не представляет реального соотношения сил в обществе. Новый лидер НД 61-летний Г. Раллис, бывший министр иностранных дел и один из ведущих политиков умеренного либерального крыла Новой Демократии, 10 мая 1980 г. сформировал правительство, которому предстояло просуществовать до осени 1981 г.

Подготовка к новым парламентским выборам велась в Греции уже весной 1981 г. Однако официально о начале предвыборной кампании было заявлено 24 августа. Общенациональные выборы совпали с выборами в Европарламент, где Греция отныне должна была быть представлена своими депутатами.

Отличительной особенностью назначенных на 18 октября 1981 г. парламентских выборов была ожесточенная борьба между реформистскими левоцентристскими силами, с одной стороны, и правоцентристским политическим лагерем, с другой. Первая сила была представлена Всегреческим социалистическим движением во главе с его лидером А. Папандреу. Программа действий, базировалась на стратегии “национального народного единства” и была изложена в 100-страничном буклете под названием “Συμφωνια με τον λαο” (“Договор с народом”). Она заключалась в очерчивании широкого круга проблем внутренней и внешней политики, требовавших скорейшего разрешения. Прежде всего ставка делалась на усиление социальных гарантий для средних слоев страны. При этом особое внимание уделялось так называемым непривилегированным группам населения, которые в отличие от немногочисленного, но очень влиятельного слоя “привилегированных” (προνομιούχοι), не оказывали серьезного влияния на механизм принятия решений

в социальной, экономической и политической областях. В отличие от прежних радикальных по форме и содержанию заявлений, касающихся внешнеполитического курса Греции, осенью 1981 г. ПАСОК уже более реалистично выступал за сохранение партнерских отношений с традиционными союзниками и даже НАТО, который критиковался за неспособность урегулировать греко-турецкий конфликт. Что же касалось греческого участия в ЕЭС, то А. Папандреу выдвинул тезис необходимости проведения общенационального референдума по данному вопросу. Лозунг “Изменения!”, использовавшийся еще партией ЭПЭК под руководством Н. Пластираса в начале 50-х гг. и перешедший на вооружение ПАСОК, оказался столь популярным в общественном сознании, что и другие партии стали использовать его в той или иной форме. Так, например, партия ЭДИК выступила с лозунгом “Изменение с гарантией!”, КПГ (внутренняя) требовала “Гарантированное и жесткое изменение!”, а просоветская греческая компартия — “Подлинное изменение!”

Правоецентристский лагерь был представлен Новой Демократией. В ее предвыборной программе основное внимание уделялось достижениям, сделанным на протяжении последних семи лет правления партии, среди которых главными были установление демократии после военной диктатуры, вхождение Греции в общеевропейские структуры, укрепление связей с традиционными союзниками, отказ от конфронтационности в отношениях с Турцией. Лидер НД Г. Раллис пытался сделать главный акцент в предвыборной пропагандистской кампании, проходившей под лозунгом “Για πάντα δημοκρατία!” (“Демократия навсегда!”) на необходимость продолжения избранного и проводимого ранее его партией курса с тем, чтобы достигнутые результаты были приумножены, т. к., по его словам, приход к власти ПАСОК означал бы установление диктатуры и откат назад. Предвыборные баталии осени 1981 г. были ожесточенными и нередко становились в ряде случаев скандальными.

Стоимость предвыборной кампании по оценкам специалистов была рекордно высокой и несопоставимой с когда-либо ранее проводившимися в Греции подобными мероприятиями с момента ее существования как независимого государства.

Баланс сил, как он сложился к 18 октября показал, что перевес все-таки на стороне левого спектра политической сцены страны. В ходе общенациональных выборов значительную победу одержало ПАСОК (48,1% и 172 места в парламенте). Второй по количеству поданных за нее голосов была Новая Демократия (35,9% и 115 мест). Значительных успехов добилась КППГ, выступавшая самостоятельно, а не в блоке с другими левыми и получившая 10,9% голосов (13 парламентских мест). Ее соперница — так называемая внутренняя КППГ, оказалась в числе многочисленных мелких партий, участвовавших в выборах, но получивших чуть больше или меньше 1% голосов избирателей. Проходившие параллельно с общенациональными парламентскими выборы в Европарламент подтвердили предпочтения избирателей, высказанные ими на общенациональном уровне: из 24 мест, предоставленных Греции в этой европейской структуре 10 получило ПАСОК, 8 — Новая Демократия, 3 — КППГ и по одному месту оказалось у КППГ (вн.), Партии демократического социализма, Партии прогрессистов и христианских демократов. Уже на следующий день, 19 октября 1981 г., А. Папандреу, имея в виду приход социалистов к власти во Франции, заявил на состоявшейся пресс-конференции: “Франция на западе, а Греция на востоке — мы изменим Европу”.

Осенние выборы 1981 г., в результате которых впервые в греческой истории к власти пришли представители левых сил в лице Всегреческого социалистического движения закрыли очередную страницу новогреческой истории.

К началу 80-х гг. в Греции начала складываться партийно-политическая система, в которой ведущую роль играли правополитические и левоцентристские силы, представленные соответственно Новой Демократией и Всегреческим социалистичес-

ким движением. Каждая из них, в свою очередь, могла рассчитывать в определенные моменты на поддержку партий и организаций, составляющих так называемые правый и левый лагерь, но не обладавших значительным представительством в парламенте страны. Победа ПАСОК на общенациональных парламентских выборах 18 октября 1981 г. лишь конкретизировала выдвигавшиеся ранее установки. Стратегические цели возглавляемого им движения сам А. Папандреу определил так: “Национальная независимость, территориальная целостность, национальный суверенитет, демократия, автономное экономическое и социальное развитие, культурное возрождение, оживление деревни, радикальное улучшение уровня жизни в городе и деревне, социальная справедливость и, наконец, социальное освобождение”.

Пребывание ПАСОК у власти на протяжении 9 лет (1981–1989 гг.) стало важной вехой в жизни Греции. Для руководителя Всегреческого социалистического движения и премьер-министра страны А. Папандреу это, в свою очередь, было порой претворения в жизнь программных установок, к выработке которых он приступил еще в начале 60-х гг. Со всей очевидностью проявились главные элементы его общественно-политических взглядов: резко выраженный антиамериканизм, подчеркнутая неприязнь к “привилегированным слоям”, апелляция к патриотическим чувствам греков и выдвижение на первый план концепции “третьего” (так называемого греческого) пути развития как универсального средства ликвидации или ослабления всех социально-экономических и политических проблем страны. Десятилетний период пребывания у власти первого (1981–1985 гг.) и второго (1985–1989 гг.) правительства Всегреческого социалистического движения был отмечен серьезными социально-политическими и экономическими реформами. На проходившем 25 ноября 1981 г. голосовании по программе нового правительства, 172 депутата (из которых 170 были от ПАСОК) одобрили предложенный план. 112 парламентариев от Новой Демократии

выступили против (к ним присоединился один независимый депутат). 13 депутатов-коммунистов воздержались.

На этапе 1981–1985 гг. правительством ПАСОК были приняты шаги по усилению контроля над основными отраслями национальной промышленности, крупной торговли и финансов; созданы условия для роста кооперативов в сельском хозяйстве, малого производства и сфере услуг; прошла подготовка к переходу управления хозяйственной жизнью через децентрализованное планирование, тесно связанное с хозяйственным самоуправлением и контролирующая функция общественных организаций; децентрализация государственно-административной власти с одновременным усилением роли местных органов и местного самоуправления; постепенное увеличение минимальной зарплаты. Особое значение для политических реалий Греции имело решение правительства социалистов о переходе всего делопроизводства и обучения в старших классах школ и в высших учебных заведениях страны с кафаревусы на димотику. В определенном смысле это было реализацией социального блока реформ ПАСОК, так как “чистый язык” воспринимался в обществе как рудимент и инструмент углубления социального неравенства. Не меньшее значение придавалось А. Папандреу и признанию движения Соппротивления в годы оккупации Греции во время второй мировой войны, возглавлявшегося ЭАМ/ЭЛАС. До этого, обе организации считались официально антинациональными и признавались только те, которые не были связаны с греческой компартией. Были сделаны первые шаги по реабилитации участников Гражданской войны 1946–1947 гг., сражавшихся в рядах Демократической Армии Греции и разрешено возвращение эмигрантов-даговцев и их семей в Грецию. Лидер ПАСОК провозгласил политику “национального примирения”, которая должна была закрыть наиболее болезненную страницу новогреческой истории, связанную с деятельностью ЭАМ/ЭЛАС и КПГ, и отраженную в хранившихся в архивах государственной безопасности в виде личных досье на

“подрывные элементы”. Эти папки подлежали уничтожению, а журналистам дали возможность запечатлеть один из таких огромных костров из некогда важных документов. Однако, как выяснилось потом, в ходе этого масштабного процесса ликвидации компромата произошли утечки информации, давшие повод для недоверия к предпринимаемым властями шагам.

Однако уже с самого начала реформаторская деятельность А. Папандреу натолкнулась на реалии жизни Греции. Наступление на армию (постоянные перестановки в офицерском корпусе), службу безопасности (снятие с работы наиболее независимых ее сотрудников под видом “дехунтизации”)¹⁵, национализация монастырских земель и ограничение имущественных прав церкви, а также ее вмешательства в государственные дела — всё это соседствовало и с характерными для процессов социально-политической трансформации фактами усиления межличностных связей людей “круга ПАСОК”, что нашло свое выражение в предоставлении членам движения важных мест в госаппарате, частном секторе и т. д. Контроль над государственным аппаратом со стороны ПАСОК приобретал всё больший размах и способствовал его превращению в “государственную партию”. Во всех районах Греции проходил процесс формирования местных структур движения, сравнимых по своим организационным централистским началам с традиционной организационно-партийной структурой коммунистов.

Не менее жестко новый премьер принялся и за внешнюю политику страны. С самого начала он взял курс на демонстративное подчеркивание независимости Греции от политики США

¹⁵ В листовке, распространенной осенью 1984 г. возмущенными сотрудниками полиции и органов безопасности, говорилось о том, что А. Папандреу подрывает государственную систему безопасности с целью установления своей диктатуры и приведения к власти откровенно левацких сил. В этой связи цитировались слова бывшего Генсека КПГ Н. Захариадиса, заявлявшего в свое время: “Уничтожьте службу безопасности и в течении 24 часов я возьму власть в Греции в свои руки”.

и даже более того, уже официально поставил под сомнение целесообразность существования американских военных баз в стране. Во многом это было обусловлено как желанием оказать нажим на Вашингтон с целью получения от него поддержки в греко-турецком внешнеполитическом конфликте, так и общими настроениями, существовавшими в греческом обществе. Особое внимание в политике премьера уделялось всевозможным мирным инициативам, в которых Греция играла далеко не последнюю роль. Так, например, 22 мая 1984 г. совместно с партийными и государственными деятелями — руководителями Аргентины, Индии, Мексики,

Танзании и Швеции он участвовал в создании “Инициативы шести” (“Делийской шестерки”) с целью содействовать активизации “всех миролюбивых сил” и оказания нажима на ядерные державы в интересах скорейшего ограничения ядерного оружия и введения за ним жесткого контроля. Антинатовские заявления в сочетании с конфликтными и находящимися под вопросом отношениями Греции с ЕЭС делали ПАСОК, и в частности, А. Папандреу, защитниками независимости страны в ее общественном мнении. В то же время происходило резкое ухудшение греко-американских отношений. Естественно, что США, выступавшие как главный военно-политический союзник Греции, имели достаточное количество рычагов воздействия на Афины: Вашингтон выступал как главный арбитр в греко-турецком споре по Кипру и проблемам шельфа, оказывал экономическую и военно-техническую помощь Греции и имел влиятельных сторонников греко-американского союза среди греческого политического истеблишмента. Во внутриполитической жизни Греции усиливалось противостояние между ПАСОК и Новой Демократией. При этом, местная компартия, пытаясь использовать ситуацию в собственных целях, всеми доступными способами стремилась воздействовать на А. Папандреу с тем, чтобы он продолжил радикальный курс во внешне и внутриполитической жизни. Стремление компартии использовать свою традиционную ударную силу — наемных рабочих промышленных предприятий, натолкнулось на противодействие правительства, разгадавшего этот маневр.

Исполбюро ЦК ПАСОК прибегло к аналогичному оружию — идеологическому обоснованию вредности забастовок, “подрывающих курс на перемены” и объявило компартию силой, стремящейся воспользоваться ситуацией в своих партийных интересах. В свою очередь КППГ, заинтересованная в срыве каких-либо договоренностей между Грецией и США по базам, а также в усилении независимости от ЕЭС, проводила кампанию, направленную на сталкивание правительства ПАСОК левее.

Прошедшие в октябре 1982 г. в два тура коммунальные выборы, на которых ПАСОК и КППГ нередко выступали как союзники, продемонстрировали радикализацию общественных настроений в Греции, так как местная компартия по ряду позиций опередила правящее Всегреческое социалистическое движение, не говоря о уже об оппозиционной Новой Демократии. Лишь во втором туре ПАСОК получил подавляющее большинство в 89 из 136 округов.

Несмотря на то, что А. Папандреу фактически не реализовал свои радикальные по содержанию предвыборные обещания (выход из НАТО и ЕЭС, немедленный вывод американских баз, принятие “социалистической конституции”), Греция оказалась в изоляции внутри Западного блока, а заигрывание со странами коммунистического мира не принесли никаких серьезных дивидендов. Внутри самого ПАСОК Папандреу приходилось считаться с марксистски настроенной группировкой, составлявшей костяк движения. Нарастание экономических трудностей, ослабление позиций Греции в Западном блоке, имеющие соответствующие социально-политические последствия для страны, порождали недовольство в широких слоях населения. Естественно, что в этих условиях оживились надежды на реванш основного оппонента ПАСОК — Новой Демократии, возглавлявшейся с 1981 г. Эв. Аверофым. Пробой сил предполагалось сделать выборы в Европарламент, назначенные

на 17 июня 1984 г. Как отмечали специалисты по политическому консалтингу, ведущую роль среди которых играли представители одной британской фирмы, некогда сотрудничавшей с консервативной партией Великобритании, НД использовала все имевшиеся в ее распоряжении финансовые возможности в количестве, несопоставимом с другими, участвовавшими в выборах партиями. Однако результаты оказались вновь в пользу ПАСОК, получившего 41,6% голосов. Новая Демократия была поддержана 38,1%. На третьем месте оказалась греческая компартия — 11,6%. Всего же от Греции представителями стали 10 кандидатов ПАСОК, 9 — от НД, 3 — от КППГ и по одному от КППГ (вн.) и Национального политического союза. Очередное поражение Новой Демократии, хотя и получившей всего на одного представителя в Европарламенте меньше чем правящий ПАСОК, заставила задуматься ведущих деятелей НД над политической перспективой этой партии. Поэтому уже в сентябре ее лидером был избран динамичный и активный политик, почти ровесник А. Папандреу К. Мицотакис. Четырехлетний срок пребывания у власти социалистов истек в октябре 1985 г. и предстояло уже заранее готовиться к общенациональным парламентским выборам. Поэтому изменения в руководстве основной оппозиционной партии были не случайны. Со своей стороны и ПАСОК предпринял усилия, направленные на получение выгодных для него условий выборов. Руководство социалистов пошло на переговоры с политическим противником — Новой Демократией с тем, чтобы выработать приемлемую для двух крупнейших партий формулу нового закона о выборах (против чего выступала КППГ, предложившая уже разработанный ее экспертами закон о пропорциональной системе выборов). Новый закон предусматривал в случае одобрения его парламентом введение так называемой усиленной пропорциональной системы, включавшей сложную схему подсчета и распределения голосов с соответствующими процентными порогами и соотношениями.

Чем ближе становилась дата голосования — 2 июня 1985 г., тем сильнее становилась межпартийная борьба. Лидер ПАСОК А. Папандреу попытался избавиться от “правой опеки”, расчистив себе поле накануне парламентских выборов. В марте он резко выступил против обновления президентского мандата К. Караманлиса на предстоящие пять лет. Отставка президента — давнего оппонента премьер-министра, временное пребывание на этом посту представителя ПАСОК Я. Алевраса, выполнявшего свои функции до избрания президентом Х. Сардзетакиса¹⁶, позволило ПАСОК, как справедливо отмечали эксперты, гарантировать “для себя все три главные звена в политической системе Греции — президент республики, правительство, парламент”. Устремления А. Папандреу, как они обнаруживались при анализе его действий, заключались в реализации трех последовательных шагов: укрепление позиций в структурах власти; расширение электората за счет привлечения в ряды своих сторонников как левых, так и тех, кто выступал за европейскую интеграцию; минимизация влияния оппонентов из левого и коммунистического спектров на политическую жизнь страны и ПАСОК как партии. Все эти меры предусматривали в конечном счете завершение создания двухпартийной системы, главными участниками которой стали бы ПАСОК и НД, причем социалисты предполагали объединить под своим руководством всех левых. Одним из путей реализации задуманного плана была ревизия конституции 1975 г., предусматривавшей слишком широкие полномочия для исполнительной власти в лице президента. При этом, в расчет брался тот факт, что при определенных обстоятельствах, в частности, разногласиях между премьером и президентом, последний мог использовать свои права и фактически

гг.
пр ¹⁶ Христос Сардзетакис занимал пост судьи в Верховном суде и был известен своими демократическими взглядами еще с начала 60-х гг. Во время существования военного режима в Греции в 1967–1974 он занимал активное участие в антидиктаторском движении.

свести на нет победу той политической силы, которая получила власть в результате проведенных выборов.

В свою очередь, в греческой компартии, претендовавшей на значительность в левом движении страны, идея двухпартийной демократии рассматривалась крайне отрицательно, а концепция ПАСОК, представляемая его лидером А. Папандреу в виде дилеммы “или ПАСОК или правые”, воспринималась враждебно. Параллельно руководство КПГ вело кулуарную работу, направленную на “разложение” парламентской фракции ПАСОК изнутри и приобретение в ней союзников накануне выборов в парламент.

Парламентские выборы 2 июня 1985 г., проходившие в соответствии с новой системой “усиленной пропорциональности”, выявили особенности общественно-политических предпочтений большинства греков и их результаты говорили о складывании традиционных электоратных групп в стране, когда партия-победительница и потерпевшая поражение отстают друг от друга на сопоставимое количество голосов избирателей. “Колебания интересов”, наблюдавшиеся ранее на выборах в Греции, и наличие “третьей силы” в лице компартии или организации, под прикрытием которой она действовала (как это было с ЭДА), однако, продолжало сохраняться. На парламентских выборах июня 1985 г. ПАСОК получил 45,8%, НД – 40,8%, КПГ – 9,9%. Распределение мест в парламенте произошло таким образом, что социалисты сократили свое присутствие со 172 до 161 места. Новая Демократия, наоборот, благодаря новой избирательной системы получила дополнительные места увеличила свое присутствие с 115 до 126 мест. Но наиболее драматично сложилась ситуация с распределением мест КПГ – она не смогла перейти 10% барьер, требовавшийся для придания партии статуса парламентской.

Развитие событий после выборов свидетельствовало о том, что сложившаяся двухпартийная система пока еще продолжает зависеть от ряда обстоятельств политической жизни страны,

а именно: наличие хотя и не способной действовать самостоятельно греческой компартии, заставляло нередко обращаться к ее поддержке. Эта тактика была характерна прежде всего для ПАСОК. 14 марта 1986 г. социалисты обратились с секретным письмом к КПП, в котором содержались предложения о проведении консультаций на предмет развития сотрудничества как в решении конкретных политических проблем, так и в более широком смысле. Однако позиция компартии оказалась неизменной в отношении ПАСОК, а сам факт обращения с конфиденциальным посланием был разглашен. В ряде случаев, оппозиция КПП пасоковской политике приводила к блокированию компартии с Новой Демократией (что, разумеется, отвергалось руководителями компартии).

Пребывание ПАСОК у власти в конце 80-х гг. было отмечено серьезным ухудшением экономической ситуации в стране, ростом инфляции и рядом скандалов, связанных с коррупцией в высших эшелонах власти. К тому же и сама личность А. Папандреу оказалась под огнем общественной критики из-за семейных проблем, возникших у премьера. Несмотря на активные и энергичные меры, предпринимавшиеся лидером социалистов с целью добиться для себя и своей партии благоприятного отношения и восстановить доверие греков, к концу 1988 г. многие из бывших сторонников и влиятельных сподвижников премьер-министра постепенно стали отходить от него. Ситуация, складывавшаяся для социалистов, оказалась крайне неблагоприятной.

К апрелю 1989 г. в политической жизни Греции уже сформировалось три блока основных сил, предполагавших свое участие в предвыборной борьбе. Помимо традиционных уже партий ПАСОК и Новой Демократии, на политической сцене появилась формировавшаяся при деятельном участии греческой компартии “Коалиция левых и прогресса”. Разочарование определенной части избирателей, ранее поддерживавших ПАСОК, выразилось в переходе их в стан этой “третьей силы”, не при-

надлежавшей ни к лагерю Всегреческого социалистического движения, ни к Новой Демократии. Созданное компартией в союзе с другими левыми организациями объединение получило на общенациональных парламентских выборах 13,1%, а на проводившихся параллельно выборах в Европарламент 14,3%, т. е. соответственно 28 и 4 места. Победа, одержанная Новой Демократией, получившей 44% голосов и 144 места в парламенте превратила ПАСОК во вторую по влиянию (39% голосов и 125 депутатских мест) политическую силу. Новое правительство возглавил лидер НД К. Мицотакис. Однако в силу сложившегося баланса сил он не смог сформировать однопартийное правительство большинства и был вынужден уступить А. Папандреу, который, в свою очередь, также не смог сформировать кабинета, приемлемого для всех парламентских фракций. Вскоре очередь дошла до Генсека КПП Х. Флоракиса, который предпочел через некоторое время отдать прерогативы образования правительства лидеру НД Мицотакису, но с условием, что последний предоставит коммунистам определенные позиции в таком правительстве. Всё очевиднее становилась нестабильность достигнутых компромиссов и попытки Новой Демократии избежать новых парламентских выборов, предпринятые ее руководителями сначала, вскоре сменились их стремлением все-таки провести вновь общенациональные парламентские выборы, чтобы получить возможность сформировать собственный кабинет. Новые выборы, прошедшие 5 ноября 1989 г., однако, не позволили реализовать полностью этот план, так как их результаты не дали больших преимуществ НД — она получила 46% и 148 мест в парламенте, в то время как ПАСОК улучшил свои прежние результаты, получив 41% голосов и 128 мест. Но наибольшие потери оказались у левых, объединенных в Союз левых сил. Вместо предыдущих 13% они смогли собрать лишь 11, а их присутствие сократилось с 28 мест до 21 (что было существенно для этого политического блока партий и организаций). Результаты выборов были таковы, что ни одна из серь-

езных сил, получивших места в парламенте, оказалась не в состоянии сформировать самостоятельно собственное правительство. Не менее сложно обстояло дело с образованием коалиционного кабинета, так как ни ПАСОК, ни НД не желали даже идти на компромисс, который, по их мнению, мог серьезно повлиять на дальнейшее поведение их электората, так как ближайшая перспектива новых парламентских выборов заставляла думать лидеров этих партий о дальнейшей политической стратегии. Новый кабинет, названный правительством “национальной необходимости”, возглавил 85-летний бывший председатель Национального банка Греции Кс. Золотас. Фактически вся страна и ее политический мир ожидали новых выборов. Именно они и должны были решить дальнейшую судьбу главных конкурентов — Всегреческого социалистического движения и Новой Демократии. Фактически, менее чем за один год греки были вынуждены трижды выбирать парламент страны. В апреле 1990 г. ситуация решилась в пользу НД, которая набрала 47% голосов и получила 150 депутатских мест. ПАСОК потеряло частично имевшуюся у нее ранее поддержку — 39% и 123 места. Союз левых сил стал третьей парламентской партией (10% и 19 мест), но несопоставимой с двумя главными “гигантами” в лице конкурировавших социалистов и эндэков. Новый премьер К. Мицотакис столкнулся со сложным экономическим положением, растущей инфляцией и другими серьезными последствиями девятилетнего правления ПАСОК. Ему предстояло в достаточно короткие сроки и с помощью крайне непопулярных мер изменить положение.

Стечение ряда объективных экономических и политических обстоятельств оказалось неблагоприятным для пребывания у власти кабинета Новой Демократии. Вскоре на смену премьер-министру — лидеру НД К. Мицотакису пришел вновь А. Папандреу, чья партия — Всегреческое социалистическое движение получила вновь поддержку избирателей. В немалой степени победе и успехам ПАСОК способствовала фрагментация непа-

соковского левого спектра политической сцены Греции. Возглавляемая Папандреу партия оказалась единственной мощной силой из числа левых. Вплоть до января 1996 г. А. Папандреу занимал пост премьера, когда по состоянию здоровья он был вынужден отказаться от этого поста. На смену ему пришёл К. Симитис. После последовавшей 23 июня 1996 г. смерти А. Папандреу внутри ПАСОК обострилась внутренняя борьба за “наследство”. Состоявшийся через несколько дней после смерти Папандреу IV съезд ПАСОК выявил степень внутрипартийного конфликта между различными группировками в руководстве Всегреческого социалистического движения. В результате прошедших выборов победу в борьбе за пост руководителя ПАСОК одержал премьер-министр страны К. Симитис. Сохранение сложившейся двухпартийной системы в стране, главными политическими силами в которой являются ПАСОК и Новая Демократия, было одной из характерных черт политического развития Греции конца 80-х — 90-х гг. XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец XVIII — начало XIX вв. были отмечены активизацией национально-освободительного движения греческого народа и борьбой за восстановление собственной государственности. Сочетание внутривосточных факторов, существовавших в Османской Империи, и внешнеполитических условий, характерной чертой которых было негативное отношение европейских держав, заключивших Священный союз, к любым формам революций и восстаний, способствовало тому, что война греков против Порты длилась почти 9 лет. Созданное в её ходе новогреческое государство столкнулось на протяжении первых тридцати лет своего существования со всеми характерными для молодых балканских стран трудностями и кризисами: необходимостью формирования аппарата управления и властной вертикали; экономической отсталостью; вмешательством иностранных сил во внутренние дела и зависимость от них на международной арене; необходимостью окончательного освобождения своей национальной территории и населявших её соотечественников из-под иностранной оккупации.

Для Греции все эти проблемы имели знаковое значение и от их решения зависела её дальнейшая судьба. Превращение ново-созданного государства в региональную державу, занявшее по времени около 60-ти лет, имело как внешнеполитическое, так и внутривосточное измерение — её политическая, экономическая и социальная системы должны были соответствовать предъявляемым к подобным странам требованиям, а именно: военнополитическая мощь и вес на мировой арене могли быть достигнуты только при жизнеспособной политической системе и эффективной экономике. Для государств Балканского полуострова, к числу которых относилась и Греция, стабильность и эффективность (как качественные характеристики политико-экономической системы) было традиционно трудно применять

фактически на протяжении всего XIX и большей части XX вв. Поэтому статус региональной державы необходимо было постоянно поддерживать, лавируя и блокируясь с более сильными государствами Европы, а затем и Америки.

Внутриполитическое развитие Греции в 20-е — 30-е гг. продемонстрировало со всей наглядностью многие из закономерностей политической истории стран Балканского полуострова: ожесточенная борьба между различными традиционными политическими силами в той или иной степени способствовала усилению роли института монархии, который на определенном этапе становился “надпартийным арбитром”, но вскоре оказывался заложником сильных личностей из числа представителей военной элиты, или сам трансформировался в диктатуру. “Греческий парадокс” заключался в плавном дрейфе от монархии к республике и возвращении на исходные позиции — реставрации института монархии.

В последующие 20 лет, во время которых Греция пережила оккупацию в годы Второй мировой войны, внутриполитический вооруженный конфликт в виде Гражданской войны и политико-экономическую реконструкцию, проводимую в форме модернизации, были заложены основы современного политического, экономического и социального развития. Кризис роста, выразившийся в начале 60-х гг. XX в. и приведший к установлению в 1967 г. военного режима, просуществовавшего до середины 1974 г., лишней раз стал доказательством сложности модернизационных процессов в таких странах, как Греция. Формирование современной общественно-политической системы этой Балканской страны активизировалось после восстановления гражданского правления и определило основной вектор её развития как типичного средиземноморского, европейского, балканского государства на ближайшие десятилетия.

Именной указатель

А

Абдул-Меджид 58
Аель К. 51
Авероф Э. 209, 294, 309
Агню С. (Анагностопулос, Спирос) 283
Алеврас Я. 311
Александра, принцесса 66
Александрис С. 180
Александрос, принц 105
Али-паша Янинский 15, 18, 39
Альфред, принц, герцог Эдинбургский 66
Амалия, королева 61, 64
Анагностарас 35
Анагностопулос 35
Ангелис 283
Ангелопулос Ан. 179, 181, 182, 184
Андреос, принц 114
Андруцос 53
Аргиропулос А. 267
Армансперг ,Иоган фон 51, 53
Арнаутис 272
Аскуцис Н. 179, 182, 184
Атанассиадис-Новас Г. 262, 263
Аттаюрк К. (Кемаль-паша) 107, 109, 111, 141
Ачесон Д. 259

Б

Балтадзис 113
Бисмарк 77
Бранковяну 29

В

Ван Флит 201
Вафьядис М. (генерал Маркос) 198, 201, 203, 204, 206, 207
Велухиотис А. (А. Клярас) 171, 172
Венизелос С. 182, 209, 216, 217, 218, 222, 224, 226, 233, 236
Венизелос Э. 86, 92, 93, 96, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 107, 108, 113, 114, 119, 120, 122, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 140, 141, 142, 143, 146, 147, 148, 154, 191
Вергетис 177
Видалис 272
Виктория, королева 66
Вильгельм II 99
Владимиреску Т. 36, 37, 38
Вландас Д. 180
Вудхаус К. 172, 177
Вулгарис Д. 22, 65, 73
Вулгарис П. 190

- Г**
- Галаксиоты 18
Таллина В. 42
Гандонас 270
Гаргалидис 118
Гаруфальяс П. 261
Геннадиос 11
Георгакопулос К. 234
Георгалас Г. 280
Георгиос, принц см. Георгиос П
Георгиос I Глюксбург 66, 70, 73, 75, 85, 91, 96
Георгиос II 86, 118, 145, 146, 149, 150, 165, 166, 171, 173, 176, 196, 202
Германос, митрополит 39
Гизикис Ф. 286, 288, 290
Гитлер А. 154, 185
Глезос М. 167
Глюксбург, Христиан Вильгельм Фердинанд Адольф Георг см. Георгиос I Глюксбург
Гоббс 22
Гогусис 244
Гонатас Ст. 117
Граци
Григорий III 29
Григорий V 40
Григориadis Н. 179, 215, 216
Григоропулос 219
Груев Д. 87
- Гугенхайм** 252
Гунарис Д. 103, 112, 113
- Д**
- Даклис П. 104
Дамаскинос, архиепископ 190
Делигиоргис Э. 64, 65
Делияннис Т. 72, 79, 81
Делчев Г. 87, 88
Демердзис К. 123, 146, 148
Депастас П. 22
Депонтас К. 22
Деспотопулос К. 175
Джонсон Л. 258
Дзимас А. 171, 172, 175
Дидро Д. 23
Диомидис А. 214
Довас К. 243, 249, 268
Драгумис 103
- Е**
- Екатерина II 18
- Ж**
- Жантили 31
- З**
- Заимис 35
Займис А. 86, 92, 108, 117, 123, 125, 126, 134, 145, 148

- Захариадис Н. 153, 163, 164, 168, 190, 192, 193, 195, 196, 201, 205, 206, 209, 210, 211, 307
- Зевгос Я. 184
- Зервас Н. 124, 169, 170, 172, 176, 177
- Зирас 118
- Зоитакис Г. 269, 277
- Золотас Кс. 315
- Зорбас Н. 90
- И**
- Ибрагим 44
- Иден Э. 165, 187
- Илиу И, 290
- Инёню И. 141, 258
- Иоаким, митрополит 180
- Иоаннидис Д. 281, 286
- Иоаннидис Я. 181
- Иоаннис М. 180
- Ипсиланти 29
- Ипсилантис А. 29, 36, 37, 38, 39, 40
- Ипсилантис Аф. 22
- Ипсилантис Д. 39, 41, 44
- Ипсилантис К. 32
- К**
- Калогеропулос 208, 266, 270, 272. 273
- Кафов 138
- Каменос 136
- Канарис К. 64, 65, 76
- Канеллопулос П. 209, 221, 249, 253
- Каподистрия И. 39, 45, 47, 49, 50
- Каподистрия А. 50
- Карагеоргий 34
- Карагеоргис К. 179
- Карадзас 35
- Караманлис К. 182, 209, 231, 232, 234, 237, 238, 239, 240, 242, 243. 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 288, 289, 290, 291, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 311
- Карамаунас Л. 180
- Кардамакис 236. 244, 246
- Карталис Г. 175, 233
- Кафандарис Г. 119, 122, 125, 128
- Киркос Л. 290
- Киссенджер Г. 295
- Кларас Б. 177
- Коллетис И. 45, 50, 54, 56, 59
- Коллиас К. 273, 275, 277
- Колокотронис Т. 35, 42, 43, 44, 50, 54
- Кондилис Г. 122, 124, 125, 126, 128, 136, 137, 144, 145, 147, 148
- Констандопулос С. 276, 281
- Константин, Великий князь 66

Константинос, принц, затем
король Константинос I 85,
90, 92, 96, 98, 99, 100,
101, 103, 104, 105, 107,
108, 110, 112

Константинос II 255, 266,
269, 272, 273, 274. 276,
277

Кораис А. 25, 26, 27, 28, 29,
30, 32, 34, 40

Коризис А. 165, 166

Костандопулос С. 237

Кочубей В. 19

Ксантос Э. 33

Кумундурос А. 72, 76

Кундуриотис Г. 43

Кундуриотис П. 104, 107,
119, 121, 123, 126, 127

Кундуриотисы 35

Куруклис Г. 220

Кучюк Ф. 239, 257

Л

Ладас 281

Ламбракис Г. 248

Ландос 35

Левендис Г.Л. 34

Лейбниц 22

Лемницер 258

Леонардатос 118

Леопольд Сакс-Кобургский
50

Ллойд Джордж 106

Логофетопулос К. 175

Локк 22

Людвиг 51

М

Маврокордатос А. 35, 39, 41,
43, 44, 45, 54, 56,

Мавромихалис, Бей Петрос
43

Мавромихалис Г. 50

Мавромихалис К. 50

Мавромихалис М. 91, 92

Мавромихалис Ст. 249

Маврос Г. 292, 294, 297

Майерс Э. 171, 172

Макарезос Н. 273, 275, 281,
289, 294

Макариос, архиепископ 229,
239, 257, 258, 287, 295

Макрис Д. 235

Мандакасис Ф. 23

Маниадакис К. 152, 153

Маргиолис М. 180

Маркезинис С. 209, 228,
233, 244, 250, 284, 288

Маршалл Дж. 200

Маурер 51

Махмуд II 44

Мелас П. 89

Мендерес А. 239

Метаксас А. 56

Метаксас И. 102, 125, 127,
133, 148, 149, 150, 151,

152, 154, 155, 156, 157,

323, 159, 162, 163, 164,
165, 172
Метерних 40
Мехмед 22
Мехмед II Баязид 9, 10, 11
Мехмет Али-паша 44
Миконьянцы 18
Миолодисы 18
Мисиодакис И. 22
Михаил, хаджи 34
Михалакопулос 121
Мицотакис 154
Мицотакис К. 310, 314
Монтескье 21
Муссолини Б. 139, 140, 154,
159, 161, 162, 163, 175
Мустафа-паша Байрактар 86
Миулис А. 64

Н

Наполеон I 26, 31
Наполеон III 60
Нацинас 244
Негрис Т. 35, 41, 42, 44
Нессельроде К. 39
Никитарас 35
Николай I 60
Николопулос Н. 177
Нотарас 35
Ньютон 22

О

Олимпиос Й. 38
Ольга, греческая королева,
Великая княжна, дочь Ве-
ликого князя Константина
Романова 66
Орландосы 35
Отон I 51, 53, 54, 55, 56, 57,
61, 64, 65, 67
Отонэос 126

П

Павлос, принц, затем король
Павлос I 107, 196, 202,
217, 218, 219, 223, 231,
234. 245, 246, 250, 251,
253, 255
Пангалос Н. 33
Пангалос Ф. 115, 118, 121,
123, 124, 125, 126, 139,
140
Папагос А. 145, 162, 165,
217, 218, 219, 220, 221,
222, 223, 225, 226, 227.
228, 229, 231.232. 234, 238
Протопадакис 113
Пападопулос Г. 267, 269,
271, 272. 273. 274. 275,
276, 277, 278, 279, 281,
283, 285, 286, 289
Пападопулос Сп. 21
Папалигурис П. 249

- Папанастасиу А. 119, 120, 122, 125, 126, 128, 131, 142, 148
- Папандреу А. 252, 254, 255, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 272, 278, 283, 288, 291, 294, 299, 301, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 315, 316
- Папандреу Г. 181, 183, 186, 187, 209, 215, 216, 233, 235, 241, 243, 245, 246, 247, 250, 251, 253, 254, 255, 256, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 271, 288
- Папаполитис С. 180
- Папафлессас (Дикеас Г.) 35
- Папулос 136
- Параскевопулос И. 253, 266
- Пасалидис Я. 226, 233
- Паттакос Ст. 273, 275, 276, 289, 294
- Петров Г. 87
- Пипинелис 249
- Пиромаглу К. 169, 170, 172, 175, 177
- Пиюрифой Дж. 225
- Пластирас Н. 112, 113, 117, 126, 133, 136, 154, 169, 187, 188, 190, 214, 216, 217, 221, 222, 224, 225, 226, 227
- Политис 138
- Попов Г. 184
- Порфириогенис М. 182, 184, 202
- Прокопиу А. 237
- Протопападакис 113
- Псаррос Д. 170
- Р**
- Ракидзис 244
- Раллис Г. 234, 272, 302, 303
- Раллис Д. 84, 91, 92, 103
- Раллис И. 175, 178
- Реппас
- Рибас, де 19
- Робеспьер 26
- Родопулос К. 249
- Рудхарт, Игнаций фон 53
- Русос П. 175, 177, 182
- С**
- Сакеллариу 249
- Сампсон Н. 287, 295
- Сандански Я. 88
- Сантас А. 167
- Сарафис Ст. 171, 177, 223
- Сардзетакис Х. 311
- Сволос А. 179, 181, 182, 184, 214, 233
- Сволоху М. 180
- Селим III 16
- Симитис К 316, 325

Скоби 185
Скуфас Н. 33, 35
София, принцесса 85
Софулис Ф. 120, 146, 147,
149, 191, 204, 208, 209,
213
Софьянопулос И. 194, 214,
Спандидакис Г. 267, 270,
271, 272
Сталин И. 198, 207
Стасинопулос М. 293
Стефанопулос Ст. 209, 221,
231, 233, 263, 265, 266,
298
Стратис Д. 181, 182
Стратос 112, 113
Строганов 40
Сулейман 111
Сюндос Г. 168, 172, 181, 186,
194

Т

Теогокас Г. 149
Теококис 90, 92, 103, 113
Теококис Сп. 298
Теококис И. 214
Тито И. Б. 207, 212
Трикупис Х. 72, 75, 76, 79,
80, 81, 82
Трумэн Г. 200

У

Уайнс 177
Удрицки 38

Ф

Фанасекос Г. 180
Фердинанд, царь 119
Фереос (Велестинлис) Р. 25,
29, 30, 31. 32, 33, 34, 34,
42
Флоракис Х. 290
Фотиадис (Катардзис) Д. 22,
29
Фредерик Отто Виттельбах-
ский, принц см. Отон I
Фулбрайт 252

Х

Хаджианестис 113
Хаджикирьякос 118, 121
Хадзибеис С. 179
Хараламбис 35
Ходжа Э. 211
Хритстеас Ал. 219

Ц

Цакалов А. 33
Цакалотос 268
Цалдарис К. 196, 202, 208,
209, 213, 233
Цалдарис П. 125, 126, 130,
132, 134, 135, 143, 144,
145, 146, 147, 148, 196
Цацос К. 182, 209, 294, 297
Цезарь Ю. 22
Циримокос И. 175, 181, 184,
237, 262, 263

Цолакоглу Г. 166

Цудерос Э. 154, 166, 171,
179, 181, 190, 194, 214

Ч

Чернецов 184

Черчилль У. 187

Чёрч Р. 46

Э

Эвтаксиас Эджевит Б. 299

Эзоп 26

Эксиндарис Г. 175

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА¹⁷

1. Общие проблемы новогреческой истории.

Зворонас Н. Кратка история на нова Гърция. София, 1993.

Clogg R. A Short history of Modern Greece. L.-N. Y., 1986.

Clogg R. A Concise history of Greece. L., 1995.

Forster Ed. A Short History of Modern Greece (1821–1956). L., 1958.

Kaltchas N. Introduction to the constitutional history of Modern Greece. N.Y., 1940.

Mavrokordaios J. Modern Greece (1800–1931). L., 1931.

Vacalopoulos Ap. The Greek nation, 1453–1669: the cultural and economic background of modern Greek society. New Brunswick, 1976.

Woodhouse C.M. Modern Greece. A short history. L., 1986.

Zakythinos D. A. The making of modern Greece: from Byzantium to independence. Oxford, 1976.

Κορδάτος Γ. Ιστορία της νεώτερης Ελλάδας. Τ. 9,10. Αθήναι, 1957–1958.

Παπαρρηγοπούλου Κ. Ισхορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. 5, Αθήναι, 1925.

2. Период османского господства и борьбы греков за независимость.

Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970.

Йовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963.

Тодоров Н. Филики Етерия и българите. София, 1965.

¹⁷ В данный список включены только исследования по основным проблемам новогреческой истории и он не является исчерпывающим.

- Феоктистов Е.* Борьба Греции за независимость. С.-Петербург, 1863.
- Henderson G.P.* The revival of Greek thought 1620-1830. Edinburgh, 1971.
- Chaconas St. G* Adamantios Korais. A study in Greek Nationalism. N.-Y., 1942.
- Dakin D.* The Greek struggle for independence, 1821–1833. London, 1973.
- Struggle for Greek independence. Ed. by. R. Clogg. London, 1973.
- Woodhouse C. M.* The Greek war for independence: its historical setting. L., 1952.
- Woodhouse C M.* Capodistria: the founder of Greek independence, 1821-1829. L., 1973.
- Κουκκου Ε. Ε.* Ιωάννης Καποδίστριας. Ο άνθρωπος ο δηπλωματης 1800–1828. Αθήναι, 1978.
- Δημαράς Κ. Θ.* Νεοελληνικός διαφωτισμός. Αθήναι, 1977.
- Ιστορία του ελληνικού έθνους. Αθήναι, 1975.

3. Становление и развитие независимого новогреческого государства.

- Цапова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX в. София, 1980.
- Кирьякидис Г. Д.* Гражданская война в Греции. М., 1972.
- Кирьякидис Г. Д.* Греция во второй мировой войне. М., 1967.
- Никитина Т. В.* Греция накануне первой мировой войны: особенности внутривосточного развития. М., 1984.
- Соколовская О. В.* Греция в годы первой мировой войны. 1914–1918. М., 1990.

- Улуян Ар. А.* Коммунистическая партия Греция. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. 1860-е гг. – 1991 г. М., 1992–1996. Т. 1–5.
- Улуян Ар. А.* Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ). История – идеология – политика. М., 1991.
- Шеменков К. А.* Греция: проблемы современной истории. М., 1987.
- Щерев П.* Пътят към военната диктатура: конспиративните офицерски организации в политическия живот на Гърция след втората световна война. София, 1980.
- Alexander G.* The prelude to the Truman doctrine. British policy in Greece 1944-1947. Oxford, 1982.
- Bower L., Bolitho G.* Otho, king of Greece: a biography. L., 1939.
- Clogg R.* Parties and elections in Greece: the search for legitimacy. L., 1987.
- Couloumbis Th. A.* The United States, Greece and Turkey: the troubled triangle. N.Y., 1983.
- Economopoulou M.* Parties and politics in Greece 1844-1855. Athens, 1984.
- Iatrides J. O.* Revolt in Athens: the Greek communist “second round” 1944–1945. Princeton, 1972.
- Kofos E.* Greece and the Eastern crisis, 1875–1878. Thessaloniki, 1975.
- Legg K. R.* Politics in modern Greece. Stanford, 1969.
- Leon G. B.* The Greek socialist movement and the First World War: the road to unity. N.Y., 1976.
- Mavrogordatos G.* Stillborn republic: social coalitions and party strategies in Greece 1922–1936. Berkeley, 1983.
- McNeil W.* The metamorphosis of Greece since World War II. Chicago, 1978.
- Papacosma S. V.* The military in Greek politics: the 1909 coup d'etat. Kent, 1977.
- Petropoulos J. A.* Politics and statecraft in the kingdom of Greece, 1833–43. Princeton, 1968.

- Richter H.* British intervention in Greece. From Varkiza to civil war. February 1945 to August 1946. L., 1986.
- Spourdalakis M.* The rise of the Greek socialist party. L., 1988.
- Wittner L. S.* American intervention in Greece, 1943–1949. N.Y., 1982.
- Woodhouse C M.* The rise and fall of the Greek Colonels. London, 1985.
- Woodhouse C M.* The struggle for Greece 1941–1949. L., 1976.
- Βερέμης Θ.* Οι επέμβαση του στρατού στη ελληνική πολιτική. 1916–1936. Αθήναι, 1977.
- Δάφνη Γ.* Η Ελλάς μεταξύ δυο πολέμων. 1923–1940. Αθήναι, 1955.
- Δάφνη Γ.* Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα (1821–1961). Αθήναι, 1961.
- Κορδάτος Γ.* Ιστορία του ελληνικού εργατικού κινήματος. Αθήναι. 1956.
- Μπακογιαννη Π.* Ανατομία της ελληνικής πολιτικής. Γέννηση και παρακμή του ελληνικού πολιτικοματισμού. Αθήναι, 1977.
- Ψηρουκη Ν.* Ιστορία της σύγχρονης Ελλάδος (1940–1967). Αθήναι, 1976.

Улунян А. А.
Политическая история
современной Греции.

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. № 020915 от 23 сентября 1994 г.
Подписано к печати 22.4.1998
формат 60x90 1/16
Гарнитура Петербург. Печать офсетная
Усл.печ.л. 20. Тираж 350 экз.
Заказная. Тип.Зак. 10